

СТОЛМЩА

№ 45(51)
1991 г. 1руб.30коп.

«Он всегда владел своими чувствами. Контроля над собой не терял никогда. Никогда». Такое случилось только однажды. Зато фатально. Из-за девушки по имени Раиса...

LOVESTORIES
МИХАИЛА
ГОРБАЧЕВА — с.5

иллюстрированный еженедельник

Аэрофлот предлагает
новую международную авиалинию
МОСКВА—НАГОЯ

ПО ЭТОМУ МАРШРУТУ САМОЛЕТ АЭРОФЛОТА ИЛ-62 ЛЕТАЕТ ОДИН РАЗ В НЕДЕЛЮ.
К ВАШИМ УСЛУГАМ 12 МЕСТ 1 КЛАССА,
18 — БИЗНЕС-КЛАССА И 102 — ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАССА

SU591 Понедельник		Аэропорт		SU592 Вторник
17.45	о.	Москва	п.	17.25
			о.	09.10
		Хабаровск	п.	07.50
10.30	п.	Нагоя	о.	12.10

Время указано местное (в Хабаровске время московское).
ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОЛЕТАХ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ
В ЛЮБОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ АЭРОФЛОТА,
А ТАКЖЕ ПО ТЕЛЕФОНУ: 156-80-19

**ПУТЕШЕСТВУЙТЕ С АЭРОФЛОТОМ,
ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ
УВИДЕТЬ МИР!**

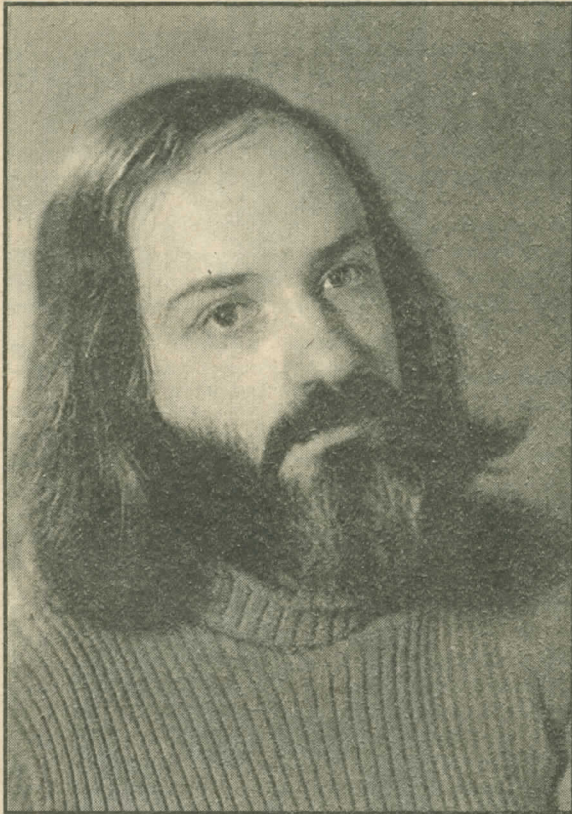

АЭРОФЛОТ
Soviet airlines

АЭРОФЛОТ
Soviet airlines

Михаил ЭПШТЕЙН

СВЕТ КОНЦА

Конца света ждали всегда, по крайней мере, начиная с распятия и воскресения Христова. Но, пожалуй, нигде ожидание конца так не овладевало самим ходом истории, как в России, неумолимо толкая ее к этому самому концу.

Среди народов, условно говоря, исторических и неисторических, Россия выбрала свой путь: входя в историю, тут же готовиться к выходу из нее. Как только история, прорвавшись через запруду ленивого абсолютизма или тоталитаризма, начинала течь с ускорением, пенясь, бушуй и выступая из берегов, тут же готовилось для нее более объемное, потустороннееместище, где она могла бы упокоиться уже окончательно.

Россия привыкла исторические вопросы решать географически. Этой стране принадлежит такое большое место в пространстве, что для нее не так уж легко найти свое место во времени. Приходится само время осваивать как новое место, как третий континент за пределом Евразии, и присоединять к имперским владениям, чтобы сквозь историю постепенно проступали черты потусторонней географии. Так рождается эсхатология — география новой земли, а заодно и нового неба, куда страна переселяется по опыту и праву своих предыдущих территориальных завоеваний.

Время в России вытесняется пространством — это Архимедов закон погружения исторического тела в географическую среду. Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней время — и только сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени. Так происходило после неудачных войн — Крымской, Японской, первой мировой: от России отлетали территориальные куски или хотя бы кусочки, и тут же она полу-

чала толчок исторического ускорения. И наоборот, обременяясь новым пространством, Россия застывала во времени, что и получилось в результате двух победных походов в Европу — 1812 и 1945 годов. Тут как будто физиология государственного тела: отяжелев и насытившись, впадает в сон.

Сейчас, отдав Восточную Европу — Европе, сбросив груз сытого, сонного пространства, Россия опять резвее побежала во времени. И еще больше полегчала бы и воспрянула, сбросив свинцовые вериги своих прилегающих республик... Но похоже, что опять Союз начинает утяжеляться пасомыми стадами соседних народов, и тогда, утолив голод пространства, столь знакомый бегуну и влекущий его вперед, он опять заляжет железным колоссом на пути своих глиняных ног.

Таков еще один закон истории, уже скорее не архимедовский, а эйнштейновский: соотношенность времени и пространства как обратимых величин. Тело, вырастая в массе, постепенно застывает во времени. Обмен этих форм существования непрерывно происходит в истории каждой страны. В России последние крохи времени всегда менялись на глыбы пространства — и вот времени уже не осталось. Впору уже, осваивая нравы свободного рынка, явиться на толкучку народов с плакатом во всю грудь, от Альп до Сахалина: меняю пространство на время. Собственно, обмен начался бурными революциями и отпадающими территориями некогда «братской» Европы.

Парадокс, однако, в том, что едва время начинает убыстряться в России, как тут же предлагаются новые формы его обуздания и остановки. Эсхатологические настроения овладевают российским обществом немед-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esonews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Esonews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 11.11.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991 — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «Аспол».

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 4797

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Свет конца
М.Эпштейн

БЕСТСЕЛЛЕР

5 Женщины Горбачева
Г.Шихи

ВЛАСТЬ

10 Блеск и закат новой номенклатуры
А.Приходин

АРМИЯ

13 72 часа в гарнизоне
А.Маркуша

МЫ

24 Как победили инвалидов
В.Чижов

ВЗГЛЯД

26 Что делать?
А.Минкин

НАУКА

40 Королева в платье Золушки
Г.Ломанов

ГОРОД

44 Генплану 35-го — верны!
А.Митрофанов

СОВЕЩЬ

54 Филипп Гаджен, монах-иезуит

ПРОЗА

56 Эпилот
М.Симашко

АРТ-БИЗНЕС

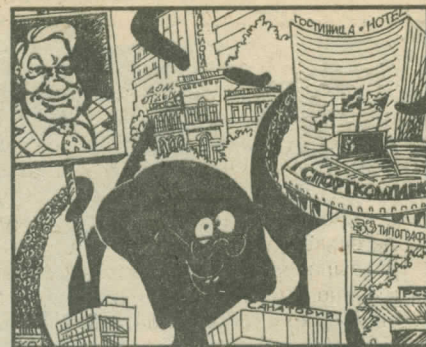
61 «Я всегда был нарушителем законов»
А.Глезер

Над номером работали:

П.Смирнов,
А.Остроухов,
Р.Катеева,
Д.Джафарова

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

16 Вячеслав БАСКОВ: «Знает ли президент России о проделках своей администрации?»

19 Председатель комиссии по законности и правопорядку ВС РСФСР Аслаханов убежден, что чеченской мафии нет. А она уже проникла почти во все сферы жизни Москвы — утверждает журналист О.Петров в своих сенсационных репортажах.

34 Феликс СВЕТОВ: «Если говорить прямо, «Как закалялась сталь» выразила насквозь лживую и челокоенавистническую мысль, показала героя, никогда не существовавшего...»

ленно после того, как оно пробуждается от вековых сновидений к историческому бдению и деланию. Тут же раздаются тревожно-утешительные голоса, что недолго нам еще мучиться тщетой и кошмаром истории. Скоро явится Господь и последней искупительной кровью разрешит суетные раздоры, даруя нам желанный отдых уже после всякой истории.

Так было при Петре, который сорвал Россию с места, насиженного Московской Русью, — тут же он был возведен в Антихриста, и конца света стали ожидать за каждым углом, за каждой верстой, отделяющей Москву от едва построенного и уже обреченного Питера-Вавилона.

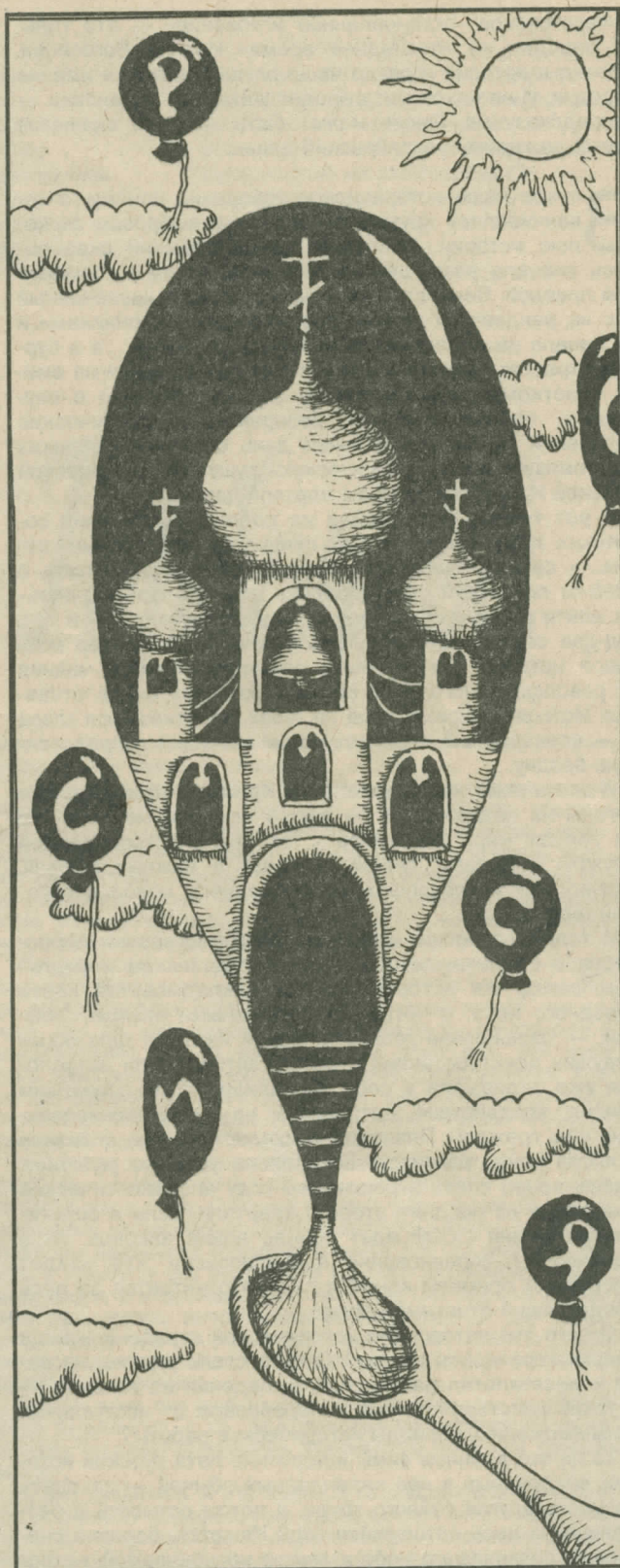
Так было в начале XX века, когда Россия с гиканьем вырвалась из-под самодержавной узды на бойкой тройке своих революций. И тогда, в разгар очередного ускоренья, страна тоже была объята ожиданием конца, словно не долгий путь ей предстоял, а обрыв — то ли ангелы подхватят, то ли бесы уволочут. Не перечислить всех апокалиптиков той поры — от Владимира Соловьева до Владимира Ленина и Владимира Маяковского, от мучительных видений грядущего Антихриста до попыток стать во плоти его образом и подобием, его мечом и словом.

Мережковский и Бердяев, Андрей Белый и Вячеслав Иванов, Блок и Есенин — все они звали Россию сойти с проторенных исторических путей и возглавить путь человечества к новой земле и новым небесам. Существование внутри истории, с ее набором малых средств и отдаленной главной целью, казалось медленной пыткой тления, тогда как впереди манил и маячил мировой огонь, который, по словам Гераклита, все обоймет и всех рассудит. Он же и вспыхнул — этот «мировой пожар в крови», чтобы тут же погаснуть слепящей белизной блоковской метели и, дальше, мандельштамовского твердого наста.

Только Бог имеет силу остановить историю. Пророкам, даже мудрейшим, и вождям, даже свирепейшим, дано только притормозить ее, со скрипом колес и хрустом ломающихся костей в колесницах. И лучшие пророки, провозглашающие скорый конец истории, оказываются предшественниками самых удачливых вождей, для которых с концом истории начинается их собственное «тысячелетнее» царство.

В том-то и суть, что такая прикладная эсхатология завтрашнего дня, приближенного срока есть не что иное, как ранняя усталость от истории и попытка ее задержать. Результатом такой эсхатологии становится вовсе не новая земля и новое небо, которые могут быть сотворены только тем же самым Началом, что в самом начале сотворило небо и землю. Нет, запустелая земля и опустевшее небо — вот что такое **человечески** исполненный конец времени. За которым — не сиянье вечности, а серость безвременья. Желанье конца истории готовит не парусию, а революцию, не завершение истории, а ее выкидыш, даже неспособный ощутить собственное страдание.

Эсхатологическое действие находится только в руках Божьих. Собственно человеческие усилия творят историю, ее продолжение, а не конец. Но и человеческая усталость подготавливает не конец истории, а всего лишь страшную ее растяжку, мучительную задержку, какую-нибудь очередную ленинщину. Не святой покой последнего дня, а лень семидневной не-дели; краткое беснование как повод и право дальнейшего беспокойного безделья.

Фаустовское «остановленное мгновение» — это только пародия на «последнее время» Иоанна Богослова. Однако в истории гораздо чаще осуществляются именно пародии. И на какой миг выпадет желанная остановка — непредсказуемо. Очень может быть, что это окажется серый дождливый октябрьский денек.

Всякое наше историческое ускорение почему-то заканчивалось крутым поворотом и выбросом за колею истории. Ожидание конца времени оказывалось сначала возвышенным обманом, затем — изменной правдой. Вечность так и не являлась в назначенный час на randevу со своими российскими поклонниками и не давала им последних доказательств любви; а в бурных страстях невесты-страны с героями времени на смену короткому революционному спазму приходил в опустелые чресла паралич безвременья. Эротические сравнения — лишь посильная дань соблазнам великих эр, томящих нашу историческую душу: то вакхической пляской Иродиады, то сном мертвой царевны.

И вот теперь, едва выйдя из долгого оцепенения советских лет, история опять двинулась ускоренным шагом... к своему очередному концу. Три примерно года, с 1985-го по 1988-й, понадобилось стране, чтобы очнуться, войти во вкус исторического существования — и вот, год-два спустя, история опять принимает характер массовой истории. Не отделить эсхатологического чаяния от революционного, а их обоих — от всех видов отчаяния. Истощенные крики, пена на губах, закатившиеся глаза и — всенародный перст, отчаянно тычущий в предстоящую бездну.

И опять реют над оснеженным Кремлем то ли светлые ангелы на подхвате, то ли седые искушенные бесы. То ли голуби мира слетелись с вестями чистосердечной дружбы и дарами тучной пшеницы в нежных клювах, только что исклевавших до последнего колоска суровый герб.

И толки, от робких шептаний до громогласных пророчеств, о неминуемом конце света под знаком неумолимых звезд. На историю России накладывается карта звездного неба, с четко расставленными вехами событий, — расширение географической карты с флажками будущих электростанций и автогигантов. То ли астрология уже содержала в себе социализм, то ли социализм усилил воздействие астрологии на дисциплинированные умы граждан. Плановое социалистическое сознание и после конца развитого социализма успешно работает: даешь конец света в решающем году апокалиптической трехлетки, не позднее второго квартала. Если в политической жизни СССР идет сейчас война законов, то в идейной — соревнование апокалипсисов: кто найдет досрочные приметы конца и скорее отчитается за весь предстоящий отчетный период.

Отчего это нетерпение исторической страды и жажда сверхисторической жатвы? Отчего столь долгие, на века и десятилетия растянутые, выпадения из истории — и такие неустойчивые, с перебросом от иступления к изнеможению, периоды исторической работы?

То ли это длинные зимы и короткие лета русской истории, внедренный в нее календарный обычай — закипать на месяц-другой буйного труда, а потом остывать в безделице на весь оставшийся год? Кажется, белизна снегопада, сравнявшего небо и землю нескончаемой, нетронутой пеленой, и задает российское представление о конце света, как о начале света подлинного — бессолнечного, несогревающего, не освещающего ничего, кроме

собственной девственной белизны. Русская история так же неизбежно обрамляется и укорачивается эсхатологической перспективой, как летняя полянка, увиденная в заледенелом окошко.

Следует очень внимательно, с болью терпения для собственной души, видеть разницу между концом света как поучительной идеей и как потусторонней реальностью. Почти каждое поколение и каждый индивид, если они пытаются до конца осознать свое назначение, живут как бы перед лицом подступающего конца. Это данный нам способ определиться во времени — мысленно провести предел себе и всему, жить каждый срок как последний.

Да ведь с каждым человеком и с каждым поколением время и впрямь исчерпывает свой смысл, свет меркнет в чьих-то глазах. Сам конец времени растянут во времени. «Наступили последние времена» — это переживание идет к нам из глубины древности, чуть ли не от Египта и Вавилона, с жалобами стариков на упадок молодых, и передается по волнам времени, каждая из которых должна упасть и сгладиться о прибрежный песок, чтобы могла подняться следующая. Идея конца дана для предельного напряжения и ответственности всей человеческой жизни перед концом, чтобы вечное могло входить во время, не прекращая его.

Но реальность конца находится абсолютно за пределом человеческого знания и осуществления, а если следовать Евангелию, то за пределом и Богочеловеческого, ибо Христос признал себя не знающим время конца — тем более это подобает христианам. Вот почему все попытки предугадать или поторопить конец, приблизить его, шагнуть по ту сторону, тем более повести других за собой — есть уклонение от простой человеческой обязанности: претерпевать время.

История есть не что иное, как искусство терпения, упорство в труднейшей из добродетелей. Жить в истории — значит бодрствовать не засыпая, не впадая ни в иступление, ни в расслабленность. Не требовать немедленного конца, но и не забывать о неминуемом конце.

Итак, пусть светит нам, сквозь толщу предстоящих лет и неведомых сроков, свет неминуемого Конца. Пусть освещает последним смыслом каждый деятельный день, каждую прожитую жизнь.

Но пусть этот свет конца не принимается ошибочно за конец света, снимающий с нас тяготу вседневного существования. Пусть не пресекаются дальние замыслы — для того и остаются неведомыми сроки, чтобы каждый мог наполнить их своим терпением во всю длину предстоящего времени. Самое трудное — долго жить так, как если бы жизнь была коротка и могла вот-вот оборваться. Ежедневным тщанием одолевать ее ежеминутную тщетность.

И если каждый день должен быть прожит как последний, то пусть множатся эти последние дни и слагаются в световые годы и тысячелетия, доносящие к нам вечное свечение Последнего Дня.

В начале этого года в нью-йоркском издательстве «Харпер Перенниал» вышла книга «Человек, который изменил мир: разные жизни Михаила С. Горбачева», ставшая бестселлером. Ее автор, Гейл Шихи, известная американская

писательница, политолог, проделала огромную работу, разыскав и разговарив с сотнями людей, когда-либо соприкасавшихся с нынешним советским президентом — начиная с его детских лет и кончая последним периодом.

Редакция «Столицы» благодарит Гейл Шихи за предоставленную возможность познакомить советских читателей с небольшим фрагментом из этой книги. Он касается истории женитьбы Михаила Сергеевича.

Гейл ШИХИ

Женщины Горбачева

..В студенческом общежитии коридорного типа девушки жили на том же этаже, что и мужчины. Но поскольку каждую комнату занимало от восьми до пятнадцати человек, соседям Горбачева, чтобы иметь хоть какую-то частную жизнь, пришлось выдумать целую систему. В холле они вывешивали табличку «Санитарный час», и это время студент в своей комнате мог побыть с подружкой наедине. Горбачев в этом уговоре не участвовал. Друзей поражал его аскетизм: «Когда все остальные гуляли с девушками, Миша сидел в комнате для занятий и работал по десять — пятнадцать часов в сутки — поразительно».

Аристократическая любовная история

Однако уже на первом курсе появилась девушка, которая привлекла внимание Горбачева. Ею оказалась Надежда Михайлова — одаренная от природы русская девушка, зеленоглазая, с черными, как смоль, волосами, с благородными чертами лица. Она была прекрасной рассказчицей, а своим актерским талантом не уступала Мише. Симпатия оказалась взаимной. Михайлова первая заметила уникальные качества в этом неотесанном деревенском парне. Может быть, в нем она увидела дикого зверя, которого можно привести в дом и приручить?

«Я не могу сказать вам точно, в какой день мы с ним познакомились, но...» — Надежда Михайлова принесла пачку фотокарточек и, вздохнув, показала на Михаила просто как на одного из «нашей компании», которая состояла из четырех сокурсников. «Я была очень романтической девушкой. Михаил тоже был романтиком. Такой романтизм позволяет человеку мыслить и решать проблемы масштабно».

Михайлова имела аристократические манеры, что соответствовало ее происхождению: дед по материнской линии был полковником царской армии, но после революции служил в Красной Армии наотрез отказался, несмотря на нажим со стороны семьи, испытывавшей нужду. Романтическая натура Михайловой позволяла ей придерживаться стиля неунывающей обедневшей аристократки.

«Миша, бедняжка, я понимаю, что ты живешь в общежитии, но нельзя же все время питаться этими отвратительными сосисками», — утешала она крестьянского парня. Постепенно ее голос набирал высоту соловьиных трелей, и она ласково угова-

ривала: «Перед экзаменами приходи заниматься к нам, вот увидишь — мама шикарно готовит».

Ее семья из семи человек занимала всего две комнаты коммунальной квартиры. Но благодаря своей должности главного экономиста в министерстве, занимающемся вопросами продовольствия, отец мог приносить домой такие деликатесы, которые на прилавки обычных магазинов не попадали. Надина мама разливала в тарелки дымящийся ярко-красный домашний борщ, заставляла Мишу отведать и пирога, и копченую лососину, и пирожные с кремом. Поест он любил.

«Представления о культуре он имел минимальные, — рассказывает Михайлова. — Он мог подойти ко мне и сказать: «Надя, если надумаешь пойти на выставку, позови и меня, расскажешь мне об этом художнике». Или: «Если ты соберешься в консерваторию, возьми меня с собой, объяснишь мне идеи этого композитора». Он никогда не стеснялся спрашивать. Другой его бывший сокурсник вспоминает, как Горбачев однажды спросил: «Скажи, что такое балет? Я что-то слышал о нем, но никогда не видел».

Михайлова жила через улицу от Большого театра, она могла простоять в очереди за билетами всю ночь и потом повести его на балет или в оперу. Сама она мечтала учиться танцам, пению, актерскому мастерству, но отец заявил, что сцена — это не занятие для девочки из благородной семьи. Так что всю свою любовь к искусству она обрушивала на этого деревенского мальчика, жадно впитывавшего все как губка. Она научила его ценить французских импрессионистов, но особенно ему нравились «передвижники». «Он много работал над собой, — говорит его первая наставница в области культуры, — это для него характерно и сегодня».

Сейчас, пока она мне рассказывает о Михаиле, ее полная грудь вздымается, а на лице, все еще не потерявшем своей красоты, отражается волнение. Ухаживал ли он за ней, спрашиваю я.

«Я ему нравилась. Я это знала». Она очаровательно улыбается и опускает подкрашенные фиолетовыми тенями веки. «Но он не был в моем вкусе. Я любила высоких, стройных, элегантных мужчин. А он был невысокого роста и толстоват».

Но когда мы с Михайловой познакомились поближе, она сама сказала о подлинной причине, по которой в студенческие годы она игнорировала ухаживания Горбачева. «Из-за своего

аристократического происхождения семья не хотела, чтобы у меня были какие-то отношения с деревенским парнем. Это все в генах». Она говорит с сожалением, но и с пристрастной категоричностью. Странно это слышать от представительницы общества, посвятившего последние 70 лет как раз искоренению классовых различий.

А кроме того, признается она, «он и не пытался ухаживать за девушками. Он вообще был индифферентным». Михайлова привыкла к представлениям о пылких мужчинах, таких, как великие русские поэты, которые могли бы ночи напролет сочинять стихи, признаваясь в своей любви. Миша же никогда не написал ей больше чем записку во время лекции. «Наверное, я ему нравилась, но он никогда не выказывал девушкам своих симпатий». Чтобы эти отношения переросли в нечто большее, ему бы потребовалось несколько лет.

Как бы то ни было, рассказ Надежды Михайловой о Михаиле Горбачеве отмечен печатью одобрения. В конце концов в свои двадцать лет он только начинал осознавать себя личностью. Он заметно отличался от других, причем кому-то из сокурсников он казался странным, кого-то впечатлял, а кто-то его просто боялся.

Первые три университетских года Горбачева пришлось на последние три параноидальных года перед смертью Сталина. Позднее о своих студенческих днях в Москве он вспоминает так: период размышлений о «моральных ценностях, о смысле жизни, о счастье и справедливости, о будущем человечества».

...Колчанов, один из соседей Горбачева по общежитию, говорит, что не помнит ни одного случая, когда Горбачев проявил бы свое раздражение или гнев: «Он всегда владел своими чувствами. Контроля над собой не терял никогда. Никогда».

Такое случилось только однажды. Зато фатально. Из-за девушки по имени Раиса Максимовна Титаренко.

Влюбиться в «престижный объект»

Стройная и изящная, как ивовая ветвь, величественная и воздушно легкая, где бы она ни появлялась, Раиса оставляла за собой толпы изумленных мужчин. В описании Колчанова это выглядит так: «У нее была исключительная, прекрасная фигура. В русском стиле». Эти неуклюжие парни испробовали все уловки, пытаясь завоевать ее расположение, но Раиса отделивалась от них одним холодным взглядом. Школу она окончила с золотой медалью и была студенткой философского факультета, который располагался в одном здании с юридическим. Студенток философского факультета друзья Горбачева считали немного странными, как говорит Колчанов, «они витали где-то в облаках, далеко от реальной жизни. Но в Раисе было что-то особенное».

Зденек Млынарж* замечает: «Она была престижным объектом. Такая же, как сейчас». И, конечно, несмотря на то, что она жила в том же уютном общежитии на Стромынке, что и Горбачев, Раиса была женщиной, с которой можно было связывать свое будущее. Когда она говорила, если она вообще сниходила до разговора, «каждое слово было продуктом особого труда, который она старалась довести до совершенства». Она казалась недостижимой.

Впервые Горбачев обратил на нее внимание на танцах. Находясь на безопасном расстоянии от выхода, он передразнивал своих не очень ловких друзей, и в этот момент Раиса начала танцевать с одним из них. Это был Топилин, нескладный и длинный, во время танца он, как жираф, наклонялся вперед. Горбачев откровенно смеялся над нелепым зрелищем: огромный, высокий Топилин и крошечная Раиса.

Потом он решил вмешаться: «Разрешите пригласить вашу партнершу на танец».

Раиса, ростом всего в пять футов и два дюйма**, с серыми темными глазами, нежной шелковистой кожей, с такой особенной речью и такая элегантная в танце, деревенскому парню ка-

залась видением. Когда после танца Горбачев вернулся к друзьям по общежитию, любовь уже поразила его сердце.

По рассказу Колчанова, «он влюбился в Раису сразу же», с головы до пят, несколько недель не ходил в оцепенении, пока она не проявила ответного интереса. «Я думаю, что он всегда ее любил очень сильно, с самого начала. В шестидесятые годы я навещал их в Ставрополе и видел, что их любовь стала только еще сильнее».

Сейчас Горбачев стал красивым мужчиной, похожим на киномиру, у него чувственный рот, как у Рудольфо Валентино*, подбородок с ямочкой и глаза, как тлеющие угольки. Но тогда у Раисы были и другие мотивы. Как утверждает Млынарж, она почувствовала в Михаиле надежного парня. В Советском Союзе «надежность» — это важная черта характера. Еще он ей понравился тем, что в нем не было «ни капли вульгарности».

Советские люди мало знают о прошлом Раисы. Оно скрывается даже больше, чем прошлое Горбачева. Родилась она 5 января 1932 года в Сибири, в городе Рубцовске Алтайского края. Ее девичья фамилия Титаренко — украинская, но выросла она в основном в горных местах южной Сибири, где когда-то занимались медитацией буддисты и где быстро выросли промышленные города. Позднее Раиса вместе с семьей переехала в Ростовскую область. Там и сейчас живет ее мать. Из-за широких скул некоторые считают, что у нее были предки монголоидной расы — не самая привлекательная особенность в обществе, которое не пытается замаскировать свою неприязнь к татаро-монголам, корнями уходящую в период их господства на Руси.

Ходят слухи, что Раиса — родственница влиятельного работника партийного аппарата и что благодаря этому Горбачев получил протекцию. В закрытом обществе факт заменяется слухом, который приобретает вес абсолютной истины. Но устойчивые слухи о родстве Раисы с Андреем Громыко за все время своего существования не получили ни одного подтверждения. Одному из университетских друзей рассказывали, что родственником Раисы был один из членов Политбюро хрущевских времен. Другие подозревали, что у нее есть родственная связь с Михаилом Сусловым.

Но один из сокурсников, бывавший у Горбачевых дома и хорошо знающий всю семью, уверенно заявляет, что родители Раисы не были высокообразованными людьми. «Ее отец был простым рабочим на железной дороге, она родилась вовсе не в семье важных людей». Много позднее на встрече с группой женщин — влиятельных профессоров и предпринимательниц из Сан-Франциско — Раиса сама призналась, что «родилась в очень бедной семье». Некоторые московские интеллигенты любят подчеркнуть, что ее речь не отличается высокой культурой. Зондируя каждый элемент с усердием, достойным истинных британцев, они заявляют: да, грамматика правильная, акцент верный, но интонация ее выдает. Они утверждают, что Раиса «чересчур провинциальна, точно так же, как и Горбачев, хотя и старается продемонстрировать хорошие манеры».

Хотя Раиса была красива и амбициозна, ее несколько вызывающие манеры были скорее проявлением неуверенности, чем высокомерия. Она приехала в столицу, уже имея достаточно высокий культурный уровень, но стремилась добиться того интеллектуального лоска, который такие люди, как Михайлова, впитывали естественным образом. По данным одного из ставропольских преподавателей, у нее есть брат — писатель**. В Московский университет она поступила, умея читать по-английски (хотя сегодня она произносит по-английски только несколько общеупотребительных фраз).

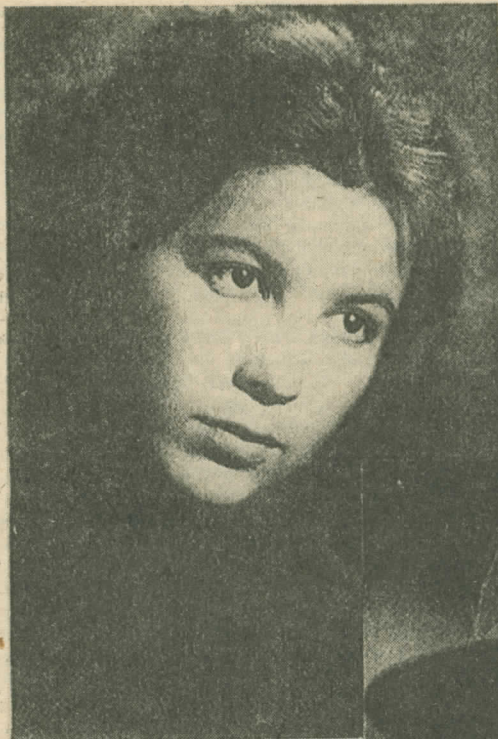
«Раиса была очень посредственной студенткой, — говорит один из ее бывших преподавателей, известный писатель-эмигрант Александр Зиновьев. — Специализировалась она на кафедре так называемого научного коммунизма. Только самые глупые студенты специализировались в этой области. Кроме того, она была активисткой в комсомоле и в партии».

* Звезда американского кино довоенных лет.

** Член СП СССР Евгений Максимович Титаренко в настоящее время находится на излечении в психиатрической больнице г.Воронежа. (Ред.)

* Сосед Горбачева по комнате в общежитии; впоследствии — видный деятель «Пражской весны». (Ред.)

** 157 см.

Студентка Раиса Титаренко
(фото 1953 г.)

Надежда Михайлова,
студенческая подруга
Михаила Горбачева

Студент Михаил Горбачев
(фото 1953 г.)

Горбачев, однако, с самого начала необычайно гордился Раисой. Ему ее уровень казался очень высоким. Действительно, в первые годы ее превосходство над ним было очевидным. Она поступила в университет, имея золотую медаль, тогда как у него была серебряная. И она быстро завоевывала те позиции, которые Михайлова теряла. Она водила Мишу по книжным магазинам и музеям, они ходили в театр на чеховские, горьковские и другие классические пьесы. Вместе они побывали на всех иностранных выставках — в 1953 и 1954 годах страна впервые приоткрылась Западу — и страстно обсуждали экспрессионизм. «К третьему курсу об искусстве, литературе, культуре и спорте он знал не меньше любого другого студента нашей группы», — свидетельствует Колчанов.

«Как и Горбачев, я приехал из деревни, которая находится недалеко от Ставрополя, — рассказывает один из провинциальных чиновников, соблюдая анонимность. — Тогда он был... э...» — он подыскивает слово повежливее.

«Деревенщиной?»

«Ну да, точно. Мне кажется, что именно Раиса резко подняла его уровень. В Михаиле Сергеевиче она увидела хороший материал для лепки. Он был умным, открытым, смелым, работоспособным — но деревенщина. Она его облагородила».

Даже Михайлова делает почти такой же вывод: «Раиса Мак-

симовна, конечно, оказала своевременное влияние на его культурное развитие».

Всю жизнь росту Горбачева помогали незаурядные, энергичные, искренние женщины. Одной из сильных сторон его характера было то, что он не пытался соревноваться с женщинами, которые в чем-то имели превосходство. Вместо этого он говорил: «Поделись со мной. Научи меня». Он всегда усердно и страстно учился, стараясь найти надежную опору для продвижения вперед. Раиса стала, наверное, самой прочной опорой в его взрослой жизни.

«Раиса Максимовна — это alter ego Горбачева, — подтверждал Либерман, старый друг Горбачева. — Книг по политологии она прочитала гораздо больше, чем он. Когда он стал секретарем комитета комсомола всего факультета, на него свалилось много административной работы. Он уже не мог так много заниматься, и у него появились «четверки», иногда он пропускал занятия. Так что даже в учебе она ему помогала. Она всегда помогает Горбачеву».

Их бракосочетание было чистой формальностью, простым расписыванием в книгах ЗАГСа. Зато за этим последовал удивительно мощный удар по студенческому обществу: комсомольская свадьба, на которой были танцы, свадебный стол,

неограниченное количество спиртного. Этого, конечно, не смогла бы обеспечить никакая колхозная стипендия... Один тост следовал за другим, потом еще и еще, пока Млынарж не посадил на свой костюм масляное пятно. В конце концов все перестали чему-либо удивляться. «А где молодые проведут ночь?» После определенных маневров им удалось остаться вдвоем в одной из комнат, но, как только наступил холодный рассвет, им пришлось разойтись по разным комнатам и прождать год, пока они не получили отдельную комнатку в новом студенческом общежитии на Ленинских горах.

«Раиса всегда была очень гостеприимной», — вспоминает Колчанов. В то время она немного готовила сама — жареное мясо, суп или пирожки. Другим редко удавалось пройти мимо их комнаты, ускользнув от ее внимания: «Ну, на чашку чая ты можешь зайти, на минуточку», — уговаривала она.

Так что молодому и общительному Михаилу с помощью привлеченной супруги было легко устанавливать контакты с самыми разными людьми. Среди его друзей были евреи и иранцы, татары и чехи, поляки и болгары. О войне ему рассказывали сами ее участники, жившие с ним в одной комнате, — Топилин, Шапко, Сафронов.

Благодаря общению с образованными женщинами он мог почерпнуть и такие знания, которые не были доступны обычному советскому человеку и которые не предусматривались ограниченной университетской программой.

Как выразилась Михайлова, «он хотел знать обо всем». «Немного он брал от меня, немного от Раисы, от Млынаржа, от Колчанова, но больше всего он обязан самому себе. Он рос прямо у нас на глазах»...

«Невозможно себе представить, что значит для человека, имеющего шанс остаться в Москве и продолжить учебу, а в перспективе попасть в круг московской научной интеллигенции, внезапно узнать, что он должен ехать в Ставрополь», — говорит Барщевский. Конечно, это был удар и для его жены. Но Раиса сохраняла надежду сделать кандидатскую диссертацию в Москве. Для супружеской пары, имеющей намерения сделать партийную и научную карьеру, Москва была единственным местом, обеспечивающим такие возможности.

«Сам Горбачев колебался, что лучше для Раисы — остаться в Москве или ехать с ним в Ставрополь», — рассказывает Либерман. «Ехать с ним — это было ее решение и ее жертва. Она потеряла десять лет до того, как смогла поступить в аспирантуру», — добавляет он. Возможно, этот удар был смягчен ее верой в природные способности мужа. Поскольку в пятидесятые годы в Советском Союзе женщине было чрезвычайно трудно реализовать собственные политические амбиции, она, должно быть, видела в Горбачеве перспективные исходные данные — при их незначительной корректировке эта супружеская пара могла иметь большое будущее.

Назад в Ставрополь

Ставрополь иногда называли «теплой Сибирью». Ставрополь — сонный, малокультурный, грязный городок — был чем-то вроде места ссылки для мелкокалиберной номенклатуры. Туда, на юг, Михаил, а затем и Раиса отправились на медленно ползущем поезде.

Супружеская пара сняла отдельную крошечную комнату, без отопления. Пищу готовили на керогазе. Чтобы вскипятить воду даже на чашку чая, Раисе требовалось двадцать минут. Когда на свет появилась их дочка Ирина, хозяйка сжалась над ними и предложила свою, более теплую комнату.

Миша стал следователем Ставропольской прокуратуры. Должно быть, это была неприятная работа: в те времена в прокуратуре можно было заниматься лишь созданием абсурдной пародии на правосудие либо работать информатором КГБ. «Юристы в СССР имели самую презираемую профессию и самую низкую зарплату», — вспоминает Михайлова. Во всяком случае в официальных документах нет никакого упоминания об этой ступени его карьеры.

Зато теперь Горбачев должен был осознать масштабы сталинских чисток. В буквальном смысле миллионы несчастных жертв сталинского политического террора потянулись из ГУЛАГа к огням городов и деревень. Пять процентов населения еще находилось за проволокой ГУЛАГа, большинство заключенных подали заявления об обжаловании фальшивых обвинительных приговоров.

Горбачев видел это, но, как выразился Вудворте, — «внутренним зрением». Увиденное нужно было прятать в глухой и надежный сейф — памяти — все последующие двадцать три года, пока он прокладывал свой путь через вероломную систему паразитической провинциальной аристократии, все привилегии которой зависели от одного человека — первого секретаря обкома партии.

По мнению Млынаржа и других, Раиса была одним из тех решающих факторов, благодаря которым он быстро добился успеха в Ставрополье. Известно, что Раисе предложили гораздо более престижную работу, чем ее мужу. Она была молода и имела университетское образование, для Ставрополя это редкость. Вскоре после их приезда руководство педагогического института сманило ее с первого места работы в медицинском институте, предложив более приличную зарплату — 1250* рублей в месяц, большие деньги в то время, во всяком случае значительно больше, чем получал ее муж. Она стала преподавать на кафедре философии пединститута.

«Скажу вам прямо, нам было далеко до ее уровня», — говорит заведовавший ее кафедрой профессор Чугуев. Он вспоминает о Раисе с благоговением. — Все в институте ее очень уважали и как преподавателя, и как человека». Но не все разделяют высокую оценку профессора. Когда Михаил впервые привез свою молодую жену в родное Привольное, местные деревенские женщины и не пытались скрыть ревности — «Кто она такая? Кто из себя представляет? И вообще где он ее нарыл?» Яковенко, которая еще девочкой жила по соседству с Горбачевыми, вспоминает: «Наши девочки ее невзлюбили. Они хотели понять, ну зачем она всюду за ним таскается?»

Но и Раиса имела немного общего с жительницами Ставрополя, которые шлепали по улице в домашних тапочках и носили бесформенные свитеры. Это были рабочие лошади для своих мужей, таскающие домой набитые хозяйственные сумки и толкающиеся в бесконечных очередях за продуктами. Не достигнув сорокалетнего возраста, они становились старухами с иссохшей грудью и с толстыми короткими ногами.

Раиса всегда заботилась о том, чтобы выглядеть и одеваться, как европейская женщина. Кроме того, она подолгу была занята на работе. С их новорожденной дочкой Ириной нянчилась двоюродная сестра Горбачева, которая еще подростком переехала в Ставрополь. Позднее у них появилась домработница, она жила у них постоянно, готовила пищу и иногда сопровождала семью в поездках в Москву.

С самого начала отношения между Раисой и Михаилом очень сильно отличались от общепринятых советских норм — это было партнерство равных. «Они были так близки друг с другом, что иногда людей даже раздражало то, что она его везде сопровождает», — вторит профессор Чугуев женщинам из Привольного...

Раиса — пророк перестройки

В 1962 году Горбачев стал посещать философские семинары своей жены в сельскохозяйственном институте, где он начал изучать агрономию. Раз в неделю он втискивался в тесную парту и слушал хрупкий, пронзительный голос Раисы.

Степень кандидата философских наук, полученная Раисой, неэквивалентна степени доктора философии на Западе; это была степень по ортодоксии, более эквивалентная диплому духовной семинарии. Вместо схваток с Декартом и Шопенгауэром Раисе пришлось штудировать методики преподавания марксизма-ленинизма, единственная цель которых заключа-

* Кинорежиссер, автор фильма о Горбачеве. (Ред.)

* До денежной реформы 1961 г., теперь 125р. (Ред.)

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

в чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1953 года 25 сентября месяца
25 числа произведена соответствующая запись
за № 2135

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу Горбачев
жене Горбачева

Место регистрации Солнечногорское
Градбюро зоны города
Посольск

Гражданин Сербачев
Михаил Сергеевич
1931 года рождения С. Трибунское
Сивавокосский край

и гражданка Тимошенко
Раиса Максимовна
1932 года рождения Рубцовск
Рубцовский р-н

вступили в брак 25 IX 1953 года
25 числа в 1953 году
сентябрь месяца в 25 числу

Исполняющий Бюро записей
актов гражданского состояния Сунушин

ЕВ № 047489

лась «во вдалбливании государственной идеологии в головы людей».

Григорий Горлов, учившийся у Раисы в то время, описал те горячие дискуссии, которые вспыхивали между нею и ее мужем-студентом. Например, Горбачев делал доклад о Канте, Раиса его прерывала: «Вы не правы. Это лучше понимать таким образом». А если любопытство заставляло его задать вопрос, она могла его срезать: «Не будем заниматься уточняющими вопросами». Или: «Это обструкционистские вопросы». Она не делала ему никаких поблажек.

«У них одинаковые характеры», — говорит Горлов, и этой оценкой он вторит многим, кто общался с этой парой не один год. Но Раиса всегда была более резкой.

По утверждению Горлова, «дома она иногда ссорилась с Горбачевым по поводу политики или из-за вопросов международного положения. Она могла не одобрять каких-то его идей, но он возвращался к этому вопросу и доказывал правильность своего взгляда на вещи».

Однажды грозная Раиса даже осадил партийного инспектора, контролирующего идеологию. В те годы, когда она преподавала, приход инспектора для проверки уровня преподавания был обычным делом. Но однажды инспектор тайно записал лекцию Раисы на магнитофонную ленту. Узнав об этом, она отправилась прямо к ректору института и потребовала, чтобы тот вызвал оскорбившего ее инспектора.

«Она пригласила ректора, проректора и меня тоже», — вспоминает профессор Чугуев. Выражая свое презрение, она грозила пальцем перед лицами так называемого руководства. «То, что вы сделали, — это в последний раз, — заявила она. — Если вам нужно меня проверить, придите и попросите меня. Но не поступайте так, как в этот раз. Это не этично. Это не честно. Поступайте открыто».

Тщательно подбирая слова, полдюжины мужчин кротко извинялись: «Раиса Максимовна, больше такое не повторится». Поджав хвосты, они оставили ее в покое. Агрессивный пыл Раисы покажется еще более экстраординарным, если вспомнить о том, что ее муж в то время был простым чиновником городского уровня. «Она бы не позволила вульгаризма по отношению к капитализму или любой другой системе, — замечает профессор Чугуев. — Она строго придерживалась взгляда, что приемлем только научный критический анализ. Она очень строго придерживалась и той точки зрения, что люди должны

дискутировать и критиковать только открыто». Таким образом, Раиса была одним из первых практиков гласности. (Первое зарегистрированное употребление этого термина Горбачевым относится к 1971 году, когда он предложил проводить обсуждения в местном комитете партии на принципах гласности демократических методов.)

В Советском Союзе социология была изуродована тем же самым антиинтеллектуальным фанатизмом, который способствовал и разрушению сельского хозяйства, но Раиса Горбачева была одним из тех редких ученых, которые в шестидесятые годы осмеливались проводить независимые исследования среди крестьян-колхозников.

В соседнем Краснодарском крае Раиса провела исследования в коллективе, который одним из первых отказался от системы трудодней и потребовал оплату деньгами за каждый рабочий день. Они назвали эту систему хозрасчетом, это означало, что их зарплата и премия находились в прямой зависимости от объема собранного урожая, а не фиксировались на уровне определенной, гарантированной государством суммы, одинаковой и для ленивых пьяниц, и для настоящих тружеников. Продолжая проводить до восьми часов в день на преподавательской работе, будучи молодой мамой, Раиса написала диссертацию, в которой доказывала, что благодаря этой неортодоксальной инициативе повышается благосостояние крестьян.

Кандидатская диссертация Раисы также могла оказать влияние на политическую карьеру ее мужа: «Хозрасчет» стал краеугольным камнем горбачевской программы реконструкции советской экономики. «Верно ли мнение о том, что он много почерпнул из исследования Раисы?» — спросила я у профессора Чугуева. «Несомненно, — ответил он. — Она, конечно, обсуждала результаты своих исследований с Михаилом Сергеевичем. Так что он держал это в голове с давних, давних пор». «При общении с этой супружеской парой, — вспоминает один из ее знакомых, — всегда чувствовалось их огромное уважение друг к другу. Горбачеву была известна любая подробность ее работы и жизни. Меня даже удивляло то, насколько близкими и равноправными партнерами в своих взаимоотношениях они были».

Перевод Сергея ПАНОВА

Александр ПРИХОДИН

Блеск и закат НОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Исчезли московские районы, а вместе с ними исполкомы. Кто следующий — совесть? Возможно. Но опыт передачи всей власти на местах в эпоху перестройки пропасть не должен. Что же они с этой властью сотворили?

ФИРМА

Как-то один из «коммунистических инициативников» убедил меня в жизненности и способности городских Советов. А когда я предложил ему полюбоваться на плоды их деятельности в Москве после прошлогодних выборов, он убежденно ответил: «Это была диверсия со стороны Попова и К°. Они задались целью развалить Советы и дискредитировать их. И своего добились».

По этой логике, мэру следовало бы насадить «демократических диверсантов» и в руководители районных Советов — чтобы «развалить» их и отдать власть префектурам. Но почему-то не так уж много среди префектов оказалось бывших демократов — председателей Советов. Большая же часть их осталась, что называется, у разбитого корыта и, видя как зашаталась земля под их благополучным существованием с солидными окладами, секретаршами и акционерными обществами, словно по мановению волшебной палочки, оказалась в «демократической оппозиции» к мэрии. Забыв, как несколько месяцев назад одергивала непослушных в своих же Советах и укрепляла собственную исполнительную власть.

ОЛЕГ АХМЕДОВ

«Коммунизм — это, конечно, плохо. Но зачем за бесценок дома сдавать?»

Н.А.Бородина раньше работала секретарем Дзержинского райисполкома г.Москвы. Больше всего ее тогда удручали некомпетентность, администрирование в работе должностных лиц.

— Я думала, — говорит Наталия Алексеевна, — что после выборов в районный Совет придут новые люди и он оживет. Много надежд было на инициативу самих жителей района. В 1989 году начал работать комитет общественного самоуправления (КОС) «Сретенка»... Но в результате мы получили по существу все тот же исполком, но только в гротескном виде — как президиум райсовета. Степень некомпетентности новых чиновников превзошла старых. Как, впрочем, и их аппетиты. Не припомню, чтобы в застойное время в состав жилищной комиссии включали тех, у кого были проблемы с жильем. Из нынешних же 13 членов этой комиссии девять получили новое жилье, хотя никогда не являлись очередниками. И это в то время, когда многие жители живут в ветхих домах, их не ставят на очередь, когда коренных москвичей переселяют на окраины города. В нашем районе около 70% жилья — коммунальные квартиры, более 40% — без газа и электричества...

Впрочем, новая элита превзошла старую еще и по части изобретательности. Газета «Куранты» уже писала о том, как председатель вышеупомянутой комиссии Л.Н.Егорова, которой досаждал запах красок, проникающий к ней из комнаты соседа-художника, в три дня выбила ему новое жилье. А сама стала полновластной хозяйкой четырехкомнатной квартиры в центре Москвы. Операция эта не стоила больших трудов: дабы успокоить неугомонных депутатов, пришлось всего лишь заменить «Л» на «А» в инициалах да поставить в документах вместо первого второй адрес углового дома.

«А что же депутатский корпус района, он-то куда смотрит?» — спросит недоуменный читатель. И, возможно, вспомнит даже, что в большинстве своем он состоит из сторонников «Демократической России». Верно, состоит. Но, перейдя из «рядовых» народных избранников в работники аппарата Совета, 45 народных депутатов приобрели

совсем иной уровень понимания проблем, избавились от наивных эгалитарных мечтаний предвыборной кампании. В один присест эти люди поняли, что масштабные планы требуют масштабных затрат. Вместо одного помощника председателя райисполкома в штате Совета появились: два у председателя и еще два — у заместителя. Их зарплата «съела» штатные единицы — сотрудницу приемной, секретаршу, заведующую сектором писем. В новой структуре эти должности оказались ни к чему.

Новые власти не собирались потакать всяким там жалобщикам и искателям справедливости. Можно было (подобно директору интерната для слепых детей) весь день просидеть в приемной председателя райсовета Д.А.Семенова и не заставить его. Можно было (подобно автору этих строк) три недели кряду звонить по телефонам самого Дмитрия Алексеевича, его заместителя и предрика с аналогичным результатом. Но это теперь оказалось главным для районных властей. В духе новых веяний они взяли курс на овладение таким искусством, как коммерция. И даже если оставить в стороне вопрос о том, что может быть общего между сим почетным ремеслом и ремеслом государственного служащего, даже если сослаться на опыт «презревших догмы» первопроходцев из других районных Советов, все равно не уйдем от недоуменных вопросов и пожиманий плечами.

Бизнесмены из руководителей Дзержинского райсовета получились в чем-то сродни Шуре Балаганову, не сумевшему удержаться в самый неподходящий момент от банальной карманной кражи, хотя счастье и сытая жизнь были так близки. Этот образ приходит на ум, когда слышишь об истории бывшего жилого дома № 9 (строение № 1) по Рождественскому бульвару.

Последнее время здесь размещался союзный Минрыбхоз. В конце же прошлого года было создано Внешнеэкономическое акционерное общество (ВАО) «Соврыбфлот», одним из учредителей которого стал Дзержинский райсовет. А раз так, то как не порадовать родному человечку! Здание общей площадью 3 тысячи 835 квадратных метров было продано ВАО за 2 миллиона рублей. Заметим, сделка состоялась в то самое время, когда газеты писали об аукционах на право долгосрочной аренды, которое оценивалось в

сумму 8—9 миллионов рублей. Известны были и такие сделки по аренде, когда арендосниматель обязывался построить владельцу какое-то количество тысяч квадратных метров жилья (к слову, последние пять лет на территории Дзержинского района строительство жилья практически прекратилось, идет только его продажа). Дабы соблюсти приличие, председатель райсовета подписал постановление президиума об отчислении КОС «Сретенка» (он выступал против сделки) «рублевой части средств от дивидендов по акциям». Успокоив таким путем общественных витий, Дмитрий Алексеевич подписывает на следующий день другой документ — теперь уже личное распоряжение: «Командировать заместителя председателя комиссии по экономической политике т.Золотова Александра Юрьевича в А/О «Скарус» в Швецию (срок командировки 60 дней...). Командирование осуществлять за счет средств ВАО «Соврыбфлот».

Член президиума Дзержинского райсовета А.Л.Александров (между прочим, никогда не состоявший в КПСС) рассказывал мне, как его и других «оппозиционеров» нынешние депутаты-аппаратчики часто прерывали репликами, совершенно не относящимися к делу: «Вот доправились коммунисты, разграбили страну!» На что диссиденты отвечали почти по Гоголю. Дескать, коммунизм — это, конечно же, плохо; но зачем дома за бесценок отдавать?

Теперь, думаю, понятно зачем...

«Строгие законы шариата нам, законооведам, не страшны...»

Наверное, руководители Дзержинского райсовета возразили бы, что в их активе есть и другие, более удачные коммерческие сделки. Что ж, сделки эти с успехом дополнили бы портфель аргументов борющихся с «диким капитализмом» «коммунистических инициативников». Предлагает, скажем, комитет самоуправления разместить в строении № 3/4 по улице Хмелева дом престарелых. А дом этот передают одной редакции. Дом же № 16 по Цветному бульвару, где, по всем наметкам КОС, должна была разместиться поликлиника, оказался арендованным коммерческой организацией.

Никто не спорит: конечно же, президиум райсовета должен быть заинтересован в отчислениях с прибыли на нужды района. В том числе и коммерческих организаций. Другое дело, что при всем при этом руководители Совета напрочь забыли интересы тех, с кем так рьяно заигрывали в предвыборную кампанию. Почуяв себя безраздельными хозяевами, новая номенклатура перестала оглядываться на закон. Прокурор района И.И.Иванов направил тогдашнему председателю Моссовета Г.Х.Попову и самому Д.А.Семенову не одно «представление о нарушении законодательства в деятельности президиума Дзержинского райсовета». Но зря пытался он докочичаться до местных властей, объяснить им, что ликвидация шести государственных магазинов, передача их бесплатно кооперативу — это правовой беспредел. Ибо, по закону, имущество бывших государственных предприятий не дарят, а продают или сдают в аренду. Не более чем сотрясанием воздуха оказался и протест прокурора по поводу незаконной передачи малому предприятию земельного участка у метро Щербаковская (ныне Алексеевская).

Номенклатурная приватизация, о которой кричат сейчас почти все газеты, началась на районном уровне еще задолго до попыток мэрии «приватизировать» СЭВ и Академию народного хозяйства. Собственно, все эти попытки предпринимались не на пустом месте. В ноябре прошлого года, например, в Дзержинском районе было зарегистрировано малое предприятие «Техоб». Оно получило в уставной фонд основные средства, принадлежащие ПРЭО. Но потом президиум райсовета все же отменил это решение одной из своих комиссий. Впрочем, это скорее исключение, чем правило. Подтверждает это отношение к другим прокурорским протестам и представлениям. Одни из них не рассматривались в установленные сроки, другие вообще не рассматривались, третьи — с порога отвергались. Особенно не понравились отцам района доводы прокурора о том, что «...президиум утверждает новую структуру организации аппарата райсовета, новые штаты...». Да и кому это понравится, если покушаются на твое материальное благополучие? Вот цифры. На 1 января 1990 года расходы на зарплату по райсовету составляли 195 тысяч 293 рубля. Спустя

год сумма эта выросла почти в 3,5 раза. Теперь она равнялась уже 471 тысяче рублей. Но и это не все. Посчитав себя обделенными после апрельского повышения цен, руководители Совета провели через президиум решение о персональных надбавках к должностным окладам: председателю (300 рублей) и некоторым работникам аппарата (30 процентов).

Излишне доказывать, что депутаты, которые перешли на постоянную работу в новый аппарат, в условиях экономической разлуки чувствовали себя весьма неплохо. Можно было ничего не смыслить в делах комиссии, которую ты возглавляешь (например, комиссией по жилищному хозяйству и благоустройству руководит О.В.Гага, бывший экономист ВНИИ консервной промышленности, а комиссией по строительству — Н.А.Никифоров, работавший ранее мастером на телевизионном заводе), и иметь при всем при том не такой уж малый оклад и уважение подчиненных. Можно, наконец, спустить на тормозах вполне законное требование одной трети депутатов созвать сессию Совета, чтобы заслушать отчет президиума, обсудить вечные проблемы: распределение жилья, талонов на товары... Можно обвинить беспартийных депутатов в том, что они действуют по указке райкома партии, и скромно умолчать при этом, что бывшие работники партаппарата в нынешнем Совете совсем не на последних должностях: председателя исполкома, его заместителя, заместителя председателя Совета. Впрочем, сейчас депутаты-аппаратчики уже изрядно позабыли, кто из них год назад принадлежал к какой фракции — «Дем. России» ли, «Коммунистам России» ли... И «старых» и «новых» объединили одни и те же интересы — скромное желание как можно больше продлить свое безбедное существование. Почуяв вкус власти, новая элита не собиралась отдавать ее за «просто так». А уроки мимикрии она получила у своих «старших» наставников. Надо сказать, что «новые» оказались очень способными учениками. Это лишний раз подтвердили события 19—21 августа.

— На внеочередном заседании президиума Дзержинского райсовета нашлись только два человека, которые четко квалифицировали происшедшее как незаконный переворот, — рассказывает депутат

А.Л.Александров. — Преобладали же речи с призывом собрать урожай, крепить организованность и т.д.

— Станным показалось нам поведение и председателя Совета Д.А.Семенова, — продолжает Александр Леонидович. — Во время заседания он молчал, а само заседание вел его заместитель... Мое предложение о созыве внеочередной сессии райсовета не было даже поставлено на голосование. Никакого решения на том заседании принято не было.

— Не было оно принято и в последующие два дня, — добавляет член президиума райсовета Л.И.Медведь. — Когда же мы 21 числа потребовали от Д.А.Семенова дать оценку событиям, он ответил: «Ну да, дам я вам такую оценку, а вы меня потащите в КГБ».

...Сейчас те, кто призывал 19 числа убирать урожай, ходят в Дзержинском райсовете в героях. Можно подумать, что именно они отразили натиск танков и защитили «Белый дом». Диссиденты же опять оказались костью в горле. По их наущению-де новый префект Северо-Восточного административного округа В.Г.Систер не взял никого из работников аппарата Совета в аппарат префектуры. Оппозиционеры же не собираются оправдываться: они заявляют, что если некомпетентные люди попадут в новые органы власти, то скомпрометируют их. Так же, как скомпрометировали новые Советы.

...Что делать с районными Советами вообще, похоже, еще никто окончательно не решил. Я вот думаю: может быть, опять провести их переборы, чтобы через год получить те же результаты, которые имеем сейчас? А ведь как иначе убедить тех, кто громче всех кричит об «антисоветском мятеже», что они носят с изначально мертворожденной идеей?

Но, боюсь, что эти люди опять предложат нам какой-нибудь новый проект «модернизации» и мы снова окажемся ни с чем...

Анатолий МАРКУША

*Возвращение
через...
сорок
лет*

Рис. К. Рыбалко

Неожиданной не бывает — позвонил старый друг, генерал: «Хочешь на пару деньков съездить в гарнизон?» «Господи, — ответил я, — конечно, в этом гарнизоне я служил сорок лет назад! Как не съездить».

Встречаемся на вокзале. Вагон грязный, обшарпанный. Куле четырехместное (вот вам и генеральские привилегии!). На четыре места белья три комплекта, не очень чистого, но весьма влажного.

Первое удивление. Генералу и мне (под его марку) незнакомые люди с легкостью необыкновенной уступают нижние полки. И проводница, оказывая уважение, приносит недостающее белье из соседнего вагона. Выходит, почтение к армии утрачено еще не полностью.

В пункте назначения нас встре-

чает круглолицый седой майор и едва ли не на третьем слове сообщает: «Скоро, слава Богу, увольняюсь», — а на десятой минуте общения начинает зондаж относительно семейной путевки в Адлер.

До гарнизона сто километров, преодолеть их предстоит на... санитарной машине. Она трясется, грохочет и грозит развалиться на ходу. Двумя днями позже на «санитарке» заедает колесо. Водитель — сын наших жарких окраин, практически не говорящий по-русски, — долго выколупывает из ступицы спекшуюся грязь, металлическую стружку (смазки там и в помине не было), поплеывает на полуось, и... колесо снова вертится. Тогда приходит второе удивление, не столько от послушного колеса, сколько от дикого отношения к технике.

Приехали. Как ни старался, сколько ни вертел головой, узнать ничего не смог. Была тут голая степь, был один крохотный оазис-ельничек, в нем стояли наши палатки, а теперь — лес. На ветру шумят тугие кроны высоких деревьев. Рядом многэтажки городка, забор, отделяющий... Стоп! Бетонный глухой забор, строгая проходная, у ворот задумчивый солдат, в застекленной будке прапорщик при пистолете. Все, как положено, только забор никакого пространства не замыкает, забор — символ: по эту сторону живем, по ту — служим. Через сотню-другую метров забор обрывается — и, милости просим, ходи туда, ходи обратно...

Генеральские апартаменты в местной гостинице заботливо облагорожены настенными ковриками, половичками, исправным холо-

дильником и тяжелобольным телевизором. Удобства не во дворе (!), но, извините за подробность, воду приходится захватывать с собой. В графине. На вопрос генерала, что же это такое, ответ последовал незамедлительно: «Водохозяйство в гражданских руках». Оказалось — эти заграбастые руки требуют за ремонт летнюю синюю куртку или две с половиной тысячи наличными, тогда обещают все мигом наладить, а нет — пишете заявку. Сделаем, как будет запчастии...

Заговариваю с солдатом, на вопрос, как служится, отвечает заученно бойко: «Нормально!» А в глазах — тревога. Догадываюсь — парень не знает, кто к нему клеится с разговором, и опасается сболтнуть лишнее. Объясняю: сам я тут служил, а теперь приехал взглянуть, что стало с родными местами. И солдат вроде отпускает тормоза. Интересуюсь, как кормят. Смеется: «Нормально» — и поясняет: «Поел, вышел из столовой — через час голодный как волк...» И тогда? «Кто как... мне родители все время посылки присылают». Спрашиваю о свободном времени, как проводит досуг. «Спортзал или кино. Сегодня французская как раз картина. А до того была американская, и еще индийское кино крутят...» Любопытно, не правда ли — так вчерашние политотделы воспитывали патриотизм. На импорте «воспитывали», по известному принципу — числом поболее, ценою подешевле...

Генерала интересуют учебные классы. Все здесь, как полагается, — аккуратнейшие схемы, учебные плакаты, таблицы... Чистота аптечная. Но это все вчерашний день, эти изрисованные стены. Давно существуют компьютерные программы, есть диафильмы, есть современные наглядные пособия, только все это для моего гарнизона чистой воды теория.

«Кто бы объяснил Президенту, что конверсию не с того конца надо вести, — задумчиво говорит генерал, — у нас же не военно-промышленный комплекс, о котором все уши прожужжали, а промышленно-военный! Это преступление — экономить на боевой готовности армии, надо военное производство сокращать, а не на защитниках родины крохоборить». Генерал смотрит в корень: излишества у начальства армейского — одно, а оснащение учебных классов, солдатские харчи и быт, вспомогательная тех-

ника — другое. Тут никак нельзя мелочиться!

На лице прапорщика, изборожденном ранними морщинами, лице, словно задубевшем от солнца и ветра, ехидно щурятся яркие синие глаза. И говорит он с усмешкой: «Фамилию не спрашивайте. Мне еще дослуживать немного осталось. Вы понапишете, а меня турнут... Лучше я вас спрошу. Хорошо? Если человек служит, должен он родину любить? — И сам отвечает: — Обязательно должен. Но как ее любить, если она меня ненавидит? Ни уважения солдату нет, ни памяти ему не положено, одни макароны... Э-эх!»

Генерал толкует в зале с молодыми лейтенантами о «текущем моменте» и про жизнь.

Они откровенны: «Когда мы прибыли, нам выдали кошмарное постельное белье...», «На ужин мы стараемся не ходить, готовят, как свиньям...», «На нас смотрят, будто на крепостных...» Слушаю и ушам своим не верю: восемнадцать молодых, здоровых парней жалуются, жалуются, жалуются. И в стремительном потоке, вероятно, вполне справедливых слов ни единого — о деле, которому они призваны служить. Генерал никого не перебивает. Генерал тоже удивлен. Наконец, не выдерживает: «Ну а о главном... что же вы... ни слова? О боевой подготовке... о методике обучения, о требовательности... (Слова, обозначенные многоточиями, генерал произносит удивительно необходимо, так, вроде для связки.) И юные лейтенанты не обижаются, а с готовностью переключают свои жалобы на тему, удобную генералу.

«Позвольте, — вмешивается в поток стений генерал, — вы говорите, подполковник оскорбляет ваше офицерское достоинство так, беспричинно... Почему терпите?.. Вы убеждены в своей правоте?.. Все? Откажитесь хаму подавать руку! И скажите ему об этом прилюдно, прямо, в глаза... Я, мол, буду приветствовать согласно уставу ваш мундир, ваши погоны, товарищ подполковник, но не более того...»

Казните хама презрением, мальчики... Вы же наш завтрашний день...»

Кто объяснит, что такое дух армии? Из чего он проистекает, как и чем поддерживается? Мне, старому солдату, всегда представлялось: главное — в мелочах! В умении подержать, когда трудно, в умении показать, как надо и как не надо, в

строгости, конечно, тоже, но прежде того — в заботе.

«Почему в середине лета людей в офицерской столовой кормили соевыми помидорами?» — спрашивает генерал. Начпрод мямлит, ничего толком ответить не может, тут подходит гарнизонный врач, и генерал адресуется к нему: «На этой земле, доктор, лук растет?» — «Так точно...» — «А почему... почему... я спрашиваю, в столовой никаких витаминов... и в помине нет?..»

В тот же вечер на столах оказывается салат из огурцов, зеленый лук, на другой день подают витаминную окрошку. Так неужели надо было ехать из Москвы генералу, чтобы «решать вопрос» витаминов? И еще — через день мы уедем, попадут ли тогда на офицерский стол эти незаменимые «деликатесы»?

Подходит время встречи с теми, кто командует лейтенантами, кто честью своей отвечает за мальчишек, кто формирует их судьбу. И вот поднимаются капитаны, встают со своих мест майоры и снова жалуются, жалуются, жалуются. Только теперь на лейтенантов. И учили их, оказывается, плохо, еще хуже воспитывали, они черт знает какого мнения о себе... И вот еще — больно грамотные все!

Мне делается тоскливо и страшно: сорок лет назад на этой самой земле солдафон и тупица подполковник орал на меня: «Больно ты грамотный, паразит! Пишешь характеристику на подчиненного, тра-ля-ля разводишь, а что партии Ленина-Сталина и делу социализма предан, не указываешь! Интеллигент паршивый!»

Неужели так ничего и не изменилось?

За 72 часа много, понимаю, не взглядишь, не узнаешь, можно и ошибиться в чем-то. Но... но вот что меня гнетет, и чем дальше, тем больше — люди в погонах ориентированы сегодня на что угодно — надо убирать территорию, надо поддерживать порядок в классах, в казармах, масса времени уходит на самообеспечение, на помощь соседнему совхозу, с пафосом препятствуют прогнившему в казарму неугодной начальству «Комсомольской правды», и прочая, и прочая, а главного — боевой готовности — вроде и не существует. И никто не желает понимать, что совершенствование исполнения служебных обязанностей невозможно сегодня без «больно умных» офицеров, без толковых,

Фото Б.Кремера

грамотных солдат. Прислушиваюсь к разговорам в курилке, а там солдаты все больше о дембеле толкуют, а офицеры — «хватит, списываться пора...».

Общения с начальником гарнизона ожидаю с особым интересом. Ведь каков поп, таков и приход. Полковник маленького роста, непоседлив, агрессивен, самоуверен...

Впрочем, когда он внезапно схватил два стула, выжимается на спинках и уверенно держит угол, сверкая начищенными армейскими ботинками едва ли не под носом у генерала, я невольно готов ему многое простить.

Но почему, почему в его речи то и дело звучит, рвется наружу это отв-

ратительное фельдфебельское — разгону, спишу, отстраню, и никто мне не прикажет отменить свое решение... Ведь за плечами академия, ведь шесть лет в полковниках, ведь профессионал...

Вслушиваюсь, приглядываюсь, понимаю: полковник — хозяйственный мужик, кроме всего прочего он отлично чувствует время: у него подсобное хозяйство, он установил тесный контакт с хозяйственными мужиками, скоро, надеется, будет валюта — и тогда... он жмурится от удовольствия, повествуя о временах, когда сможет приобрести за валюту и «видаки», и «маги», и... Между делом он не забывает упомянуть о марочном винце из лучших погребов,

припасено «на всякий, знаете, случай...». Не надо быть провидцем — винцо для начальства, кто же устоит. Забегая вперед, скажу: полковник единственный раз растерялся и не нашелся с ответом, когда мой генерал отрубил все игривые намеки: «Спасибо, но я пью исключительно с вами водку и только с друзьями».

Уже в поезде понял: армия для полковника, а не он для армии, как следовало быть на самом деле. Не случайно он с упоением толковал о своем близящемся генеральстве и всячески уходил от темы реформирования армии. Думаю, ему плевать на все, а главное — на в с е х. Это забота Генерального штаба, самого Верховного, «а мы люди темны, — ерничал полковник, — нам трэба гроши». Неожиданно, словно прочтя мои мысли, генерал сказал: «Да-а, наполеончик нам попался цепкий...»

В Москву мы возвращались в СВ. Белье было чистым. Чай, правда, отсутствовал. Не спалось.

Боюсь я этих цепких. Вчера был комиссаром, сегодня — поп. Первый агитатор — антирелигиозник с высшим образованием, глазом моргнуть не успели, читает нынче лекции по истории религии.

Понимаю, армия не может быть более благополучной, чем страна. Но армии опаснее, чем любой другой, как нынче принято говорить, структуре, — ЭГОИЗМ. Здесь ему легче расти, жиреть, слепнуть... Что же делать? Очевидно, решительно «ставить» на молодое офицерство, есть среди него и талантливые, и честные, и умные. Увы, за старые грехи следует расплачиваться, и либерализм к «бывшим» очень легко может лишит нас будущего. Вот о чем думалось в гарнизоне и по пути домой.

От частного — к общему: министр — новый, мы его видели в телевизоре даже в хорошо сшитом штатском костюме. Отлично. Но кто ответит — а ближайшее его окружение из кого? Министр умеет улыбаться. Прекрасно. Но услышим ли мы его отчет о проделанной работе? В гарнизонах особых изменений, увы, не заметно.

Итак, хозяйственное управление администрации президента РСФСР, которую возглавляет не начальник и не заведующий, а Руководитель (с большой буквы) Ю.Петров, приняло во «временное использование» деньги ЦК КПСС и скромную долю имущества. В «Акте об инвентаризации и передаче имущества УД ЦК КПСС» так и написано: «для временного использования». Почему во временное? Наверное, потому, что в долг. Почему в

Самую скромную долю наследства ЦК КПСС взяла себе администрация президента России — первого в истории России президента, избранного всенародно. Этот длинный эпитет придумали журналисты, которые пишут красивее меня. Так вот, первый в истории России президент, избранный всенародно, оказался окруженным и самой скромной в мире администрацией.

Пристрастный читатель в этом первом абзаце найдет две серьезные ошибки. Слово «администрация» теперь пишут с боль-

Вячеслав БАСКОВ

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ

долг? Потому что российское хозяйственное управление бедное, жить не на что и нечем, собственно, хозяйничать.

Правда, всем известно, что ЦК КПСС — орган непроизводительный. И никогда в жизни производительным не был. Это чисто идеологический орган. Ничего своего у него нет. Все его деньги — это партийные взносы членов партии и разве еще гонорары некоторых партийных писателей, книги которых издавались неограниченным тиражом, а теперь пошли в макулатуру. А все его имущество в той же степени его, что и деньги. Тем не менее хозяйственное управление администрации первого президента РСФСР, избранного всенародно, совершенно серьезно, собрав многочисленную комиссию и составив многостраничный Акт, взяло в долг без указания срока возврата у вовсе не существующего теперь ЦК КПСС толику некогда присвоенного им богатства — в виде денег и недвижимости.

Денег немного: всего 8 миллиардов 95 миллионов 427 тысяч 987 рублей 01 копейку. Да-да, одолжило и эту копейку. Именно столько денег к 1 июля 1991 года оказалось на балансе управления делами ЦК КПСС, чьи начальники в последнее время кончают с собой, как будто им внезапно жить надоело.

Одновременно хозяйственное управление администрации президента РСФСР уже вполне офици-

ально одолжило у управления делами ЦК КПСС «для временного использования» вдобавок и некоторую недвижимость. Фактически же оно стало «использовать» эту недвижимость сразу после путча, когда судьба КПСС была решена. В ведение администрации российского президента тогда попали пансионат «Поляны» с детским оздоровительным лагерем «Звенигородка», хозяйство «Нагорное» с детским садом, дачное хозяйство «Кратово» с детскими дошкольными учреждениями, санаторий «Пушкино» с дачным поселком и оздоровительным лагерем, дом отдыха «Кунцево» с детским садом, дом отдыха «Успенское», дом отдыха «Новые Горки», дачное хозяйство «Серебряный бор», пансионат «Клязьма»... Переведем дыхание.

Из этого списка видно, что в администрации первого в истории России президента, избранного всенародно, много служащих. У руководителя Ю.Петрова масса подчиненных! Возможно, между ними уже началась борьба за дачи, места в пансионатах, домах отдыха и в единственном санатории. И ведь не спасет положения некое «хозяйство «Нагорное», которое наверняка просто какой-то совхоз, прикрепленный к ЦК КПСС и поставлявший на стол идеологов что-то весьма свежее — без нитратов и пестицидов. Поражает и другое: количество детских учреждений на лоне природы.

Зачем верхушке компартии СС понадобилось столько детских оздоровительных учреждений? Помнится, в Политбюро и в ЦК были люди отнюдь не молодые. То были малоподвижные старцы, которые уже не могли иметь юного потомства. Вероятно, все эти детские сады, ясли, оздоровительные лагеря были нужны для маскировки их тайных лесных городков: завидит случайный грибник в лесной глуши вывеску «Пионерлагерь «Звенигородка» — и поспешит обойти заповедное место... Но неужели и в администрации первого в истории России президента, избранного всенародно, такая же публика? Почему все эти места отдохновения она приняла на свой баланс и даже в долг, а не передала в вечное пользование москвичам, всей республике? Главный вопрос проведенной инвентаризации: неужели служащие президентского аппарата так возвысились в собственных глазах, что и мысли теперь допустить не могут, чтобы их дети и внуки посещали «общие», так называемые «городские», сады, ясли и школы?

Служебная иерархия в Политбюро ЦК КПСС и в ЦК КПСС была железная. Ее установили крупные партийные мыслители, продолжатели дела Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Они самозолировались от народа умышленно: такова была теория их власти — народ нужно держать, на отдалении. И

шой буквы. С прописной буквы пишут и слово «президент». И вообще все, что касается российского президента, теперь пишется с заглавной буквы. Даже хозяйственное управление администрации президента России пишется с большой буквы. Потому что Президента Избрали Всенародно. Впервые В Истории. Знает ли о таком орфографическом подхалимаже сам президент? Близкие к нему люди уверяют, что нет. Значит, не знает и о других проделках своей администрации.

жет спокойно работать без собственной мебельной фабрики? А без личного стадиона? Пять столовых потребно администрации. Пять! В редакции «Столицы» нет даже буфета, а журнал выходит каждую неделю. А в администрации пять столовых! На всей Тверской была когда-то одна столовая! КПСС жила изолированно, ей дела не было до Тверской и вообще до городов и сел — и администрация нового президента туда же.

АДМИНИСТРАЦИИ

между собой они не допускали панибратства. За каждым было закреплено его место. При подписании документов, за обедом, на конференции, при вручении наград каждый знал свой шесток. Даже среди членов Политбюро не было равенства. Значение члена определялось его физическим положением относительно центральной фигуры генерального секретаря партии. Так выглядела на практике теория демократического централизма.

Но в администрации-то первого в истории России президента, избранного всенародно, а тем более в его хозяйственном управлении, пиши это хозяйственное управление с большой буквы или плакатным шрифтом на стене Центрального телеграфа, мыслителей пока нет. Да, нет! Сам впервые в истории избранный президент РСФСР приступил к исполнению своих обязанностей, не имея программы. Так что чванство его секретарш, референтов и разных делопроизводителей необъяснимо простой теорией власти.

Как же все-таки понять загородные пристрастия работников администрации президента России? Неужели они все больные, что срочно потребовались дачи, пансионаты, «хозяйства»? Еще не начав работать на Россию, уже переутомились и летачсы?.. И все эти детские довески... Может, в администрации все, как на подбор, многодетные? Администрация президента — обычное

учреждение. Какое учреждение имеет несколько дачных поселков, пансионаты, детсады, школы? Если есть один пионерлагерь и собственный дом отдыха, считается богатым. Какой же пример подает администрация всем нам?

Но в свое «временное использование» администрация президента РСФСР взяла не только объекты, скрытые в девственных подмосковных лесах. Она эдак небрежно одолжила службу хозяйственного отдела ЦК КПСС (хозяйственного — конечно, с большой буквы), типографию ЦК КПСС, складское хозяйство «Внуково», спортивный комплекс (неизвестно где, но это, видимо, что-то очень большое, светлое, теплое и развивающее все части тела новейшими спортивными снарядами), сектор общественного питания, который включает пять столовых, ремонтно-строительное управление со своей производственной базой, гостиничный комплекс «Октябрьский» с детским садом (о господи, опять с детским садом!), предприятие бытового обслуживания, где шьют, ткнут, стирают, чистят, гладят, чинят, причесывают, лудят, паяют, копают, закапывают... мебельную фабрику (целую мебельную фабрику!), транспортную часть — «Волги», «Чайки», грузовики, «рафики»... Переведем дыхание.

Скромно. Как и пристало администрации президента. Ну, в самом деле, ну как эта администрация смо-

Но и это еще не все. На этом перечне спецпредприятий, спецколхозов, спецгостиниц, спецдач и спецсадов аппетит скромной администрации президента России, впервые избранного всенародно, не утолился. Администрация захватила (то есть одолжила — вместо того, чтобы упразднить!) книжную экспедицию ЦК КПСС. Учреждение закрытое, секретное — и, как большинство такого рода заведений, невероятно глупое. Эта книжная экспедиция снабжала книгами партийную верхушку. Знаете ли вы, что самые лучшие книги, выходящие в советских издательствах, первым делом направлялись в книжную экспедицию ЦК КПСС? Отчасти в варварских цензурных целях. Но главным образом потому, что даже за книгами работники высшего эшелона КПСС брезговали ходить в «городской» книжный магазин. Не будь этой книжной экспедиции, работники ЦК КПСС книг бы в руки не брали. Но в последние годы оказалось, что книги — еще и не самое плохое вложение капитала. У допущенных до книжной экспедиции стены их квартир украшены корешками собраний сочинений. Такой дежурный интерьер, такие дорогие обои. Правда, не у всех из них одинаковое количество корешков. Строгая партийная иерархия опустилась и до книжного распределения. Генеральному секретарю дозволялось иметь любую книгу. Уборщице вручали заранее

подобранную связочку книг. Доподлинно известно, что члены Политбюро ежегодно получали книг бесплатно на 700 рублей. Это было в то время, когда книги были дешевле десяти яиц и книжная индустрия не знала, куда девать свою интеллектуальную продукцию, а книжные магазины, задыхаясь от книжной пыли, кричали плакатно: «Книга — лучший подарок!». Летописцы нашей торговли относят вспышку книжного бума к началу активного жилищного строительства, когда людям потребовалось завести в своей новой квартире собственную домашнюю библиотечку. Книжная индустрия не выдержала покупательского напора — и книга впала в разряд жестоко дефицитных товаров. Но и тогда еще на книги цен не повышали — зато возвысилась роль книжной экспедиции ЦК КПСС. Когда же цены на книги все-таки решили повысить, я специально интересовался бесплатным подношением членам Политбюро. Меня заверили тогда, что с этим пришлось покончить из-за непомерно больших расходов.

В книжной экспедиции ЦК КПСС трудились шестьдесят шесть человек. В год партийное руководство страны положило им на зарплату 220 тысяч рублей. Не густо. Но счастливые нищие не роптали: работа в престижном заведении дороже любых денег. На 5 миллионов 450 тысяч рублей в год потребляли интеллектуальной продукции подопечные подпольного книжного магазина. А когда дом на Старой площади опечатали, опечатали и двери книжной экспедиции. 66 их было, 66...

Теперь распечатали. И шестьдесят шесть в главе со своим бесшумным директором, ветераном партии и труда, Михаилом Васильевичем Манаковым вернулись к своим станкам... простите, к столам. Перед ними расстелили списки новых подопечных, новых народных героев, глашатаев всеобщего равенства и благоденствия. Какая разница крепостным из «хозяйства «Нагорное», кому укроп с грядки стричь: Гришину, Мишину или Петрову с Сидоровым? А книги не такие, как укроп, что ли? Поменялся барин — велика ли беда!.. 66 их было — 66 осталось. И еще обещали зарплату повысить...

Отдельно и секретно продаваемые по рангу книжки — не самая большая привилегия. С виду невинные ясли-сад № 838 оказались

Рис. К. Рыбалко

привилегией привилегий! Числятся они, как вы помните, при гостиничном комплексе «Октябрьский» — ставке ЦК КПСС: там в последнее время все шли пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, и члены ЦК КПСС и Политбюро рассуждали о всеобщем благе, а журналисты боялись пропустить хоть звук и заполняли свои блокнотики, сжимая слова, чтобы поместилось как можно больше. Находятся же те ясли-сад вовсе не при «Октябрьском» на улице Димитрова. В целях конспирации их перебросили на другой конец Москвы — на улицу Давыдовскую. В том засекреченном детском дошкольном учреждении 460 привилегированных детей. За ними приглядывают 223 няни, воспитательницы, поварахи... А ежегодная дотация этому бедному садику (у кого поднимется рука на детей!) составляет два (2) миллиона рублей. Книжная привилегия перед этими ясельками блекнет. Она, если посудить здраво, даже необходима тем, у кого своих мыслей маловато.

Так что, как говорилось вначале, администрация первого всенародно избранного президента оказалась действительно еще на редкость скромной: отхватила себе от наследства коммунистов только самое дорогое и полезное для здоровья. Коммунисты в 17-м нахалали ВСЕ.

Однако опасность этой тихой скромности, о которой лишь изредка распространяется печать, в том, что дома, поместья и деньги взяты в долг. Знает ли президент, какой долг навесила на него его новообразованная администрация? Раз есть долг, следовательно, администрация обещает нажить свои собственные пансионаты и дома отдыха, колхозы и санатории, типографии и детские учреждения, гаражи и стадионы... Наживет — вернет должок. Не наживет — чем долги отдавать будет? Не пойдет же по миру? Значит, обязательно будет наживать.

Получается, была у нас одна КПСС, а теперь объявилась и другая.

Олег ПЕТРОВ

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЖИВЕТ В МОСКВЕ

— Объект выехал из «Лазани», ведем наблюдение. С ним иностранцы. Его сопровождают семь «чеченских» машин. У нас две машины...

— Уложили объекта в адрес. Выясняем, останется ли он там на ночь. Вызывайте ОМОН.

— Всем надеть форму. Если они выходят, останавливаем для проверки документов.

— ОМОН? Сколько у вас людей? Девять? А транспорт?

— Если мы едем в адрес, то зачем тебе девять человек?

— А если оторвутся?

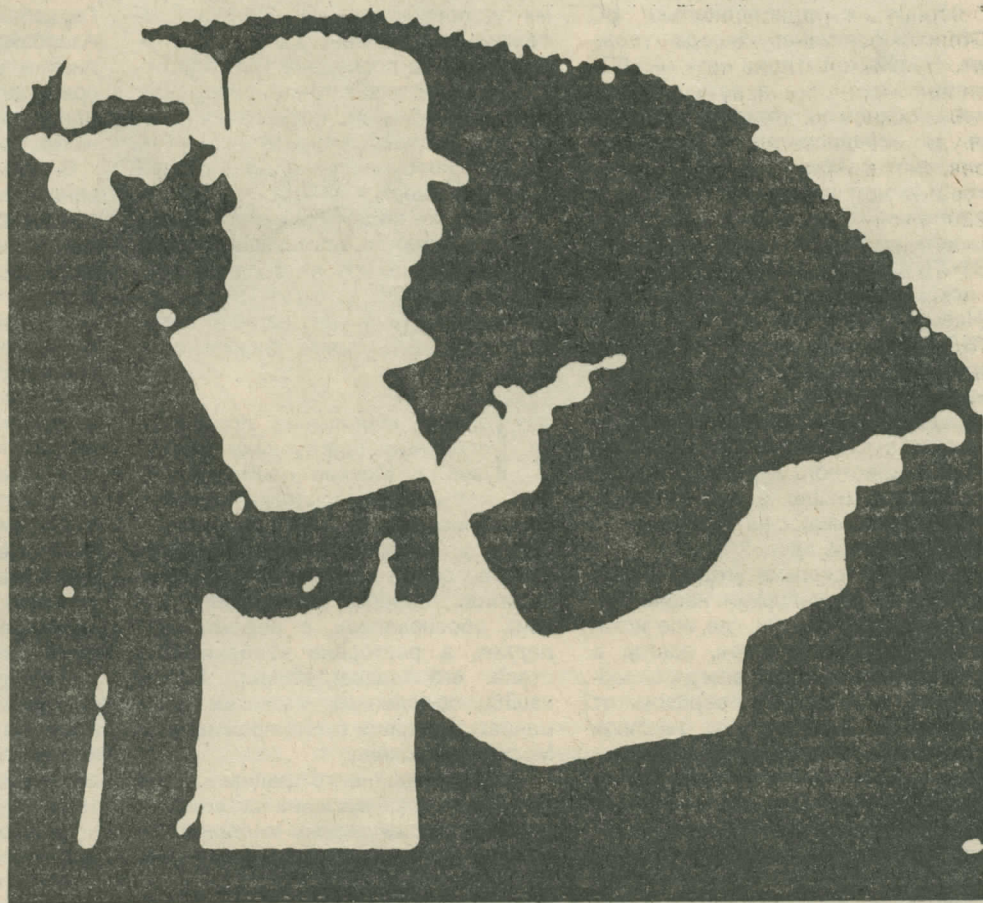
— Положим всех под автоматом. Куда ты девять человек всунешь? В пазик? А если оторвутся?

— Давай возьмем «БМВ».

— Нету сейчас «БМВ»!!!

— Значит, будем брать в адресе.

*Хроника ночной жизни
отдела по борьбе с
организованной
преступностью*

Часть первая ►

Часть
первая

Овечки любят сочную травку

Пока теоретики спорят, есть или нет в Москве преступная чеченская группировка (например, Председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью ВС РСФСР А.Аслаханов твердо убежден: «Чеченской мафии нет» — «ЛГ», октябрь 1990 г., — а есть оступившиеся одиночки, которые нуждаются в перевоспитании), практики открывают сейфы, вынимают пистолеты и уходят в ночь. Процесс перевоспитания тогда грозит затянуться надолго, смотря по какой статье УК РСФСР, а порой, в случае летально-го исхода, навсегда.

Наверно, сотрудники ОБОГП УУР ГУВД Москвы (попросту отдела по борьбе с организованной преступностью) воюют с призраками, и к чему тогда весь этот маскарад с переодеваниями, с ОМОНОм? Для призрака хватит и крестного знамения, только вот пули, летящие с той стороны, очень уж смахивают на настоящие. И откуда на ножах кровь?

Да спорьте сколько угодно в парламентах о равноправии наций. Нашу несчастную страну, где все истины открываются с боем, всегда в итоге заносит не туда, всегда скособоличивает нелепейшим образом от простого и понятного к мистике, подернутой идеологическим флером.

Как это — чеченцы? Как это — организованные? Как это — мафия? Ни-и-зя! Опять проклятье на всю нацию, на бедных, простых людей, столько страдавших на своем веку?

Допивайте спокойно свой кофе, господа. Простые, бедные люди пасут скот и пахнут землю дома, в Чечено-Ингушетии. «Авторитеты» московской чеченской общины никогда не умели делать ни того, ни другого.

Они создали разветвленную преступную организацию по всем канонам классической мафии, хорошо вооруженную, обеспеченную транспортом и связью, со своими лидерами и боевиками. Не брезгуя грабежами и насилием, члены этой организации за последние три года отважно вторглись в такие сферы, как торговля, общепит, кооперация, экономика, неплохо преуспев везде. Ниточки коррумпированных связей поползли вверх, к власти.

Ну что же поделаешь, если основная особенность организации (чего, действительно, нет ни в одной другой) — национальная принадлежность большинства ее членов? Пора называть вещи своими именами.

Первые чеченцы — профессиональные преступники появились в Москве примерно десять лет назад. Несколько человек, специализировавшихся на перекупке у азербайджанцев популярных в среде мусульман товаров (платков, ковров, блестящих тканей), обосновались, с ведома последних, в ресторане «Узбекистан», стали его завсегдатаями. Потом нашли обделенных мужским вниманием женщин и стали проживать в Москве постоянно.

Тем временем некто Крапивин (ныне осужденный за мошенничество) знакомится со смышленным молодым чеченцем — С-вым (некоторые фамилии по оперативным соображениям не указываются. — *Ред.*) и приводит его в знаменитый Южный порт. Там Крапивин с успехом обучает его хитрым приемам обмана доверчивых советских граждан при покупке автомашин с последующим оформлением

через комиссионки. Но расклад преступных сил на тот момент не способствовал процветанию на ниве этого бизнеса. В Южном порту правили бал армяне и азербайджанцы из Гардабанского района Грузии. Азербайджанцы же прочно окопались и в «Узбекистане», и на всей прилегающей территории. Здесь и далее речь идет только о преступниках, естественно.

В 1983 году в процессе расследования громкого уголовного «дела о браслете» многие члены азербайджанской группировки оказались за решеткой. На место отбывших по казенной части азербайджанцев в «Узбекистан» слетелись родственники и земляки тех немногих чеченцев, которые были приняты «в дело» лидерами азербайджанской группировки, утратившей былое могущество. Постепенно чеченцы полностью вытеснили азербайджанцев из любимого ресторана, а к 1988 году перехватили и все их преступные связи. Так родилась «Центральная» (название условно) чеченская группировка, промышленная в основном спекуляцией.

Одновременно самостоятельный гражданин С-в отмежевался от наставника Крапивина и пригласил в Южный порт сначала своих братьев, а затем и прочих земляков. Так, к концу 1988 года в Южном порту наблюдалось уже до 50 постоянно действующих чеченцев. От простого обмана автовладельцев группа перешла к нежной опеке своих «коллег», обявав их платить С-ву налог за каждую «кинутую» машину.

После серии кровавых столкновений «коллеги» позорно бежали из Южного порта и с других автомо-

бильных рынков, а С-в взял под свой личный контроль деятельность 11-й секции магазина «Автомобили» по продаже иномарок и все связанные с торговлей махинации. Таким образом оформилась «Южнопортовая» чеченская группировка.

Третий очаг «чеченской напряженности» возник на севере столицы, в местах стоянок транзитных автофургонов, следующих по маршруту Москва — Грозный. Как бы сами собой там возникли спекулянты из «Узбекистана», чтобы договориться с водителями о перевозке мебельных гарнитуров, автозапчастей, холодильников, фруктов и других товаров, непременно крупными партиями. В дальнейшем все междугородные автофургоны, проезжая даже в 500—1000 километров от Москвы, начали заворачивать в столичный град, чтобы загрузиться под завязку и порадовать покупателей в Грозном.

Когда в «Узбекистане» стало тесно от переизбытка желанных гостей, часть организаторов оптовой спекуляции переехала поближе «к работе» и вместе с водителями надолго оккупировала гостиницы «Байкал» и «Останкинская». Теперь уже можно было говорить об образовании еще одной, «Останкинской», группировки.

К концу 1988 года ситуация обострилась. Вернувшиеся из заключения «авторитеты» Атлангериев и Нухаев начали претворять в жизнь теорию «захвата территорий» и повального обложения налогом «за охрану» кооперативов и менее удачливых «коллег». Для борьбы с уже поделившимися город «Люберецкой», «Солнцевской», «Балашихинской» и другими местными группировками Атлангериевым, Нухаевым, а также приглашенными ими «в дело» С-вым и другими лидерами создается единая система боевых групп, курирующих облюбованные объекты и в момент собирающихся в общую «дружину» по «боевому сбору». Московским группировкам и отдельным плохо организованным компаниям других кавказцев объединенными силами общины с привлечением студентов были последовательно даны около 15 сражений, в которых община выставляла от 20 до 80 боевиков. Примерно столько же столкновений удалось предотвратить силами милиции. Кровавый итог: двое противников общины были убиты и около 30 — ранены.

Фото Н. Иванюхина

В этой сумасбродной войне община придерживалась следующей тактики. «Шестерки» из числа русских молодцов, отколовшихся от родных группировок, разыскивали недавних «коллег» в престижных местах отдыха — например, ресторан «Арбат» — и делали контрольные звонки в «штабы»-рестораны «Узбекистан» и «Бургас» (закрит в конце 1989 года). Через 15 минут к означенному месту съезжался десяток «чеченских» машин и быстренько обеспечивал пациентами институт

им. Склифосовского...

Такая тактика позволила общине за короткий период разогнать «Бауманскую» и существенно потеснить другие местные группировки, переделав сферы влияния, а причитавшийся им налог «за охрану» полностью стал достоянием чеченцев. На протяжении 1989 года в качестве сателлита община использовала лишь «Лобненскую» организованную преступную группу.

С весны 1989 года правоохранительные органы наконец начинают

всерьез интересоваться чеченцами, в первую очередь спекулянтами из «Узбекистана», давно мозолившими всем глаза. И происходит фактическое размежевание общины. «Совет старших» предложил Нухаеву и Атлангериеву не появляться в «Узбекистане», чтобы не делать «родовую вотчину» объектом пристального внимания милиции, а также членов «Люберецкой» группы. «Люберецкие» уже досадили однажды чеченцам, в качестве акции устрашения совершив погром «Узбекистана», во время которого были избиты все без разбору кавказцы.

Подчинившись обстоятельствам и гласу старших, Атлангериев и Нухаев перебрались во взятый «под охрану» кооперативный ресторан «Лазания», где вплоть до ареста в мае 1990 года ежедневно вели «рабочий прием» и руководили действиями «кассиров» и боевиков, положив начало очередной, «Лазанской», группировке.

Справедливости ради следует отметить, что не только многие рядовые боевики, но даже старшие групп в «Лазанской» группировке были других национальностей: русские, евреи, дагестанцы, украинцы. Объясняется это тем, что рядовые «бойцы» делали самую грязную работу — занимались разбоями и вымогательством, сбором денег с запуганных кооператоров и спекулянтов, — естественно, первыми попадая под милицейские удары. За каждого же арестованного чеченца лидеры, косвенно виновные в «провале», несут ответственность перед старшими в его роду. А те могут спросить «по законам гор».

Генерал Аслаханов прав — лидеры московской общины не пользуются авторитетом у себя на родине. А что касается части молодежи, рванувшей в Москву за «романтикой джигитов», — законы Шариата и обычаи предков здесь бессильны. Бесспорно: по поведению нескольких сот «романтичных путешественников» нельзя судить о жизни миллионного народа. Бесспорно и другое: наших «романтиков» заклинаниями на Коране к труду праведному не вернешь.

Сферой влияния «Останкинской» группировки продолжают оставаться мебельные магазины, цветочные и фруктовые рынки, кооперативы и гостиницы в Бабушкинском и Кировском районах. Основной источник дохода — оптовая спекуляция,

прежде всего мебелью. Проследить всю цепочку — от приобретения до реализации в Чечено-Ингушетии — очень трудно, поэтому тяжелые автофургоны беспрепятственно уезжают из Москвы. В лучшем случае товар задерживается по дороге, вновь направляется в госторговлю, а стоимость его по номиналу возвращается прежним хозяевам, тем же чеченцам.

«Лазанская» группировка порадила больше других. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности все ее лидеры, старшие боевых групп и многие боевики. Ненадолго лидерство захватили В-в и Д-в, однако после убийства возле одного из ресторанов двух военнослужащих оба лидера вынуждены были уехать из Москвы. (7 июля 1991 года Д-в арестован в Берлине за вымогательство.) Фактически группировка перестала существовать, уступив «люберецким» почти все свои позиции (более 40 кооперативов и «черных» рынков). Однако «Лазания» осталась любимым местом отдыха сановитых чеченцев.

Продолжает представлять опасность «Южнопортовая» группировка бывшего лидера С-ва — семейный клан близких и дальних родственников последнего, — которая ориентирована на захват станций техобслуживания в Москве и области. Даже несмотря на то, что сам С-в арестован и скоро предстанет перед судом по обвинению в одном из крупнейших вымогательств текущего года.

Сохраняет былую мощь и «Центральная» группировка, опираясь в своей деятельности на должностных лиц государственных учреждений и предприятий. Ярко выделяются 8—10 человек, обогатившихся незаконным путем и впоследствии основавших кооперативы, для которых прикрытием служит закупка одежды, обуви, сельхозпродукции. Члены этой группировки стараются не выделяться и предпочитают получать прибыль с помощью финансовых операций, используя уже накопленный капитал. Миллионные хищения государственных средств происходят за счет присвоения колоссальных сумм с расчетных счетов государственных предприятий и колхозов.

Члены группировки связаны деловыми отношениями с чеченскими общинами и банками ряда регионов страны. Фактически именно эта группировка руководит всей дея-

тельностью московской общины, влияя на партнеров и конкурентов самыми разными способами, в том числе и устрашающими акциями боевиков. Говоря словами Марио Пьюзо: «Они теперь делают предложения, от которых партнеры не могут отказаться».

Лидеры всех названных группировок не препятствуют молодежным группам хулиганствам, погромам, вымогательствам, разбоям и грабёжам, дабы у молодого поколения оставалась возможность выгодно себя проявить, чтобы пополнить ряды боевиков.

По оперативным данным, в настоящее время московская община насчитывает... гораздо больше 300 чеченцев (А.Аслаханов, «Криминальная хроника», № 7, 1991г.). К сожалению, данные Аслаханова соответствуют положению в 1989 году.

А в оперативной группе, прицельно занимающейся чеченской преступностью, 3 (три) человека. И для них бестселлером в последние полгода оказался небольшой материал, опубликованный в «Комсомольской правде» под лихим заголовком «Красная мафия всех сильнее», о том, как чеченцы осваивают Запад. Собственно, в самом факте взаимопроникновения преступных сред оперативники не усмотрели ничего нового для себя. Поразило другое. Не успели представители странной национальности «чен-чен» (в немецком варианте) немножко пострелять на территории объединенной Германии, как тут же в берлинской уголовной полиции было создано специальное подразделение из 12 сотрудников, полностью посвятивших себя изучению чуждых нравов. Ну сколько там чеченцев наберется на всю Германию, даже и объединенную?

— Во дают! — сказали трое наших и, не дождавись окончания парламентских дебатов, как добрые пастыри, вновь принялись объезжать неисчислимые стада своих заблудших овецек.

Продолжение в следующем номере.

Редакция благодарит ОБОГП УУР ГУВД Москвы за предоставленные материалы.

Водку дают...

Фото Г. Бодрова

Как победили инвалидов

В декабре 1988-го кооператив «Прогресс» и газета «Вечерняя Москва» обратились в Советский фонд мира и в Моссовет с просьбой о создании Центра социальной реабилитации и адаптации для инвалидов — воинов-афганцев. При Центре наметили построить и жилой комплекс.

Реакция последовала быстро: уже весной 89-го — постановление правления Советского фонда мира, распоряжение исполкома Моссовета об отводе земельного участка под строительство Центра «по Авиационной улице, владение 72».

Далее решение Моссовета: подготовительные работы по строительству начать в 1989 году.

Оказалось, однако, что не любовь это к молодым инвалидам, а так, одна видимость. По-настоящему «любят» афганцев и пекутся о них лишь в славном микрорайоне «Шукино-16», где расположено то самое «владение 72». Тамошние жители так и говорят: мол, добро пожаловать, только шли бы вы лучше отсю-

да! Вам здесь будет худо. У нас тут самих скученность, детских площадок не хватает. Сырость от Москвы-реки, шум от железной дороги...

Оперативный штаб строительства «Строю дом афганцам», в который входят сами афганцы-инвалиды и Главмосархитектура, если угодно, готовы построить детские площадки, и ливневую канализацию, и шумозащитные от железной дороги устройства.

Но аборигенам «владения 72» это не нужно. Они, наоборот, взорвались от обещания жить лучше. Жалобы посыпались в Моссовет, прокуратуру, Верховный Совет РСФСР, еще куда-то. Тем не менее 25 сентября 1990 года Моссовет, а 15 ноября сессия Хорошевского райсовета выносят решение: Центру социальной реабилитации и адаптации во владении 72 — быть. Клочок этой земли в 1,8 га, оказывается, еще планом реконструкции Москвы был приговорен под застройку. 26 февраля 1991 года исполкомы российского отделения Фонда мира и

Моссовета утвердили технико-экономический расчет на строительство.

19 апреля завезли железобетонную ограду. На следующий день жители устроили обструкцию — пришлось очередную партию изделий завезти обратно на завод. 21 мая еще попытка — и снова целый скандал. Председателю исполкома пересчитали пуговицы на пиджаке и ребра под ним. Главный мотив — не губите наши зеленые насаждения! Всего во владении оказалось 219 деревьев и 31 кустарник. С тем и двинули на инвалидов. В защиту «зеленого друга».

Госкомприрода отреагировала: вырубке подлежат 170 деревьев (старые) и весь кустарник. Остальные будут сохранены, поскольку растут по периметру предполагаемой застройки. Таким образом, «зеленый шум» не прошел.

Тем временем Хорошевский район стал неотъемлемой частью Северо-Западного округа. Недреманный актив «Шукина-16», противни-

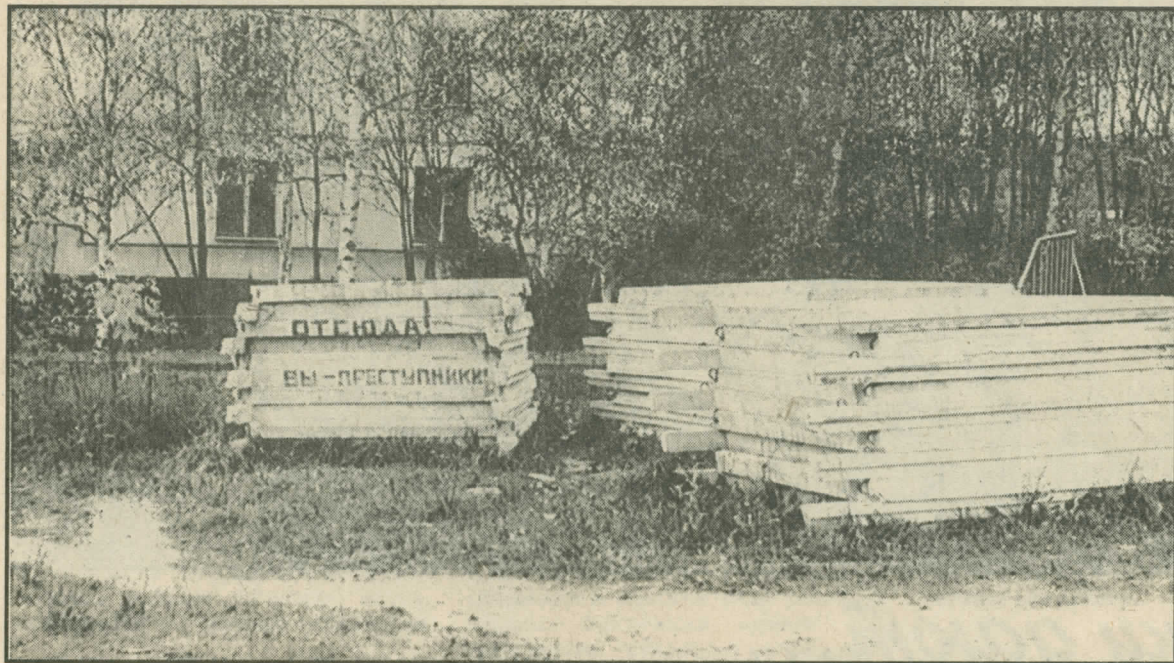

Фото А. Кочинского

ки инвалидов, уже-таки схлестнулся с префектом В.Парфеновым. Префект устоял, и 28 августа в передаче «Добрый вечер, Москва!» он повторил: строить будем! И поручил вести дело своему заму по строительству В.Козлову. Который сейчас прилагает все меры к тому, чтобы... строительство не начинать. Он уверяет, будто строить невозможно по техническим причинам. Но никаких «технических причин» нет! Все сотню раз расследовано-перерасследовано, изыскания проведены, заключения специалистов имеются, «добро» от всевозможных инстанций получено! Остается одно — начать, наконец, строить!..

В самом деле, почему бы не взяться строить? Центр затевается на народные средства, и пользоваться его благами жители смогут наравне с «афганцами». К их услугам будут «Кулинария», стол заказов, медиковастановительный комплекс, сауна, бильярдная, ателье по вязанию, изофотостудия, киноконцертные залы, спортзалы, бассейн и многое-многое другое. А они свое: namely, может, и лучше, да вот «афганцам» хуже станет! Все тот же на устах мед... Только за этой «заботой» — ненависть к изуродованным войной людям. Одна надпись на стопке плит железобетонной ограды чего стоит! Красным по белому там выведено: «Уходите отсюда! Вы — преступники!»

Инвалиды — не преступники. Они — жертвы преступления. Где были раньше жители «Щукина-16», когда в Афганистане шла война? Времени для протеста у них было вдоволь — война длилась целых десять (10) лет. Почему же они раньше молчали, а теперь воюют с инвалидами? Воюют и чувствуют себя героями, говорят о своих высоких гражданских чувствах. Что-то прежде от них трудно было добиться этих высоких чувств. Весь пыл своего «гражданского сознания» они направили против людей увечных, которые не могут им ответить тем же. Какая же в этом сила? Впрочем, сила как раз и не дает свершиться добродушному строительству реабилитационного центра. А когда сила есть, ума не надо.

Владимир ЧИЖОВ

Фото В.Алексеева

Александр МИНКИН

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Представьте: идет отряд, и —
В белом венчике из роз
Впереди — Исус Христос.

Безразличен род войск: солдатики, матросики или другие братишки. Важно правильно понять картину. Не Христос ведет. Христа ведут.

И не далее, как до ближайшей стенки.

За такое проникновение в поэзию Блока 30 лет назад я получил «два балла» и приказ вызвать родителей. А был оттепельный 1961-й.

Логически рассудить: когда это праведники бегали по ночам во главе вооруженных отрядов? Ночь — время заговорщиков и убийц. Не Христовое это дело. К тому же Блок, в отличие от советских школьников, знал, что большевики священников расстреливают пачками. Но поэзия не может сказать: проводили в последний путь. Поэзия говорит: ведут на последний редут!

Школьные программы не изменились. Косметика не в счет. Откройте любой учебник — под румянами редактуры отчетливо видна мокнувшая экзема Краткого курса. Но теперь пахнет* не только серой, а еще и тухлятиной. Как ни бальзамируй, но за 70 лет даже мумия портится. В нашем-то климате. Добавлю: египтяне к своим мумиям экскурсии не водили. Напротив, старались спрятать и забыть куда, а посему не нуждались ни в подкраске, ни в замене увядших членов.

...Не могу без смеха думать, что заголовок «Как нам Реорганизовать РабРин» придумал картавый.

* Справедливо обруганный всеми за языковые похабства, говорю теперь «отряд», а не банда, «пахнет», а не разит... Надеюсь на читателей: подставляйте мысленно вместо моих вялых — наиболее употребляемые вами слова.

Другой великий так вжился в ненавистный персонаж, что, на минуту оторвавшись от бесконечного колеса, соорудил заголовок «Как нам обустроить Россию».

Конечно, бес (или Фрейд) попутал. Но бес не бессмысленно лукав. Структура фразы отражает структуру мышления. Полное совпадение структуры — знак, что и результат будет тот же. Если, чего доброго, начнут воплощать Исаича, как воплощали Ильича.

Когда автобус летит в пропасть, не надо ничего устраивать и реорганизовывать. В такой момент вертят руль только комические персонажи мультфильмов. Пока не долетишь до дна, не стоит махать руками, лучше сгруппироваться. Говоря по-русски, напрячься и втянуть голову. Поза, согласен, получается не героическая. Но в нашей истории уже было столько героизма, что можно на какое-то время сделать перерыв. Герои-то и отправили нас в этот полет. В одиночку героизмовать скучно, надо непременно массы увлечь. У них это называется «овладеть массами». Признаться, у меня и массы моих знакомых нет никакого желания, чтобы нами опять кто-то овладел. Групповое изнасилование наизнанку: один — массу.

Ничей портрет носить не хочется. Хочется законодательного запрета на таскание портретов по Красной площади. Поверьте не мне, поверьте собственному опыту: эта беготня с портретами любимых вождей портит нашу жизнь неизмеримо сильнее, чем вся похабщина на заборах. А поскольку сами от этой привычки мы отстать не можем, то и нужен запрещающий закон.

И еще. Немедленно, Указом президента СССР, президента России, президента Татарстана (а также Мавля, Белья, Нижних Мхов и Трех Мо-

стов), прекратить производство болванов. Отменить школьную программу. НЕ ДОЖИДАЯСЬ НОВОЙ: Все идеологические и идеологизированные предметы (историю, литературу...) — изъять. Изъять буквари, обучающие первоклашек грамоте на таких примерах: «Коммунизм — светлое будущее всего человечества! Москва — столица социалистического лагеря» и т.п.

Читать и писать (до возникновения новых учебников) следовало бы учить по сказкам Пушкина и Толстого. Освободившиеся от идейных предметов часы занять максимальным изучением языков и чтением вслух классической литературы, запретив (увы, и этот запрет необходим) учителям комментировать «Евгения Онегина», «Войну и мир» и т.д. с точки зрения классовой борьбы, «лишнего человека», близости к народу и пр.

Возможно, я ошибаюсь. Возможно, следует делать что-то иное. Но как подумаешь, что миллионам детей с 1 сентября опять начали пудрить мозги... Да не пудрить — заливать свинцом!..

Я глубоко сочувствую учителям; винить их или предъяслять какие-либо претензии — глупо. Но они же — в большинстве своем — ничего другого не знают, как «в образе Онегина Пушкин хотел показать...». И остановить это надо немедленно.

Как-то раз, еще до путча, я спросил посла Швейцарии в СССР:

— Скажите, пожалуйста, господин посол, как узнать, сколько у Лукьянова денег в Швейцарском банке?

Посол смутился, но не удивился:

— О, это трудно узнать. Они (он не сказал, кто «они»). — А.М.) делают это тайно, через третьих лиц, через фиктивные совместные предприятия. Это такой же случай, как с

деньгами Маркоса. А банк не скажет.

Досадно.

Всякий раз, как братья по коммунистическому разуму теряли власть (Хонеккер, Живков, румынский этот, забыл как звать...), выяснялось, что они преступники. Попросту — воры. И всякий раз невольно думалось: ежели младшие братики таковы — каковы старшие?

Скоро узнаем.

Обидно другое. Они не деньги у нас украли.

Они у нас жизнь украли.

С сумасшедшей откровенностью было сказано: призрак бродит по Европе. Всего-то и надо перекреститься — и он рассыпется. Потому что уничтожали религию. 70 лет под

вампиром — никакому Хичкоку не снилось. И всех школьников заставили учить 4-й кошмар Веры Павловны. И по сей день учат.

Месяца три назад Александр Яковлев (архитектор перестройки) сообщил миру, что узнал об ужасах коммунизма (или коммунистической идеологии? — точно не помню).

Как узнал?! От кого?!

А лучше спросить: где был раньше? Как надо зажмуриться и оглохнуть? А если смог так невменяемо жить, теперь — поняв — иди в монастырь.

Верим, верим, что искренне заблуждались. Но если прозрение приходит точно в тот момент, когда это безопасно и выгодно? Если прозрение наивных вождей кажется цинич-

ному народу способом остаться у власти? Тогда искренний идет в монастырь, а умный — в отставку.

Да и то: как же мы можем считать умным того, кто так долго так ужасно (но с такой пользой для себя) заблуждался.

Ярчайший пример: гениальный Ленин, повернувший к нэпу. Шофер (середь бела дня!) на всем ходу вмазал автобус в бетонную стенку, половина убилась, половина покалечилась. Но мотор чудом еще кое-как работает.

— Теперь, — говорит шофер, — я знаю, что делать! Надо на дорогу поворачивать!

Гениальный шофер, не правда ли?

А вмазал-то середь бела дня. И знаки стояли.

**ВЫ ХОТИТЕ
ЗАРАБОТАТЬ???**

РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
еженедельник
«СТОЛИЦА»
В Москве и других городах,

и тогда **15-20** копеек
с каждого проданного номера

ВАШИ

**Обращайтесь
в редакцию
по ☎ 921-46-45**

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«СТОЛИЦА» —

**ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ,
КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ
ЗАРУБЕЖНЫМ ПОДПИСЧИКАМ
В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!**

**По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь
по адресу:**

**ECONews BOX 535 LAUSANNE 1001 SWITZERLAND
TEL.41.21-311.45.05 FAX.41.21-311.45.11**

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

В стоимость подписки включена доставка авиапочтой (First Class)

Mr./Ms. initials _____ Family name _____
Address _____
Town/City _____
Postcode _____ Country _____
Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa Diners Club American Express
Card No _____ Card expiry date _____
Please bill me later
Signature _____

72 Weeks
52 Weeks
36 Weeks
26 Weeks

Please send this coupon to ECONews Box 535 Lausanne 1001 SWITZERLAND

Валентин ПТИЦЫН

БЕСПОКОЙНОЕ МЕСТО

Московские кладбища — наш позор. В какой еще столице увидишь на кладбище мусор и прямо-таки уличную грязь: окурки, фантики, плевки?.. Безбрежные цены безнравственны, это не цены, а открытое вымогательство. Убогое подобие ритуала проводов человека в последний путь оскорбляет живых и мертвых...

Почему так сложилось? Прежде надзор за порядком на кладбище осуществляла церковь либо религиозная или национальная община. Работы на кладбище выполняла артель могильщиков. И кладбища были украшением города. Однако в тридцатые годы артели могильщиков были ликвидированы, церковь от захоронения человека отстранена, кладбищами стало управлять моссоветовское учреждение. За долгие годы оно часто меняло свое название. Ныне эта организация, загадочно именуемая предприятием «Ритуал», подчинена «Мосбыту».

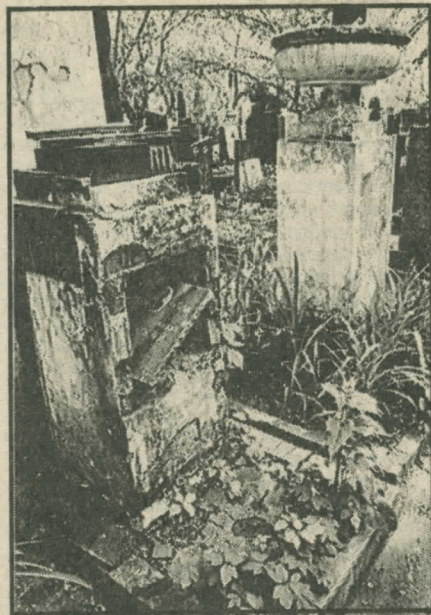
По утверждению бывшего заместителя начальника «Мосбыта», в Москве создана самая эффективная в стране похоронная служба. Если это так, то делается страшно за уровень похорон в других городах. Больше того, сильно сомневаюсь, что Москве вообще нужна эта «самая эффективная» служба.

Предприятие «Ритуал» — уникальная по своей бессмысленности структура, навязавшая административно-командные методы управления кладбищам, которые тысячелетия обходились без планирования, разнообразных показателей и без социалистического соревнования. Вдумайтесь только: мощный бюрократический аппарат «управляет» людьми, которые работают древними лопатами, ломом и топором. То есть инструментами, используемыми с тех самых пор, как люди начали своих усопших предавать земле.

**В Москве
дешевле жить,
чем хоронить
на кладбищах.
Но это
не радует.**

К слову, за несколько десятилетий своего существования «Ритуал» так и не смог наладить производство лопат, лопат — основных орудий производства могильщиков, и они вынуждены добывать их окольным, «левым», путем.

Но, быть может, условия мегаполиса с численностью девять миллионов человек вынуждают централизовать похоронную службу? Ничего подобного. В Москве ежедневно умирают почти триста человек (107 тысяч в год). В 1897 году население Москвы составляло миллион 38 тысяч человек: при смертности 33 человека на тысячу человек населения число умерших составляло около 93 человек в день. В 1912 году при численности городского населения в миллион

617 тысяч человек и смертности 28 человек на тысячу число умирающих в день составляло уже 124 человека. Таким образом, сегодня количество умирающих увеличилось почти в три раза. Излишне говорить, что похоронная служба того времени работала безупречно — при отсутствии автокатафалков, на печальной конной тяге...

Структура похоронной службы прошлого была предельно проста: в городе находилась сеть похоронных бюро, на кладбищах, как уже говорилось, были артели могильщиков. Надзор за похоронами осуществляли кладбищенские священники. Никаких централизованных служб не было. Работу же кладбищ контролировал один (один!) гласный Городской думы.

Тот самый бывший заместитель начальника «Мосбыта», говоря о достижениях своего учреждения, выделял эффективность службы агентов. Но деятельность службы агентов — почти то же самое, что и деятельность прежних похоронных бюро. Разница лишь в том, что похоронные бюро были независимы и конкурировали между собой, а служба агентов — централизована. Тем не менее он записал службу агентов в актив специализированного объединения и «Мосбыта».

Думаю, что принудительное навязывание мелким ремесленникам, какими являются все работники кладбищ, начальства (управления) и делает порочной всю систему похоронного обслуживания Москвы. Вот последствия этого.

Основная масса работ, проводимых на кладбищах, попадает в разряд бесквитанционных — «левых». Тем самым все старые кладбища формально убыточны, что признавал и сам ныне не работающий высокий начальник. Однако любой мало-мальски знакомый с «похоронкой» человек знает, что именно на ста-

рых московских кладбищах идет работа, нигде не учитываемая и, следовательно, не облагаемая налогом.

Работники кладбищ, оставаясь по своей сути мелкими ремесленниками, вынуждены играть навязанную им роль рабочих: им определен круг обязанностей. Выполняя любую работу по необходимости, работник кладбища вынужденно всегда нарушает производственную дисциплину — иначе он не только не сможет заработать себе на хлеб, но и выполнить свою работу. Искусственно создано положение перманентной виновности работника кладбища, любой работник рабски зависит от руководителя — от его характера, прихотей, настроений...

В системе похоронного обслуживания чрезмерно раздут управленческий аппарат не только в Моссовете (или это теперь мэрия?), но и на самом кладбище: смотрители, мастера, инспекторы... Там работают около 3500 человек, то есть каждого умершего «хоронят» чуть не десять человек управленцев! Ясно, что если бы эти десять человек действительно обслуживали покойного, а не систему ради системы, то никакие «отдельные недостатки» попросту быть не могло.

Несмотря на все запреты, в момент похорон фактически действует договорная форма оплаты труда. Именно эти крупные суммы нигде не учитываются и налогом не облагаются.

Система умело создает дефицит всего: услуг, земли, похоронных принадлежностей — всего! Кстати, о земле. Кладбище в Москве должно быть по меньшей мере в два раза больше, если, конечно, исходить из принятой в цивилизованных странах нормы — один некрополь на семьдесят тысяч человек населения. У нас же разработана теория о мегакладбище, о захоронениях без конца и края, до самого горизонта. Число массовых захоронений на новых кладбищах (например, на Домодедовском) достигает в год десятки и более тысяч. Массовые захоронения оскорбляют, унижают близких усопшего, вынуждая похоронные процессии в любую погоду выстаивать очередь. И, простите за специфическую тонкость, такие мегазахоронения рожают экологические бомбы непредсказуемого действия: в глинистую почву, не пропускающую воздуха, закладываются в год сотни тонн разлагающихся тел. Под землей образуются газы, они скапливаются, возможны отравления подземных вод...

Генеральный директор предприятия «Ритуал» А.Прохоров назвал как-то сумму ежегодной прибыли от его службы — 10 миллионов рублей. Его бывший начальник оказался скромнее и публично заявил, что за пятнадцать лет прибыль возросла с 2,8 до 7,9 миллиона рублей. Если условиться, что последние пятнадцать лет число умирающих было постоянно (107 тысяч человек в год), то, следовательно, каждый умерший приносил государству следующую прибыль: 1973 год — 26 рублей, 1988 год — 74 рубля. Если же сопоставить рост при-

были с ростом стоимости железобетонных изделий, то вдруг обнаружим, что рост прибыли связан именно с ценами на цемент:

цоколь: 45—70—100—140 рублей;
цветник: 18—21—34 рубля;
стенка: 24—57 рублей.

С начала 80-х годов приобретение цоколя стало обязательным. Поэтому можно утверждать, что рост прибыли происходит за счет роста цен на железобетонные кладбищенские украшения. При этом монопольное положение «Ритуала» позволяет устанавливать абсурдно завышенные цены. На новых кладбищах строго-настрого запрещено вкапывать оградку, все обязаны класть цоколь, однако цоколь по цене 140 рублей за штуку — не что иное, как ограда. Запрещая установку относительно дешевых металлических оград, объединение навязывает потребителям свои изделия весьма сомнительного художественного качества.

Стоимость похорон очень высока. Одних людей похороны прямо-таки разоряют, другим не по карману, и вполне достойных людей, честно проживших свою жизнь и работавших с детства до старости, хоронит за свой счет государство. Однако услуги кладбища даже для самых скромных похорон составляют менее десяти процентов от общих затрат. Иначе говоря, сами похороны — досадное приложение к плану по железобетонным изделиям и разве что еще услуг автобазы.

Но судить о том, во сколько обошлись похороны, по квитанции — по меньшей мере наивно. Провожающие сплошь и рядом дают «на лапу» тем, кто в свою очередь сопровождает их. Иначе сопровождающие и нелюбезны, и грубы, и уходят раньше времени... Предположим, что на всех этапах обслуживания покойного провожающие выплачивают сверх квитанции 65—70 рублей. Родные и близкие тотчас возразят, что они платили сотни рублей. Но сойдемся пока на этой скромной цифре: 65—70 рублей. Это составляет в год 6—7 миллионов нигде не учтенных рублей. Дополнительные вознаграждения — тому десятку, тому четвертной, по сути дела, являются договорной формой оплаты труда. До появления «Мосбыта» на всех кладбищах цены устанавливались путем договора. «Мосбыт» ввел издевательские расценки, но не сумел упразднить старорежимный стиль отношений между родными и близкими и могильщиками. Только то, что прежде называлось договором двух сторон, теперь именуется вымогательством. В чем же заслуга «Мосбыта»?

Бесквитанционные работы составляют основной источник дохода всех работников старых кладбищ и некоторых категорий новых. Можно утверждать, что неутраченные доходы работников кладбищ превышают доход, приносимый кладбищами. Косвенным подтверждением этого служит сумма налога, который платит один кооператив, который

взял на себя печальную обязанность хоронить москвичей. Выполняя на законном основании работы, относимые ранее в разряд «левых», кооператив за три квартала 1990 года выплатил около трех тысяч рублей. В нем работают всего три человека, а, например, на Хованском кладбище работают сто человек. А Хованское — одно из шестидесяти московских. Недаром руководство всячески стремилось кооператив задуть: тайные, «левые», доходы с созданием честного, открытого всем глазам кооператива стали явными...

Так можно ли говорить о какой-либо эффективности системы, если значительная часть доходов этой системы не учитывается?

Думается, что для возвращения московским кладбищам пристойного вида эти места упокоения наших друзей и родных могла бы снова взять под свой присмотр религиозная общественность. Москва — город всех религий, верующих у нас много. Им будет по силам сделать некрополи уголками города, где бы проходящие думали о душе и вечной жизни. Сейчас мысли о вечном, наоборот, бегут от каждого ступающего за ворота кладбища. Помимо антисанитарии там встречают вас атеисты, которым безразлично, где работать: на кладбище или в магазине, камешником на стройке, — лишь бы зарплата шла. В кладбищенских конторах громко смеются, в обеденный перерыв играют в домино и карты, могилы завалены мусором... Словно попадаешь не на кладбище, а на какой-нибудь завод или, простите за вульгарное, но очень подходящее сравнение, на городскую свалку.

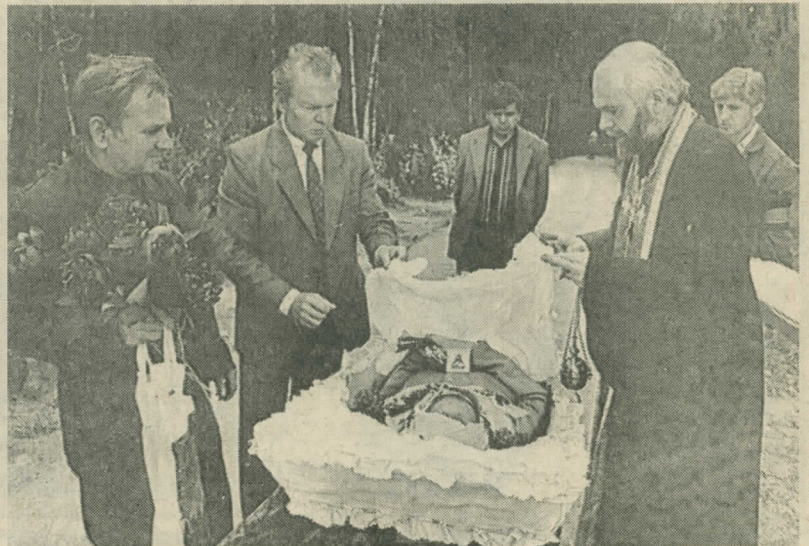
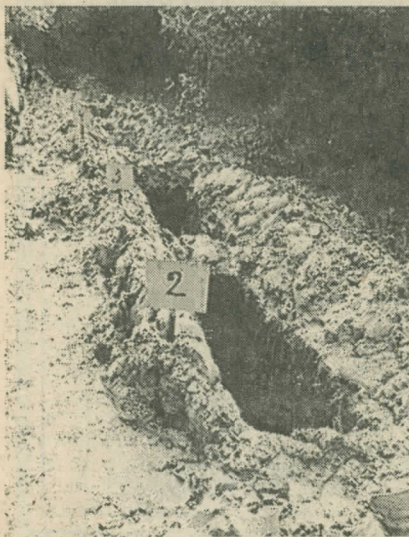
На центральной аллее еще бывает чисто. Но на боковых дорожках или у края кладбища — сплошные горы мусора. Есть кладбища, где весной могилы затопляют глубокие лужи. Есть могилы, круглый год «прикрытые» мусором. Родственники приходят, сгребают его руками — но разве его поднимешь, все эти проволоки, куски цемента, бутылки, банки с застывшей краской? Тут требуется экскаватор! Да и что говорить: одно то, что по дорожкам наших некрополей, вдоль которых тихо покоятся останки наших предков, развезают на каких-то дребезжащих тарантасах рабочие, курят, матерчатся, не думая о том, что кладбище — место вечного покоя и там повышать голос нельзя, — одно это способно убить всякие светлые чувства. Каждый из нас знает свои примеры нарушения кладбищенского мира.

Пришло время восстановить там мир и спокойствие.

«А НА КЛАДБИЩЕ ВСЕ СПОКОЙНЕНЬКО...»

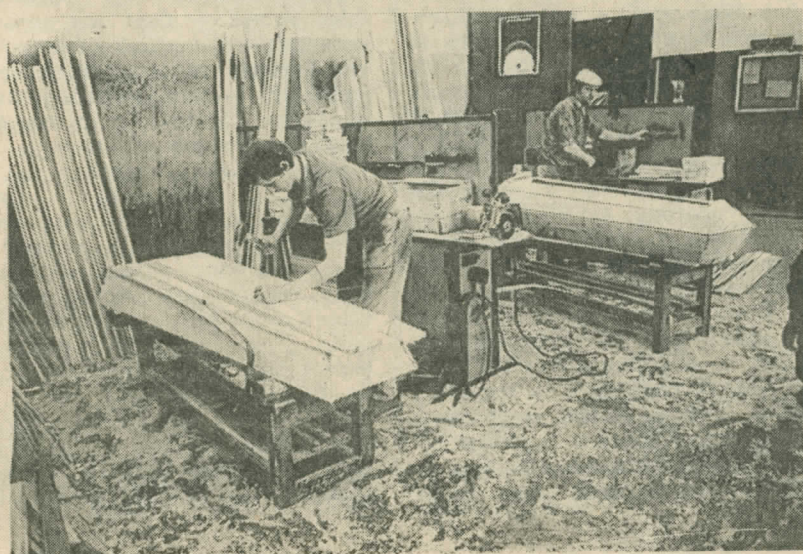
Фоторепортаж Юрия Штукина

Никто не умирал.
Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине
блуждали и сходились.
Вот близятся, плывут —
черты определились...
Внезапно отошли —
и их не различить.
Они — невдалеке.
Одна и та же нить
Связует здесь и там.
Лишь два пути открылись:
Один — безбурно ждать
и юность отравить,
Другой — скорбеть о том,
что пламенно молились...

Александр БЛОК

Феликс СВЕТОВ

А БЫЛ ЛИ КЛАССИК?

В нашем «литературном» номере (№ 41 — 42) была опубликована статья Льва Аннинского «Евангелие от Николая» о творческой судьбе Николая Островского. Статья получила широкий резонанс. Сегодня мы публикуем один из откликов, принадлежащий перу писателя и известного правозащитника Феликса Светова. Poleмика есть poleмика — простим автору резкость некоторых формулировок.

Если бы мне предложили по одной фразе угадать, кто мог такое сказать и о чем идет речь: «Когда-то я написал о нем книгу, ее рублили, корежили, издав, долбали...» — я бы ни о чем не догадался, да и слишком мало информации: кого только не корежили и не долбали во времена, как сказано чуть ниже, «раннего застоя» и «позднего волюнтаризма». Если бы мне на тех же условиях предложили прочитать дальше: «Наиболее чуткие и внимательные из моих читателей и критиков все поняли и немедленно обвинили меня в контрреволюции и клевете...» — я бы вконец запутался, почувствовав себя и нечутким, и невнимательным. Уж не о Платонове ли идет речь, не о Булгакове ли — их рублили, корежили, издав, долбали, обвиняли в клевете и контрреволюции... Нет, то было значительно раньше, я иду явно не по тому следу, ищу не там, здесь, несомненно, критик, литературовед, сказано же: «Я написал о нем книгу». О ком «о нем»? Если «книгу» «долбали» и «обвиняли», может быть, «он» написал о... Солженицыне — но таких книг во времена «раннего застоя» и «позднего волюнтаризма» у нас издано не было; и о Синявском с Даниэлем книг у нас никто не издавал даже и в «искореженном виде». Двух последних, обвинив в клевете и контрреволюции, просто посадили, а Солженицына, протащив через Лефортово, выслали из страны. Какие уж тут в советской печати о них исследования. Итак, если бы имя автора на этом сочинении не было обозначено, я бы такой «ребус» не разгадал, мне он не по зубам.

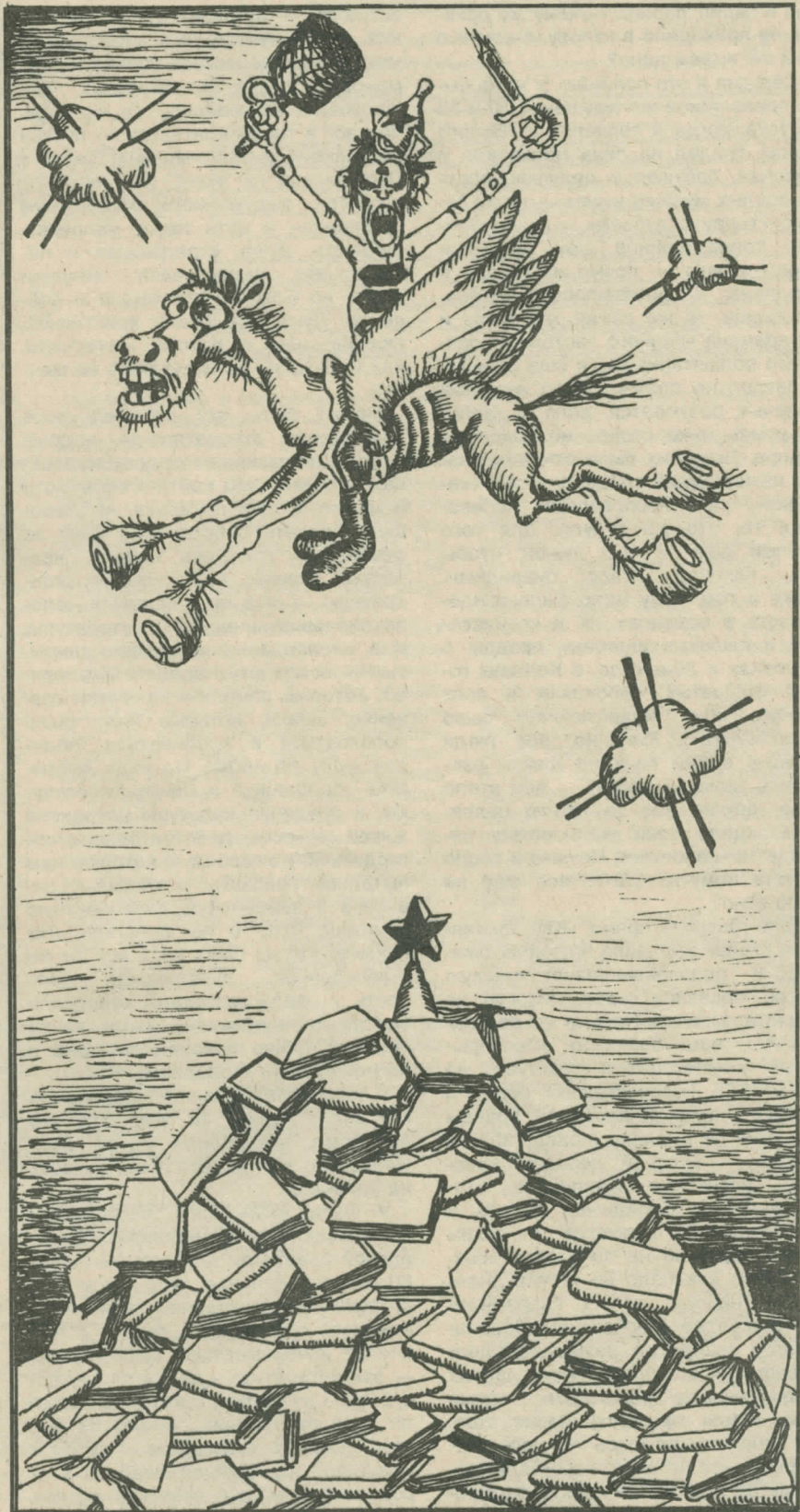
Тем более я пришел в недоумение, узнав, что «клеветническая» книга посвящена... Николаю Островскому и написал ее... Лев Аннинский, рассказавший об обстоятельствах создания этого шедевра. Он доверительно поведал нам, что для того, чтобы высказать свои «криминальные идеи», позволял книгу «корежить» и «рубить», «тактически уступал», «кое-что додумать не решился», пошел даже на прямой подлог и плагиат (процитировал Андре Жида, его «не назвав», и обманул «невежественных редакторов»); и хотя «по условиям издательской игры вынужден был строить вид (! — Ф.С.), что взаимодействую с текстом литературным», «с помощью анонимных цитат и псевдонимных определений» «главную правду» читателю сообщил — собственно, ради нее он и шел на все эти страшные жертвы: «это житийный текст», в нем «магия». Лев Аннинский — знаменитый литературный критик времен застоя — раннего и позднего, либерал, известный «левизной» эстетических пристрастий. Сегодня он пишет: «Пришло время мне защищать Островского», на него нападают «люди авторитетнейшие» — академик Лихачев, писатель Астафьев, «и не только они, конечно». И Аннинский с горячностью бросается на защиту дорогого ему автора. Он пишет: «такие книги сквозь факты идут, как бульдозер, «идут сквозь литературную технику, ломая ее и отбрасывая», такой текст «ножом входит в жизнь». В то же время, продолжает Л. Аннинский с какой-то странной логикой, совершенно неважно, сам ли Н. Островский написал свою «маги-

ческую» книгу или ему «помогали» А. Караваяева и М. Колосов: «Вообще вопрос о том, кто «сам» писал, а кто «не сам», имеет значение только при начислении литературных премий или выяснении прав наследников. На некотором историческом удалении вопрос перестает быть фатальным». И приводит еще один пример такого отсутствия «фатальности». Вполне вероятно, замечает он, что «мемуары» Л. И. Брежнева писал не он, а «блестящие журналисты, и теперь, в эпоху гласности, они — властители дум», но «если государственный деятель, являющийся конденсатом настроения массы и статистическим выразителем системы, с которым эта масса себя идентифицирует, оставляет мемуары, то дело именно в конденсате настроения и опыта, а не в том, кто и как это записал на бумагу». «Если через текст, — продолжает Л. Аннинский, — бьет ток веры, то иной раз чем меньше «мастерства», тем больше тексту веры. Нехорошо написано — это не препятствие. Напротив. Пророки и сомнамбулы никогда не писали «хорошо».

Может быть, следовало бы перестать цитировать статью Л. Аннинского, нелепо полемизировать с «пророками и сомнамбулами», а тем более размышлять по поводу «конденсата настроения массы» и «тока веры» — это за пределами литературного разговора. Может быть, и не следовало, но мы не ребус разгадываем, важно понять — зачем все это написано, не только ведь для того, чтобы рассказать, каким был храбрым в крутые времена, как ловчил, чтобы столы

дорогие ему идеи высказать, рискуя быть обвиненным во всех смертных грехах до «контрреволюции» включительно. Ну здесь, конечно, преувеличение, грозные обвинения не помешали Л.Аннинскому и после «криминальной» книги издавать одну за другой книги последующие, не говоря о многочисленных статьях в центральных застойных газетах и журналах, да и что-то не слышал я о преследованиях Л.Аннинского — он писал и писал, а его печатали и печатали. Неужто просто хвастается? Нет, здесь дело в другом: наш знаменитый критик хочет высказать нечто заветное. Вот оно, цитирую: «Коммунизм есть всегдашняя мечта человечества. Мы на этом пути ничего не достигли, вернее, мы достигли многого, но такой ценой, на которую не рассчитывали... Но мечта остается». Смело и сильно, не правда ли? Во всяком случае «оригинально». Н.Островский «есть выражение народной веры в коммунизм», в его книге «огромная правда — правда состояния народа»; «какие святые могут быть у народа, находящегося в таком положении и в такой настроении? Только такие, как Павка Корчагин, которые переплавляют любовь в ненависть, и отвечают ударом на удар, и готовы пожертвовать собой и другими, причем абсолютно бескорыстно». И еще одно откровение: Л.Аннинскому «жалко» «ленинскую гвардию» — «Больно за них. Горько». И наконец, о том, что происходит сегодня: «Качнулись в обратную сторону и бегут с дубьем бить Островского. Так что же? Мало ли, что качается толпа и бежит то туда, то сюда? Надо на своем стоять, как стоял».

Приехали, как говорят современные молодые люди. Я перечитывал этот опус Л.Аннинского несколько раз, пытаюсь понять — что это все-таки такое? Может быть, розыгрыш, пародия, сарказм — над кем, над чем, над собственным творчеством, своими давними работами? Потом стал вспоминать, что и стиль, и метод, и весь набор этой бессмыслицы, вымученной, выдуманной, не имеющей никакого отношения ни к литературе, ни к жизни, все эти парадоксы, которые почему-то было принято считать «блестящими», а по существу совершенно пустые, и раньше пестрели на страницах многочисленных работ плодovitого критика, он всегда так писал: выстраивал себе некую мишень, взвинчивал себя, доводил пафос до кипе-

Рисовал А. Заяц

ния и парил, парил... Почему же раньше не приходило в голову, с кем и с чем мы имеем дело?

Сегодня я это понимаю. У меня было точно такое же ощущение 19 и 20 августа, когда я толкался у «Белого дома», глядел на лица мальчиков и девочек, бабушек и дедушек, вполне зрелых мужчин и дам — на ту самую «толпу с дубьем» — и вспоминал телевизионное шоу гэкачепистов: личины — прямо из Гоголя и Щедрина; опостылевшая бессмыслица, та же самая, что была и во времена «раннего застоя» и «позднего волонтаризма», и еще раньше, и несколько позже. Не во внешнем обличье, разумеется, дело, у «Белого дома» тоже стояли не красавцы тенора. Но у них были открыты глаза, из них душа глядела, а не «железки», уже неспособные переварить то, что заглотнули. Для того «Белый дом» и был нужен, чтобы все, наконец, стало очевидным. Даже и тем, кому мало было свидетельств о подвалах ЧК и «комиссарах в пыльных шлемах», правды о Соловках и 29-м годе, о Колыме, годах тридцатых, сороковых и всех прочих, кому недостаточно было «Архипелага»... Конечно, все люди разные: одним хватило факта расстрела царской семьи — все стало ясно, другие все за что-то цеплялись, ждали, пока «количество» перейдет в «качество». Неужто и после августа кому-то что-то все еще не было ясно?

Если говорить прямо, «Как закалялась сталь» выразила насквозь лживую и человеконенавистническую мысль, показала героя, никогда не существовавшего (только не рассказывайте нам байки о «бескорыстных» комиссарах и душегубах из ЧК — КГБ, «защищавших» сырых и убогих); никакой народной правды Корчагин не выразил (правду какого народа — русской деревни, крестьян, десятками миллионов отправленных в Сибирь на смерть и уничтожение?); никогда и никем Павка Корчагин не почитался «святым» (это как надо не хотеть знать своего народа, чтобы навязывать ему в «святыне» несчастного оболваненного недоросля, размахивающего наганом; и это после тысяч святых новомучеников российских, коими наша земля просияла после того, как она пропиталась кровью настолько, что и хлеб перестала родить!). Да и не читает никто сегодня Н.Островского, а тем более не перечитывает, никогда я таких людей не

встречал — ну разве что Л. Аннинский. И коммунизм был «всегдашней мечтой человечества» только на кулачковых плакатах, писанных «аннинскими» от графики; и «человечество» в таком контексте — пустая абстракция и бессмыслица; и того Л.Аннинский не знает, что нет «массового», выдуманного марксизмом «сознания», а есть люди, человеки, личность, душа, страдающая и погибающая, надеющаяся вопреки всему на Божье милосердие и спасение. Душа все равно христианка, сказано нам, а потому коммунизм, как и фашизм, не могут быть ее мечтой.

Может быть, это странное эссе знаменитого литератора — надрыв и беда, поражение гордого человека, не способного найти в себе силы и мужество для покаяния, не умеющего увидеть собственную вину за очевидную трагедию народа, несчастие страны, вину прямую, конкретную — и в прославлении человеконенавистнической литературы, и в навязывании «сознания», «мечты» — всего этого бреда и околесицы, которые ломали и калечили сознание, сквозь которые надо было пробиваться и пробиваться, обдирая душу до крови. Но ведь выбрались, пробилась: и книги существуют, и традиция культуры сохранена живая, и есть действительно чем гордиться, и «свободу», которую нам пытались навязать, «подарить», завернув в заманчивую разноцветную бумажку, чтоб и не заметили, что никакая это не свобода, а все та же вынужденная дьявольская хитрость, — ведь разгадали, отбросили вместе с «бумажкой», сами взяли свободу, поняв наконец, что она и не может быть «подарком».

Л.Аннинскому жалко «ленинскую гвардию», горько за нее. Это его проблема. Мне ближе слова Солженицына: На погосте живучи, всех не оплачешь.

У Льва Аннинского, взошедшего на небосклоне выдуманной официальной советской литературы еще в 60-е годы, длинная творческая биография. В прочитанном нами кратком эссе он сказал о себе и о ней вполне исчерпывающе. Были ли они — эта литература и ее критик — или это один из мифов, с которым пришла пора расстаться; имеют ли они хоть какое-то отношение к русской культуре? По крайней мере на второй вопрос можно ответить вполне категорично и только отрицательно — никакого отношения не имеют. ■

Новосибирск

ЕМУ ЗДЕСЬ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ

Как сообщил один из новосибирских экстрасенсов, инопланетянин, гостивший недавно в городе, дематериализовался, чтобы, по словам контактера, материализоваться на родной планете Зондс, находящейся в созвездии Волопаса...

Этот человек объявился в городе год назад и сначала прославился тем, что не помнил, кто он. Сначала им занимались врачи: в третьей горбольнице его попытались «расколоть» с помощью каких-то специальных «крутых» препаратов и в результате выявили полное отсутствие сектора личностных воспоминаний при высоком уровне интеллекта.

Потом божж-гуманоид «по эстафете» перешел к милиционерам. После непродолжительного жителя-бытия в камере приемника-распределителя пришелец был освобожден по ходатайству начальника областного УВД и поселился в гостинице УВД. С ним продолжали общаться милиционеры, экстрасенсы, медики и вообще все, кто страдал излишним любопытством.

Видимо, инопланетянину все это надоело, и Гесс — так называли пришельца — махнул, не попрощавшись, на свой Зондс. На новосибирских милиционеров он не обижается: как-никак два пособия по сто рублей оформили и талонами на питание снабжали.

Юрий КОЗЛОВ

Нижний Новгород

КОНЕЦ НИЖЕГОРОДСКОЙ «АВРОРЕ»

Агиттеплоход «Волгарь-доброволец», едва ли не единственный в мире корабль-музей (музей, разумеется, революции, недаром корабль называют еще нижегородской «Авророй»), уже полгода стоит на приколе в совершенно непотребном виде. Волжское речное пароходство собирается списать историческое судно на лом, так как ремонт его обойдется в миллион рублей. Предложение отдать пароход в аренду «деловым людям» получило горячий отпор.

С.П.

К вопросу о «партийном выговоре»

По образованию я документовед. Поэтому серьезно отношусь к процедуре выбрасывания ненужных деловых бумаг. Пусть это даже бумаги бывшего райкома бывшей компартии бывшего Советского Союза.

Так уж получилось, что пришлось мне разбирать завалы документации, оставшиеся после деятельности ликвидированного райкома Советского района города Москвы. В кабинете, который ранее занимала инструктор райкома КПСС товарищ Батракова Г.Н., я нашла документы, именуемые «Карточка члена КПСС, имеющего партвысказание без занесения в учетную карточку». И стало интересно, за что же можно получить такое партвысказание? Оказалось — «за мелкое хищение, совершенное из корыстных побуждений». Такой выговор был вынесен гражданину Пименову Е.Г., пенсионеру 1918 года рождения, 23 апреля 1988 года. Но, простите, спросите вы, как понимать в юридическом плане этот термин — «хищение из корыстных побуждений»? А так, что закон трактует это статьей 96 Уголовного кодекса РСФСР, а коммунистическая партия, для которой закон не писан, карает подобное деяние строгим выговором.

Ладно, а за какие же поступки можно получить строгий выговор с занесением в учетную карточку? Вот, например, временно не работавший в 1988 году гражданин Волков А.Г., 1957 года рождения, управлял личным транспортом в нетрезвом состоянии. За что получил

строгий выговор с занесением в учетную карточку. Наверное, это надо понимать следующим образом: беспартийные за подобные проступки в 1988 году карались штрафом в двести рублей, а члены КПСС — строгим выговором. Или все же и штрафом, и выговором? И вообще, почему подвыпившего водителя надо было карать выговором? Чтобы никто не подумал, что члены КПСС вообще могут пребывать в нетрезвом состоянии?

Антиалкогольная кампания конца 80-х годов двадцатого столетия — кладезь информации для будущих авторов исторических диссертаций. Тем, кто возьмется за эту тему, могу сообщить еще один факт из жизни партийной организации Советского района Москвы — газосварщик Шейн П.В., 1947 года рождения, 3 декабря 1987 года получил строгий выговор за попытку распятия алкогольных напитков в общественном месте. Заметьте — не за само распятие, а только за попытку. Что ж, как говорится, попытка — не пытка, а только выговор. И к начальнику ДЭЗ-29 Корымовой Н.Г. партия тоже была строга — вклеила «строгий выговор за грубое нарушение финансовой дисциплины, вызвавшееся в незаконном получении наличных денег от выезжающих жильцов». Правда, тот же Уголовный кодекс РСФСР трактует подобные действия как взятку, но подразумевалось, очевидно, что члены КПСС взятки не берут, а посему и словосочетание «нарушение финансовой дисциплины» партийным работникам по-

казалось более благозвучным и гуманным.

А как вам нравится формулировка вот такого «строгача»: «Выговор за неудовлетворительную организацию службы войск, что явилось одной из причин совершения происшествий». Тем более, что вкатали его тов.Шелепину А.С., в графе «Кем работает» у которого написано... пенсионер. Уж не знаю, какой организацией службы войск ведал пенсионер Шелепин. Партизанские отряды имени Ивана Сусанина, что ли, плохо организовывал?

Неужели, спросите вы, райком всегда занимался ерундой типа наказания пойманных за руку взяточников при попытке распятия алкогольных напитков? А где же борьба с идеологическими диверсиями, с буржуазной пропагандой, с космополитами, с разрушителями коммунистического мировоззрения? Будьте спокойны, и такие документы находились в необъятных райкомовских шкафах.

Пенсионер Сучков Ф.Ф. получил строгий выговор «за подписание политически вредного письма, которое было использовано буржуазной пропагандой против нашей партии и советского государства, и неправильное выступление на вечере, посвященном творчеству писателя А.Платонова». Вынес этот выговор Московский городской комитет КПСС 12 июля 1968 года. Позднее, уже в годы перестройки, Советский РК КПСС рассматривал вопрос о снятии выговора и... в снятии выговора было отказано.

Казалось бы — ну сколько можно вооружить преступления коммунистической партии Советского Союза против конкретно взятой личности? Идиотские партийные выговоры в деятельности КПСС — как капля в море человеческой глупости. Но ушла с политической арены партия коммунистов, ее место заняли партии социал-демократов, анархистов, монархистов, эсеров, и у каждой создающейся партии собственные взгляды на партийную дисциплину, на партийные выговоры. Так что этот материал адресован им как информация к размышлению в решении вопроса о понятии «партийный выговор».

Елена АВДЕЕВА

№ парторганизации	276	Фамилия инструктора	Шелепина		
Карточка члена КПСС, имеющего партвысказание с занесением в учетную карточку	173 УК				
Наименование парторганизации	ДЭЗ-29				
Фамилия, имя, отчество	№ партбилета	Когда и кем выдано партвысказание	Когда снято	Штраф	
Корымова Н.Г.	22253337	СТРОГИЙ ВЫГОВОР за грубое нарушение финансовой дисциплины, вызвавшееся в общественном месте.			
Год рождения	1958	Составлена РК КПСС г. Москвы, пр. №8 от 24 сентября 1987г.			
Кем работает	НАЧАЛЬНИК				

№ парторганизации	180	Фамилия инструктора	Батракова		
Карточка члена КПСС, имеющего партвысказание с занесением в учетную карточку	19.12.1987				
Наименование парторганизации	ДЭЗ-29				
Фамилия, имя, отчество	№ партбилета	Когда и кем выдано партвысказание	Когда снято	Штраф	
Шейн П.В.	10422412	ВЫГОВОР за попытку распятия алкогольных напитков в общественном месте.			
Год рождения	1947	Составлена РК, г. Москвы, пр. 53 от 03.12.1987г.			
Кем работает	ГАЗОВОЩИК				

Москва

БЕЗ ГЕРОЕВ — НИКУДА

Демократическая партия России решила провести благотворительную акцию — отыскать всех раненных у «Белого дома». Полтора месяца искали пострадавших. Это, по словам исполнителей, было нелегко. Оказывается, обнаружилось 20 человек, получивших что-то похожее на ранения в дни путча. Среди них произвели отбор и оставили восьмерых. Эти восемь удостоились всяческих почестей в штабе ДПР.

Церемонию приурочили к двум месяцам, прошедшим со времени «трех страшных дней путча». Коротко было рассказано о борьбе партии в подполье, а потом наступил торжественный момент чествования героев.

Хотя, как неоднократно говорилось на церемонии, долг перед этими людьми не искупится никогда, ДПР решила все-таки выплатить раненым денежные компенсации. И немалые!!! Кстати, деньги «отстегнула» отнюдь не партия: они были собраны на похоронах защитников «Белого дома» — 80 тысяч рублей. Пострадавших же было восемь (плюс один не до конца выявленный, ему воздадут почести позже). Деньги распределялись в зависимости от тяжести увечий и вручались в больших конвертах. После представления раненого подробно, со всеми медицинскими терминами рассказывалось о его состоянии в момент поступления в больницу и в настоящее время. У нескольких есть ог-

нестрельные ранения, всяческие ушибы. А один вообще сломал ногу, когда упал с БТРа, агитируя солдат... Интересно, какие ранения были у тех 12, коих отсеяли?

Вместе с деньгами пострадавшим выдавали телефонные аппараты фирмы «Эликс», букеты и российские флажки!

Потом все пили чай и под тихо льющуюся эротическую музыку «Эммануэль» вспоминали боевые дни. Все закончилось взаимными клятвами не дать нас больше посадить в клетку и намерениями собраться 19 числа каждого месяца.

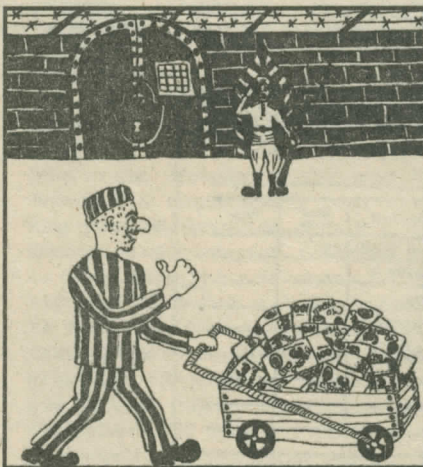
Е.А.

Казахстан

НА СВОБОДУ — МИЛЛИОНЕРАМИ

Одна из уголовных зон недалеко от города Актау полгода назад перешла на аренду. Все знали, что аренда — это хорошо, но никто не ожидал таких необычных результатов: зона окупает теперь не только себя, но и содержит еще десять соседних колоний. Уголовники, получавшие раньше, как и все их собратья по несчастью, более ста рублей, теперь имеют по 700—800, а один даже умудрился заработать (и получить!) 1750 рублей. Кстати, завод, производящий сельхозтехнику, на котором работают эски, до перехода на аренду был убыточным, а долгу у него было 12 миллионов рублей.

Валерий РУДАКОВ

Омская область

ОТ ГУМАННЫХ ЗЕМЛЯЧЕК

Непрерывным потоком идут из Барнаула, Томска и Омской области (особенно из деревни Язово Оконешниковского района) посылки и бандероли, подписанные: «Москва. Кремль. Язову». В ящиках — папиросы, домашняя выпечка и вообще — что Бог послал. Эту трогательную заботу об опальном маршале проявляют жены сослуживцев и знакомых Язова. Наверняка передачи (если они доходят до адресата,

находящегося совсем в другом месте) скрашивают бывшему министру обороны тяготы заключения.

Эльза КЕПОЛАС

Архангельская область

«ЗВЕЗДОЧКА» МЕЖДУНАРОДНОМУ КАПИТАЛУ

На оборонной «Звездочке», одном из крупнейших предприятий Северодвинска, свершилось небывалое. Впервые завод, над которым разве что птица свободно и бесконтрольно пролетала, стал работать на международный капитал. По заказу голландской брокерской фирмы здесь изготовлен корпус нефтеналивного катера, предназначенного для портового обслуживания.

Правда, построить катер было гораздо легче, чем предварительно договориться с голландцами. На самые элементарные вопросы гостей северодвинцы отвечали неопределенно и старались напустить побольше туману, чтобы ненароком не выдать какой-нибудь секрет.

Александр МАКЕДОНСКИЙ

Черновцы

ЛЕНИН — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Еще не зная, что Черновцы распрощались со статуями Ленина и Калинина, жители американского города Солт-Лейк-Сити, побратима Буковинской столицы, решили монументально увековечить дружбу побратимов. В сверхъестественно короткие сроки американцы установили у себя скульптурную группу играющих детей. Потом представили, сколько делегаций «ломанется» в Америку возложить цветы к монументу дружбы, и решили построить аналогичный памятник в Черновцах.

В знак благодарности черновицкие депутаты предложили побратимам принять в дар вполне прилично сохранившуюся скульптуру Ленина, еще недавно возвышавшуюся на центральной площади города.

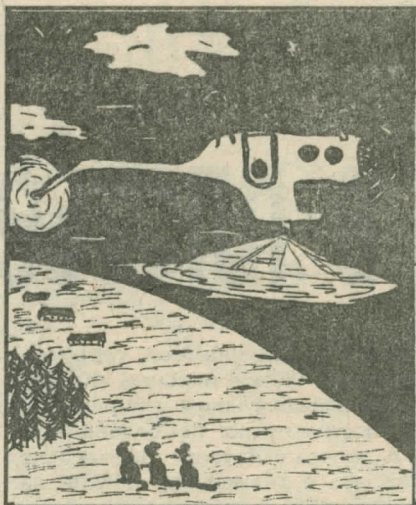
Григорий ГРИШИН

Тамбовская область

И ДИВИЛИСЬ ТАМБОВСКИЕ ВОЛКИ

Воздушных парадов в деревне Дмитриевке отродясь не бывало, и этот пробел решили ликвидировать непревзойденные асы из Мячковского авиаотряда Московской области А.Ильин и Б.Бычков, занимавшиеся вообще-то опылением колхозных полей. К полету они приобрели и слесаря колхоза «Рассвет» П.Попова.

Вертолет МИ-2 взмыл в осеннее небо и начал такое выделывать, что наблюдавшие селяне заколдобились. Машина взлетела вверх, затем камнем падала до крыш курятников и, имитируя полет ласточки, пронеслась на бреющем полете над коровниками и свинарниками...

При исполнении самой крутой фигуры «высшего пилотажа» (касание лопастями земли) вертолет рассыпался. Погиб бортмеханик Бычков, остальные с тяжелыми травмами доставлены в больницу.

Что довело «экипаж машины боевой» до такого состояния, теперь выясняет следствие.

Леонид ОКТЯБРЬСКИЙ

Ставрополь

МАКАРЕНКО БЫ НЕ ДОГАДАЛСЯ, А СУХОМЛИНСКИЙ — И ПОДАВНО

В средней школе № 22 была приговорена к трехсотрублевому штрафу... девочка-старшеклассница — за то, что пришла на занятия в короткой обтягивающей юбке.

Дело в том, что, решив поиметь хоть что-то с не очень конкретного «самоуправления» и получить хорошие деньги легким путем, педагогический коллектив школы постановил ввести штрафы школьников за курение (причем не только в здании школы или на территории школьного двора, а вообще) и за «нарушение формы одежды». Так сказать, провозгласить свое новое слово в педагогике. Директор издал соответствующий приказ — и вот уже учителя подкарауливают курящих подростков в самых неожиданных местах, заставляя их «дыхнуть»...

Но в отличие от антитабачного штрафа размером в десятку штраф,

касающийся «формы одежды», оказался родителям дерзкой девочки разорительным. И, энергично вмешавшись в педагогические процессы, происходящие в школе, папа с мамой не допустили удара по своему бюджету.

Однако теперь ни один родитель учащейся в школе № 22 не отпустит свою дочь на занятия, если ее юбка не внушает иных мыслей, кроме как о высокой нравственности и целомудрии.

Сергей БОНДАРЕВ

Брянск

СЮРПРИЗ К СВАДЬБЕ

Жениться в Брянске стало тоскливо. Салон для новобрачных в центре города нынче предлагает единственный товар: твердые обложки для партбилетов. «Корочки» берут на сувениры.

Александр СТОКЛАСКА

Осколки собирала
Елена АВЕРИНА
Наш телефон: 928-70-79

Рисовала Е.Савенкова

«Я бы взял частями. Но мне нужно сразу».

Остап Бендер

Герман ЛОМАНОВ

Королева в платье Золушки

Науку понять нельзя, к ней можно только приспособиться, говорил в шутку один профессор, мой давний знакомый. Шутка, впрочем, с изрядным привкусом горечи — приспособленцев в нашей науке и впрямь хватает. Целые отделы, порой институты бессмысленно, но безбедно существовали на бюджетные средства. А теперь? Лауреат Нобелевской премии академик Николай Басов сетует, что в знаменитом ФИАНе над термомодом работают тайком — это направление финансами не обеспечено. И добавляет в сердцах: «Может быть, ФИАН свернуть? Жить на полуголодном, скудном пайке невозможно». Такие слезницы вы сейчас от любого директора академического НИИ услышите. Живут пока, но что верно, то верно — нынче уже науке надо приспосабливаться к новым условиям. Средств на развитие фундаментальных исследований не хватает — в прошлом году их дефицит в Академии наук СССР составил без малого 160 миллионов рублей.

Прости, читатель, что начал не во здравие, а за упокой. В самом деле, плохие вести не лежат на месте, они и так у всех на слуху. Не угодно ли хорошую? Извольте. Несмотря на то, что карточек и талонов становится все больше, а продуктов все меньше, средняя продолжительность жизни советского человека, видимо, увеличится, поскольку резко возросло количество бессмертных. Если помните, во Франции так величают академиков, и попасть в эту элиту там куда как трудно. У нас же теперь академий столько, что и не запомнишь. Их неударжимый рост начался еще до полной победы демократии в одной отдельно взятой республике, а уж сейчас сам Бог велел — собрались вместе два кандидата и три аспиранта и между задумчивыми разговорами взяли да учредили какую-нибудь академию. Не верите? А зря. Мне недавно приятель звонил, звал на презентацию еще одной такой — название забыл, но помню, что президентом там кандидат технических наук.

На фоне этой самодеятельной вакханалии создание Российской Академии наук — событие просто эпохальное. Правда, существует она пока лишь на бумаге, но в декабре будут выборы. Напомнив об этом, Иван Силаев, тогда еще премьер-министр РСФСР, на заседании Гос-

совета СССР заметил — если какие-либо научные центры, институты, ученые захотят перейти в Российскую Академию из АН СССР, это будет приветствоваться. Сказано более чем дипломатично, но как тут ни деликатничай, любому видно: дилемма имущества между еще существующей союзной и рождающейся Российской академиями — самый острый и болезненный вопрос, волнующий сейчас ученых. Но, заметьте, не новый — в академических кругах он дебатировался уже года два.

Вариантов несколько. Первый, в сущности, уже реализуется — создать Академию наук (АН РСФСР)... без институтов. То ли академия, то ли что-то вроде общественной организации. Правда, ей можно дать фонды, средства. Известно же, кто платит, тот и заказывает музыку, — имея в руках деньги, Российская Академия будет объявлять конкурсы, в которых примут участие и вузы, и институты «большой» академии, и отдельные исследователи. Она сможет рецензировать проекты, делать прогнозы, готовить модели экономического и социального развития. Вариант, конечно, заманчивый, из него может возникнуть новый тип управления наукой. Но откуда же возьмет деньги республика, если вся страна уже не в силах содержать свою «большую» академию? На-

роду есть нечего, на какие же, простите, шиши еще одну академию создавать? Если рассчитывать на то, что Россия будет постепенно наращивать свои научные структуры, заметные результаты появятся эдак через полвека. С гаком.

Второй, компромиссный, вариант — отдать России три отделения (Сибирское, Дальневосточное и Уральское) и назвать их новой академией. По мнению ряда уважаемых ученых, этот шаг был бы страшен для развития фундаментальных исследований — оторвавшись от альма-матер, «большой» академии, провинциальные центры деградируют. Там будут делать науку второго сорта, а она, как и осетрина второй свежести, никому не нужна.

В РСФСР есть много сильных институтов, принадлежащих отраслям, занявшимся конверсией (по некоторым оценкам, их около сотни), есть НИИ при вузах, есть около 500 проблемных лабораторий. Неплохой потенциал. Может быть, на этом фундаменте строить здание АН РСФСР? Но вот вопрос — захотят ли расстаться с ним нынешние хозяева? И смогут ли эти учреждения стать базой для развития действительно академической, фундаментальной науки? Ведь не секрет, что отраслевая всегда была нацелена на решение чисто прикладных, часто сиюминутных задач. А сейчас и на эти-то разработки выбрать средства становится все труднее — экономического механизма внедрения новшеств у нас и прежде не было, и теперь он не появился. Раньше хоть планы по новой технике были...

Самое кардинальное предложение — передать в Российскую Академию все институты союзной. Тем более, что и расположены они на территории федерации, да и вообще из полутора миллионов занятых в науке и научном обслуживании страны человек миллион работает в РСФСР. После августовских собы-

Рисовал А.Зяец

тий, когда Россия начала переводить под свою юрисдикцию все, что только можно, логично было бы ей взять под свое крыло и академию уже, кажется, несуществующего Союза. Чего тут долго думать.

Так да не так. Простая передача лишь превратит старую бюрократическую систему из общесоюзной в республиканскую. АН СССР давно уже иронически называют «министерством наук» — что ж изменится от смены вывесок? Есть и еще одно соображение — не первый год говорим о едином экономическом пространстве, хотя организовать его пока не можем. А вот единое научное пространство худо-бедно есть. Система взаимодействия и сотрудничества научных школ, институтов протянула свои связи по всей стране. Кроме того, действует около ста международных договоров по важнейшим направлениям научно-

технического сотрудничества, разрабатывается более тысячи международных проектов — исследования по ним финансировались из общесоюзного бюджета. Кто-то же должен сохранить (если не преумножить) наше общее наследство.

Что же делать? Центростремительные силы разрывают Союз ССР, а необходимость интеграции понимают лишь самые трезвые политики. На мой взгляд, выход прост — создать еще одну академию наук... Москвы. Есть же в столице свое «правительство», почему ж не быть собственной академии? А что? Из трехсот с лишним академиков более двухсот работают в Москве и области, в столице расположено 40 процентов академических НИИ.

Увы, дела так плохо, что остается только иронизировать. Источники финансирования союзной и республиканских академий на буду-

щий год все еще не определены, фонд фундаментальных исследований, похоже, так и не сформирован. На уже упоминавшемся заседании Госсовета СССР прозвучали заверения, что средства на науку никто срезать не будет. Но не было сказано, сколько конкретных миллиардов получит наука в 1992 году, а главное — откуда. Какую долю готова отдать каждая республика в общий фонд — тоже неясно. Так что бывшей «королеве», нашей славной АН СССР, в пору примерять платье Золушки. Вне зависимости от того, как она будет называться — союзная, Российская или столичная академия. Боюсь, все будет по известной поговорке — как ни назовут, а в печку поставят...

Вообще же мы впали в состояние какой-то перманентной реорганизации, забыв, что она не всегда — благо. Достаточно вспомнить о хрущевском «эксперименте», когда из АН СССР была выведена сотня прекрасных институтов технического профиля. Через пять лет большинство из них превратились в серенькие, посредственные НИИ, прозябающие в отраслях. Вычислительная техника, машиностроение, химические технологии, энергетика, автоматизация, материаловедение — все это «наш дорогой» Никита Сергеевич у Академии наук СССР отнял. Мост между фундаментальной и прикладной наукой был разрушен. Сейчас, спустя четверть века, мы вынуждены восстанавливать прежние структуры.

Я вовсе не хочу сказать, что союзная академия должна остаться в прежнем виде, что грозные бульдоги на воротах Президиума АН СССР должны вечно охранять покой незыблемой цитадели бессмертных. Перемены нужны. Думается, вместо нынешних косных структур в конце концов будет создан Союз Академий суверенных государств, который будет координировать и направлять их деятельность на основе фундаментальных общих программ. Но любителям скороспелых решений, недодуманных проектов хотелось бы напомнить давний принцип врачей-академиков: «Не навреди!». А то еще раз поспешим, а что станем делать через двадцать пять лет после очередной «реорганизации»? Наука — дело тонкое, понять ее нельзя, к ней можно только приспособиться. И это уже не шутка.

СЛУЧАЙ С КИНОКРИТИКОМ

«Сады скорпиона»

Студия «Пи Эф»
киноконцерта
«Ленфильм»,
реж. О. Ковалов

Что бывает, когда режиссером становится актер? Бывает актерское кино, то есть хорошо играющие лица. Что происходит, когда в режиссеры приходит оператор? Происходит торжество изобразительной мысли, то есть очень красивые кадры. А что случается, когда кино снимает кинокритик? Случается статья. То есть фильм «Сады скорпиона». Такая развернутая рецензия с широким привлечением контекста. Причем рецензия не на отдельно взятое кинопроизведение, а на целый кинематографический срез хрущевского одиннадцатилетия. Где есть и уродливые агитки о вреде алкоголя, и восторженные отчеты по поводу фестиваля молодежи и студентов, и кровавые кадры венгерских событий. Бог знает, чего тут только нет, в этом виртуозном киноведческом коллаже, в этой хитроумной китайской головоломке! А условие игры одно: как ни крути отдельные кадры-кусочки, будь то визит Никиты Сергеевича в Америку или хроника новейших достижений свиноводства, а складывается из них всякий раз один и тот же сюжет — распорванная Коваловым где-то в глубинах Госфильмофонда игровая пропагандистская лента «Случай с ефрейтором Кочетковым». Сюжет этот настолько обаятелен в своем идиотизме, что оказывается вполне символическим для той самой,

означенной в фильме эпохи. Любители отечественного постмодернизма — это по вашей части!

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

ВООБРАЖЕНИЕ БРОНЗЫ И МРАМОРА

Выставка Ким Чанг Хи
Государственный музей
искусства народов
Востока

Можно вспомнить о монументальных устоях конфуцианской семьи, а можно — о двухмерном покое буддийской пластики. Можно порассуждать о простоте и обобщенности композиции, а можно — о четкой ритмичности контуров. О влиянии Генри Мура или Густава Вигеланда.

О корейской образности. Об общечеловеческих ценностях. Все можно, надо лишь взять фигурки: теплые рыжие — бронзовые и прохладные белые — мраморные — и расставить там, где много травы, мало деревьев, невидимый ручей и видимый склон старой пологой скалы; самому лечь в траву и смотреть. Все будет можно. Восемнадцать работ, созданных за последние пять лет, привез в Москву скульптор из Южной Кореи Ким Чанг Хи. Как много лишнего делалось в те годы, пока этот художник убирал все лишнее. Большинство работ носит название

Ким Чанг Хи. «Фантазия»

«Фантазии», но в их «сюжетах» нет ничего от романтических галлюцинаций или гиперреальных видений модернизма: женщины, дети, семья. И все. Позы вольные и спокойные настолько, что не важно выражение лица, и лица как излишнего часто нет: оно, вероятно, внутри. Это — воображение теплой бронзы и прохладного мрамора: древние твердые материалы обращаются в мягкие, близкие образы. Министр Губенко на вернисаже тихо, устало говорил об установлении дипломатических отношений, об усилении политиков, которые должны уступить место художникам. Все слушали молча, послушно. Наверное, знали, что нужно взять фигурки и отнести их туда, где много травы.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ВСЕШ ВЫШЕЛ?

«Служанка-госпожа»
Музыкальный театр
«Геликон»,
реж.Е.Арькова

Как известно, Лев Толстой однажды отозвался о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно». Глядя на ужимки и прыжки героев спектакля, поющих на каком-то среднем — между «языком оригинала» и нашим городским — языке и старательно пытающихся разыграть веселье, хочется сказать: «Смешат, а мне не смешно». Там, где мог быть каскад шуток, царит суета. Там, где роль слуги без слов сама подсказывает приемы и трюки немного кино, актера заставляют строить зрителю жесты, в том числе и такие, «что хоть святых выноси». Вроде бы хотят рассмешить, но не знают как и пробуют поэтому немного этого, немного того — только бы не испортить саму оперу, на которую, кажется, уже никаких надежд в смысле юмора и смеха постановщики не возлагают. Написанная в 1733 году, «Служанка-госпожа» считается первой оперой-буфф, т.е. комической оперой. Когда-то своим появлением она вызвала настоящий бум этого жанра в Европе. Значит,

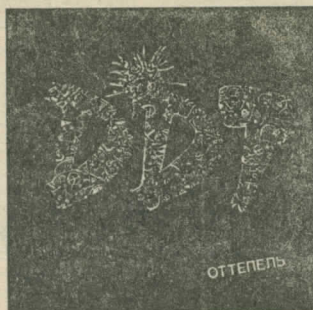
было в ней что-то замечательное и юмор был. Неужели весь вышел?..

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

«... И ХОРОШЕЙ БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ» «Воздушный поцелуй» ТО «Киностудия XXI», реж.А.Карпыков

Основательно в последнее время натренированная на просмотрах крутой отечественной «чернухи», я искренне ждала: вот сейчас, когда очаровательная 17-летняя героиня фильма взяла в руки ружье, она пальнет из него, и большой начальник замертво рухнет на пол. Затем будет следствие, допросы, вопросы — словом, знакомый сюжет. Но вышло по-другому: Алена выстрелила в... часы. И механизм — вдребезги, на что барышня смотрит с явным удовлетворением. Только зачем она это сделала? Желая остановить ненавистное ей нынешнее время? Или пыталась таким образом вернуть себя в прошлое — то, о котором как раз в эти минуты так задумчиво пелось с экрана телевизора в старой-старой картине «Первая перчатка»? А пелось о сердце, которому «хочется ласковой песни и хорошей большой любви!» Наверное, все же наша юная современница, воспринимающая идилическую «Первую перчатку» и еще более идилическое песенное признание ее героини как странную, почти невероятную сказку, выстрелив в часы, надеется хотя бы таким способом вырваться за круг, который очерчен нынешними днями, опустошительными и уродующими душу. Но вырвется ли? Ведь красавица Алена очень похожа на сорт роз, выведенный ее одноклассником, под названием «Воздушный поцелуй»: розы эти, искусственно возвращенные, осыпаются при соприкосновении с живой жизнью... Так не лучше ли продолжать жить, как все? И не брать в руки ружье?

Эльга ЛЫНДИНА

НЕ ПРОПУСТИТЕ!

«Оттепель»
Пластинка группы «ДДТ»
фирмы Эс-Эн-Си
Рекордз

Во-первых, для тех, кто не знает: Эс-Эн-Си Рекордз — это не какая-то западная компания, а фирма Центра Стаса Намина. Что такое «ДДТ», думается, никому пояснять не надо. Вряд ли кто еще может полагать, что это как-то связано с повышением урожайности. А во-вторых, «Оттепель» — третья пластинка популярнейшей группы. Диск этот — явление несколько странное. Конечно, замечательно, что наконец вышла одна из наиболее популярных программ группы, песни из которой на слуху уже более четырех лет. Конечно, прекрасно, что пластинка качественно записана. Но не совсем понятно, зачем надо было переписывать заново в 1990—1991 годах ставшие уже классическими песни — такие, как «Мама, я любера люблю», «Мальчик-слепой», «Ленинград» или маленькая жемчужина «Обдолбанный Вася». И все равно выход «Оттепели» даже в таком варианте — событие. И как приятный сюрприз — вкладыш с рисунками Шевчука. На диске нигде не указан тираж. Не пропустите!

А.Г.

P.S.: ВИДЕО

Ведет
Андрей ГАВРИЛОВ

КАПРЕАЛИЗМ

«Мистическая пицца»
США, реж.Д.Петри

Если не считать дурацкое название — речь идет всего лишь о пиццерии в американском городе Мистик, — можно сказать, что фильм снят в жанре капреализма. Очередной конфликт хорошего с лучшим. Три девушки, взрослеющие, постигая радости и тяготы жизни, — в общем, первая серия нашего кинобестселлера «Москва слезам не верит». Единственное, что хоть как-то привлекает внимание, это то, что впервые, по-моему, нам показывают — пусть и поверхностно — жизнь в США португальских эмигрантов, не новых, а уже вжившихся в американские реалии.

УБИЛИ

«Лагерь космонавтов»
США, реж.Г.Уайнер

Пока смотришь эту картину, пребываешь в прекрасном расположении духа: замечательная подростковая фантастическая лента про лагерь будущих космонавтов. Ребята в фильме проходят тренировку не для того, чтобы стать космонавтами в будущем, а для того, чтобы познакомиться с новинками космической эры и научиться работать в коллективе. Все прекрасно: характеры прописаны замечательно, спецэффекты на уровне, все просто и убедительно. Но первый же титр после окончания картины ввергает в оглушительную тоску: «Фильм снят в лагере космонавтов возле города Хантсвилл, штат Алабама». И с ужасом понимаешь, что все, кроме запуска детей в космос, — правда. Где-то в мире существуют такие лагеря, на которые кому-то не жалко денег, где подростки могут ползать по моделям космических кораблей и покрутиться на настоящих тренажерах. Хорошее настроение как рукой снимает.

Дневник И.

Алексей МИТРОФАНОВ

Генплану 35-го — верны!

Савин — личность известная. Но лишь в узких сферах. Любимый московский скульптор, архитектор, краевед знает Анатолия Александровича Савина. Или, по крайности, слышал его фамилию. «Жулик», «бандит», «взяточник» — так частенько величают Анатолия Александровича.

Савин — личность всемогущая. «Пол-Москвы продал», «пол-Москвы уничтожил» — говорят о нем. Удивительно, почему о нем знают только в профессиональных кругах? Почему о нем ежедневно не пишут газеты? Не берут у него интервью и не публикуют фотографий? Все это проделывают с Жириновским, хотя тот ничего не уничтожил и ничего никому не продал. А о Савине — ни строчки, ни картиночки.

Анатолий Александрович — начальник Управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы. Сокращенно — УГК ОИП. Это его «контора» решает, какой из домов считать памятником, а какой не считать и, соответственно, не охранять, какой фирме сдать в аренду престижный архитектурный шедевр с красивым историческим прошлым, а какой — отказать. Если отбросить новые, лишённые архитектуры параллелепипеды, то Савин — владлец Москвы, ее главный распределитель, ревнитель и печальник. Что город наш в ужасном состоянии, понимают даже дебилы. Следовательно, вина в том — Савина? Его, как правило, и обвиняют. «Пол-Москвы, — говорят, — разрушил. А вторую половину — продал».

Пунктиков для обвинения — сколько угодно отыщется.

Бумаги, например, которые оказываются в Управлении, часто исчезают. Совсем недавно случай был. По улице Чехова, 12, находится обширная усадьба начала прошлого века. Главный дом давно под охраной как

исторический памятник — здесь у декабриста Орлова бывали Пушкин и Баратынский, позже останавливался Чехов, затем размещался институт журналистики. Но в начале восьмидесятых Московскому отделению Общества охраны памятников истории и культуры (сокращенно — МГО ВООПИК) удалось доказать, что весь комплекс усадьбы имеет интересную архитектуру и также нуждается в охране. Составили на него паспорт и направили в «савинскую контору». А через некоторое время выясняется, что армянское постпредство, арендующее часть усадьбы под гостиницу, намерено снести древний каретный сарай и на его месте отстроить четырехэтажный отель, диссонирующий не только с усадебным комплексом, но и со всей улицей. Бросились в Управление, открыли папку — а паспорта нет, лишь несколько фотографий уныло лежат. Паспорт потерял, и случай такой — не единственный. Значит, соучастие?

Бывает, что Управление выдает фиктивные справки. Разрешили, например, вести работы на месте дома 34 по улице Мясницкой. Дескать, интереса тут ничего не представляет. Хотя в третьем томе «Памятников архитектуры Москвы» (в редколлегии которого, кстати, входит А.Савин) предполагалось, что в состав этого здания вошла «часовая мастерская иноземца Андрея Иванова сына Анжу» середины XVIII века. А исследования, проведенные архитектором Григорием Мудровым, подтверждают это предположение. Значит, выдал фиктивную справку?

Хотя штат Управления велик, памятники не контролируются. Однажды, обнаружив, что от дома 12 по 2-му Кадашевскому переулку осталась одна лишь коробка без окон и дверей, без крыш и межэтажных перекрытий, активисты из МГО ВООПИК обратились за разъясне-

ниями к Анатолию Александровичу. Тот сказал, что дом разобран неизвестными лицами, что сам он ничего не знает и отправил письмо председателю райсовета с просьбой разобраться. Значит, люди бездельничают?

Арендаторы же, ощущая свою безнаказанность, ворочают памятниками как хотят и предписания не выполняют. Управление к тому уже привыкло, не требует ничего, опускает руки. Отчаялось, например, вывести гаражи из охранной зоны церкви Успения в Казачьей слободе. А общественным инспекторам это удалось. Значит, махнули рукой?

Кстати, проверкой Мосгорисполкома было установлено, что Анатолий Александрович брал с арендаторов заниженную плату. «В результате в доходную часть городского бюджета по вине УГК ОИП не поступило 5,4 млн. р.». Значит, руки нагрел?

Председатель общественной инспекции МГО ВООПИК Вадим Павлович Апенин в суд на него пытался подать, да документы не приняли. Но исключить из состава Общества удалось. С формулировкой: «Тов. Савин не выполняет основной задачи Общества — всемерной охраны памятников на основании Законов СССР и РСФСР». Анатолий Александрович возмущался, жаловался, но потом смирился.

Так почему же в нашем подозрительном мире Анатолий Александрович продолжает ездить на работу, подписывать бумаги, улыбаться с телеэкрана, в общем, пользоваться равнодушным уважением масс? Странно все это. Да так ли уж рогат-хвостат начальник Управления? Перечисляя пункты компромата, строг я был. Но был ли справедлив?

Ведь все это — косвенные факты, и толковать их можно по-разному. Документы теряются? А где они не

теряются? Плохо контролируются объекты? Да, плохо, но разве гуманный человек сможет требовать со своих инспекторов за небольшую зарплату каждодневной сумасшедшей беготни? При том, что работы хватает и в Управлении (там без дела почти не сидят), при том, что с лужами в нашем городе хорошо, а с непромокаемой обувью, наоборот, плохо. Хороший начальник не станет толкать своих подчиненных напрямиком на больничную койку. Не защищает? Не следит? Да у него и власти-то нет никакой. Даст предписание — а его не выполняют. Насчет же пониженной арендной платы... Может, таким образом Анатолий Александрович пытался заинтересовать аккуратного арендатора? Может, он Москву спасал?!

При всем при том Анатолий Александрович — человек образованный, интеллигентный и деловой. Автор не раз готовил материалы о бедах столицы по «наводкам» сотрудников Управления. И те «наводки» были конкретны и бескомпромиссны.

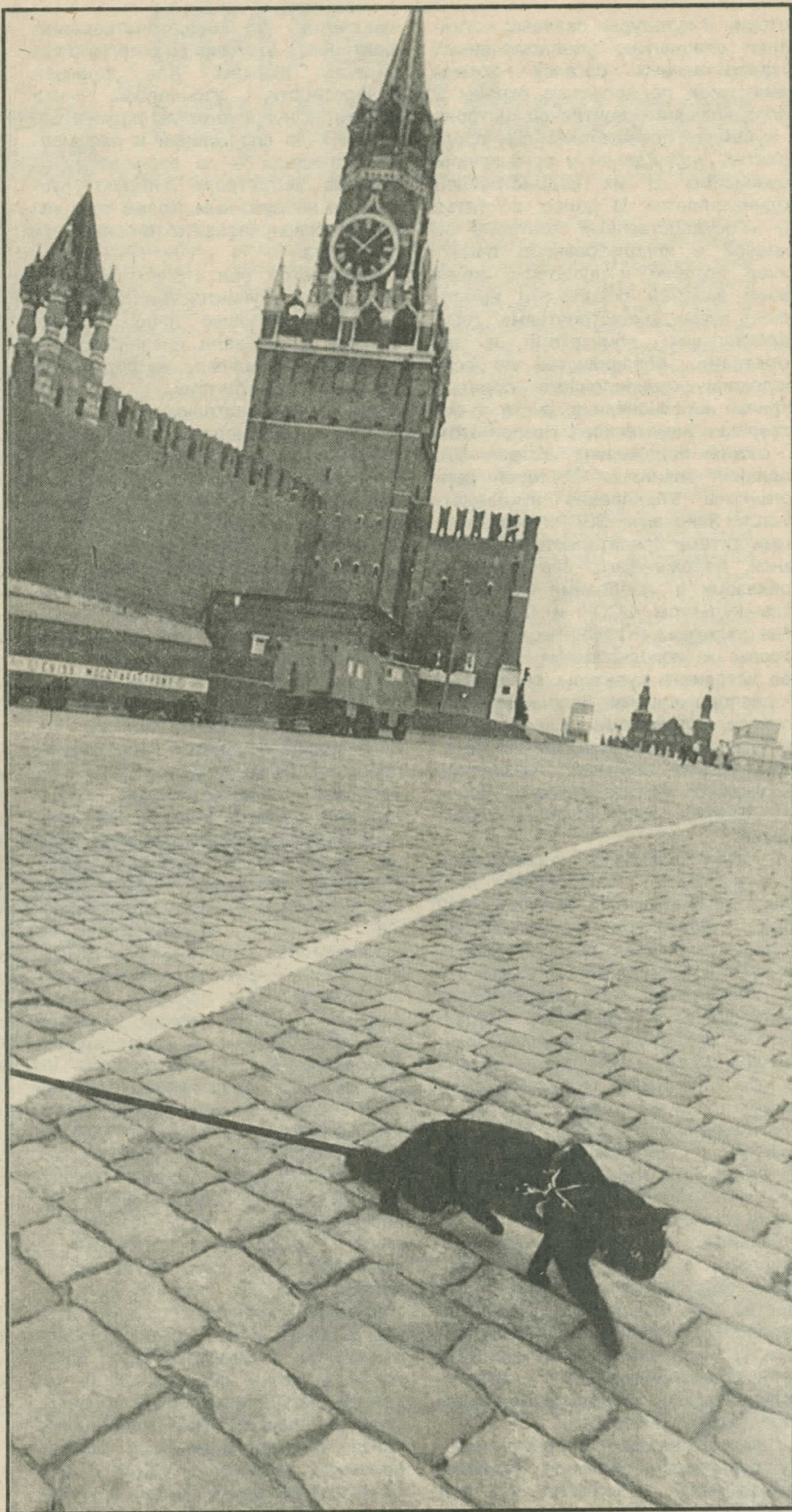
Так кто же он, Анатолий Александрович Савин? Злодей или спаситель?

— Он большой специалист, но был сломлен системой. Мне жаль его. Он понимает, какую роль играет и какую память оставит о себе.

Это слова Сергея Григорьевича Колбанова, председателя подкомиссии Моссовета по охране памятников. Действительно, любой другой на месте Анатолия Александровича не смог бы вести себя иначе. Ведь его Управление зажато двумя парадоксами.

Первый из них заключается в том, что в Уставе УГК ОИП говорится, что Управление должно само для себя зарабатывать деньги, осуществляя при этом «вступление в ассоциации, консорциумы, объединения, союзы и другие объединения с использованием собственных средств, в том числе и валютных, а также принадлежащего Управлению имущества на принципах хозяйственного расчета и валютной самокупаемости». Основной источник дохода УГК ОИП — средства, полученные от арендаторов. То есть в финансовом отношении оно зависит от тех, кого должно контролировать.

Второй парадокс не менее серьезен. В статье 9 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников

истории и культуры» сказано: «...Указания специально уполномоченных государственных органов охраны памятников по вопросам охраны и использования памятников истории и культуры обязательны для предприятий, учреждений и организаций независимо от их ведомственной подчиненности». И далее, в статье 10: «Государственный контроль за охраной и использованием памятников истории и культуры имеет своей задачей обеспечить выполнение всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами... обязанностей по соблюдению установленного порядка охраны, использования, учета и реставрации памятников». Но при этом в общих положениях Устава Управления значится: «В своей деятельности Управление руководствуется Законами СССР, нормативными актами правительственных органов, положениями, инструкциями, приказами и указаниями Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР по вопросам охраны и использования памятников истории и культуры, решениями и распоряжениями исполкома Моссовета, приказами Главмосархитектуры, а также настоящим уставом». Иными словами, Управление вынуждено контролировать своих начальников. Что, конечно, невозможно.

В этом паясыне зависимостей есть многое от пресловутого Генплана реконструкции Москвы 1935 года, прозванного впоследствии сталинским. Такая система подчиненностей возникла в сороковые годы. Управление было создано сразу после войны и называлось Инспекцией по госохране памятников архитектуры Москвы. Инспекция подчинялась Управлению внешнего благоустройства и озеленения, фактическим преемником которого стала нынешняя Главмосархитектура, созданная в 1961 году. Основной задачей этих организаций была реализация того самого Генплана.

Генплана, призванного реконструировать Москву, то есть переделать под коммунистическое общество. Но поскольку общество являлось мифическим, вымышленным, то и у плана не было реальной цели. Одно понимали его изобретатели: старый, «капиталистический» город нужно уничтожить.

Для этого ветвисто-веерную систему планировки обозвали радиально-кольцевой. И сказали, что она

нуждается в совершенствовании. Фактически это означало полную переделку Москвы. Для большей конкретности уточнялось, что кварталы нуждаются в укрупнении, улицы — в спрямлении и расширении, площади — в расчищении, а главные магистрали следует пускать по набережным. Кроме того, город должны разрезать три сквозных проспекта.

Разумеется, при столь тщательно продуманном уничтожении хотелось сохранить хорошее лицо. Видимо, поэтому и создали инспекцию. Но чтобы она не мешала, ее подчинили главному архитектору, а по сути главному разрушителю.

Эти ненормальные отношения сохраняются и сегодня.

— Больше того, — говорит руководитель эколого-культурного объединения «Слобода» Григорий Стриженов, — сейчас вовсе выполняется тот самый Генплан 35-го.

В противовес централизованной системе разрушения всегда возникали группы, борющиеся за сохранение. «Слобода» — одна из них.

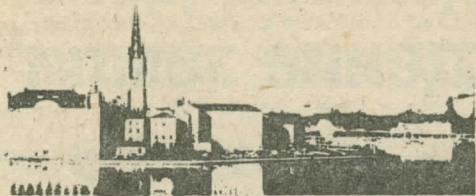
Григорий держит в руках роскошно изданный альбом, прославляющий Генплан. На схеме Москвы черным траурным цветом обозначены прорубки. Легко узнаются не только Тверская, Новослободская, Охотный ряд, Садовое кольцо... Не перечислить всего изуродованного еще при отце и лучшим друге всех строителей. Но ясно видны и Новый Арбат (шестидесятые годы), и Новокривовский проспект (семидесятые), и Марксистская улица (восемидесятые). Они — части трех радиальных проспектов, они совсем близко подошли к Центру и ждут указания двинуться дальше. А новые здания Замоскворечья уже строились на продолжении Бульварного кольца. Если встать в сквере у метро «Новокузнецкая» и посмотреть в сторону Устинского моста, контуры его проступают весьма отчетливо. И при нынешней системе Генплан будет полностью выполнен, ведь его черные линии продолжают становиться явью. Например, пресловутое третье кольцо. Впрочем, главный архитектор нашего гибнущего города Леонид Вавакин и не скрывает своего отношения к смертоносному документу. В книге «Москва—2000: какой ей быть?», изданной в прошлом году, он пишет: «Нам необходимо трезво оценить имевшиеся ошибки, просчеты, творческие удачи и неудачи, что так редко делала архитек-

турная критика, без впадения в крайности, что, например, и улица Горького, и площадь 50-летия Октября, и новые магистрали, и Садовое кольцо — это все плохо. Без того, что дала социалистическая реконструкция столицы в предвоенные и послевоенные годы, мы и жить бы не смогли в старой Москве... Москва советского периода во многих своих чертах может и должна рассматриваться как удачный в ряде положений пример социалистической реконструкции». И сейчас, когда люди озбочены совсем другими проблемами, «социалистическая реконструкция» может продолжиться. И подчиненный Вавакину Савин (да не в них, собственно, и дело — любой начальник Управления, подчиненный любому главному архитектору) подпишет любой снос.

— Нужно избавиться от этого слова — «реконструкция», — говорит уже упомянутый Сергей Колбанов. — Хватит создавать город коммунистического будущего. Есть более удачные слова — допустим, возрождение. Это очень емкое слово, оно включает в себя реставрацию, регенерацию, ремонт... Беда в том, что наше руководство мыслит старыми категориями — квадратными метрами, например. А Москве и не нужно много жилья. Следует лишь вывести крупные заводы, совершенно неуместные в столице. Ведь здесь нет ни сырья для них, ни нужды в таком количестве продукции. Москве ни к чему огромное количество рабочих. Крупные производственные центры должны создаваться в других местах. Сколько квартир сразу освободится, сколько места для парков и садов!

И, очевидно, в первую очередь нужно избавить Управление госконтроля от ведомственных подчиненных, чтобы могло оно контролировать по-настоящему, а не декоративно. Чтобы его начальник мог показать, кто он — злодей или спаситель. А неестественные для Управления функции — заключать, например, арендные договоры — следует передать другим службам...

Но пока этого не произошло, вокруг УГК ОИП бродят слухи и домыслы, москвичи сожалеют об ушедших шедеврах, а рабочие чертежи проектировщиков верны Генплану 35-го.

МИТЬ: "ноу хау" бизнеса

Хитрую и не всегда безопасную в условиях тоталитарного администрирования науку "делания денег" наши деловые люди проходили в разных жизненных "колледжах". Продвижение к рынку доказало очевидность истины, давно ставшей аксиомой для западного предпринимателя: делать бизнес — занятие, требующее глубоких знаний в области коммерческой деятельности, технологии принятия управленческих решений, психологии, менеджмента, маркетинга и рекламы. Вы тоже прошли этот этап в своей деловой карьере? И, отложив не без сожаления парочку перспективных проектов, решили, в конце концов, взяться за постижение азов профессионального бизнеса? Возможно, с захватывающей перспективой стажировки в одной из западноевропейских стран?

В таком случае не торопитесь решать эту задачу, встретив первое попавшееся объявление, какие бы заманчивые и льготные предложения оно ни содержало.

Экономия на образовании — удел начинающих предпринимателей. Солидные бизнесмены и образование обязаны получать солидное. Такое, например, какое предлагает МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИИ БИЗНЕСА. Научно-консультационное объединение, созданное Ассоциацией внешнеэкономического сотрудничества с зарубежными странами, осуществляет свою деятельность в тесном контакте с крупнейшим европейским центром по обучению высшего управленческого персонала — западногерманской фирмой GIBT. Лекции, семинары, практические занятия на 7-и факультетах института проводят ведущие ученые и специалисты МГУ, институтов США и Канады, востоковедения, мировой экономики. Немаловажным преимуществом институтской программы "АДМИНИСТРИРОВАНИЕ БИЗНЕСА", включающей такие разделы, как "Внешнеэкономическая деятельность", "Деловое администрирование", "Психология", "Менеджмент", "Маркетинг и реклама", "Экономический анализ деятельности персонала управления", "Индивидуальная специальная подготовка", является то обстоятельство, что она уникальна в своем роде по уровню обобщения знаний из различных дисциплин. Возьмите на заметку эту информацию! Ведь только в МИТЬ вы сможете получить знания по тем разделам бизнеса, которые в той или иной мере освещаются на лекциях и семинарах в МГИМО, институте управления, институте экономики, на факультете психологии МГУ.

Высококачественное обучение деловых людей в родном отечестве институт технологий бизнеса дополняет или, точнее, продолжает в реальных условиях деловой жизни Запада.

Разумеется, если у вас еще не так много валюты, то познакомиться с тонкостями зарубежного предпринимательства можно и дома, прослушав курсы, которые читают корифеи в этой области из GIBT. Кстати, очередная подобная возможность откроется для вас в начале следующего года, когда в Москву приедут специалисты по банковскому делу и биржам из Германии. Если вы уже преуспели не только в зарабатывании рублей, но и твердой валюты, то подумайте: не пришло ли время поднять престиж своего обучения стажировкой за границей? Скажем, в ФРГ или Австрии? Тем более, что преподаватели из фирмы GIBT — люди основательные и пунктуальные, как и подобает немцам. Да, поучиться у них можно многому. Программа стажировки за рубежом, включающая

подробнейшее знакомство со структурой одной из фирм (по профилю группы), предполагает изучение теории инновационной деятельности, психологии межличностных отношений, рекламной и маркетинговой стратегии фирмы. Вы получите массу полезных советов от практиков немецкого бизнеса по вопросам защиты технологий и разработок, ведения переговоров... Деловым людям, регулярно бывающим по делам фирмы за границей, МИТЬ предлагает пройти месячную зарубежную стажировку, в частности, во всемирно известном язы-

ковом центре в Брайтоне (Великобритания). Или же в Германии, в богатом историческими достопримечательностями Кельне.

Многообещающие перспективы открываются перед слушателями МИТЬ в 1992 году. Для деловых людей, владеющих испанским языком и ориентированных на испанский рынок, МИТЬ предлагает программу, обеспеченную поддержкой испанского правительства. Обучаясь в бизнес-школе, вы сможете параллельно вместе с испанскими коллегами подготовить пакет документов для создания СП и возвратиться в Москву в полной готовности начать собственное дело.

С апреля институт готов ежемесячно отправлять на 14 дней группы в бизнес-школу американского города Лос-Анджелеса. Эта программа тоже частично финансируется правительством США, и поэтому стоимость бизнес-курса в МИТЬ значительно ниже, чем в других школах бизнеса.

Одним словом, Московский институт технологий бизнеса — это именно то учебное заведение, на которое должен обратить внимание каждый солидный предприниматель.

**"НОУ-ХАУ" БИЗНЕСА
СЕГОДНЯ — ЭТО, КОНЕЧНО,
МИТЬ!**

Контактный телефон: 150-53-75.

“Мы вкладываем деньги в возрождение земли”

*Сегодня в деловом клубе нашего еженедельника
член Правления,
начальник отдела маркетинга московского акционерного
коммерческого банка “Возрождение”,
кандидат экономических наук
Павел НЕУМЫВАКИН.*

*Банкир предлагает свою финансовую помощь для того, чтобы не допустить
голода в Москве
и быстрее насытить столичный рынок продовольствием.*

*— Павел Иванович, в последнее время
в нашей стране появились сотни
коммерческих банков. Не привыкшему
к деловой жизни советскому человеку
пока трудно разобраться в подобной
банковской лихорадке. Да и зачем нам
такое количество банков?*

*Их создание — закономерность или
издержки перехода к рыночным отношениям?*

— Возникновение банков — нормальный, закономерный процесс. Сейчас только в России их более 1200, а через год, думаю, будет значительно больше. С одной стороны, это вызвано тем, что новые коммерческие структуры, акционерные общества, концерны в поисках устойчивого финансового положения заинтересованы иметь свой банк, пусть небольшой, но ориентированный на их экономические интересы. С другой стороны, в прошлом году произошла серьезная банковская реорганизация, ликвидировавшая специализированные банки. И на базе осколков этой разваленной системы стали бурно появляться коммерческие банки, более приспособленные к работе в рыночных условиях. Кстати, сейчас большинство новых коммерческих

банков — это бывшие специализированные банки, образованные из бывших районных, областных и региональных управлений спецбанков. Ожидается, что коммерциализация банков из крупных городов пойдет дальше, в глубь страны, в провинцию. И в этом нет ничего удивительного. Ведь раньше вся банковская система была приспособлена к нуждам тоталитарного общества, где экономическая жизнь управляется из единого центра, а сейчас, при переходе к свободе экономического хозяйствования и банки должны обладать соответствующей свободой и самостоятельностью для более гибкой финансовой политики. Скажем так: они должны работать не для системы, а сами создавать систему.

Но процесс появления новых мелких банков не бесконечен. Уже сегодня можно прогнозировать противоположную тенденцию: небольшие коммерческие банки прекратят свое существование, вольются в крупные. И мы придем к цивилизованному рыночному обществу. Так что в нынешней банковской лихорадке для нас нет ничего противоестественного и неожиданного.

*— Банк “Возрождение” тоже возник
из специализированного банка?*

— Наш банк был создан в начале этого года на базе московского областного управления Агропромбанка СССР. И если судить по рейтингу, приведенному недавно газетой "Аргументы и факты", банк "Возрождение" занимает сейчас 12-е место в числе 50 крупнейших банков страны, входит в десятку ведущих банков Российской Федерации, имеет в своей структуре, помимо центрального банка, еще 38 филиалов. На сегодняшний день объявленный уставный фонд банка — 300 миллионов рублей, в том числе оплаченный — 260 миллионов.

— Что вы подразумевали, когда давали название своему банку — "Возрождение"?

— Одна из основных наших задач — способствовать реализации программ экономического возрождения России. В частности, банк выступил учредителем фонда социального развития России "Возрождение". Одной из его программных целей является привлечение инвестиций в российскую экономику для поддержки многочисленных социально ориентированных проектов. Наш банк выступил также учредителем созданного в мае этого года Конгресса деловых кругов России, опять-таки с целью объединения российского предпринимательства для решения важнейших социально-экономических задач и защиты интересов нарождающегося бизнеса в органах государственной власти (на уровне правительства) и управления.

Ну и, конечно, особая наша забота — возрождение сельского хозяйства, возрождение подмосковного села. Ведь мы выросли фактически из Агропромбанка СССР и об этом никогда не забываем. Правда, после реорганизации наш банк стал универсальным, и объемом кредитных вложений, связанных с сельским хозяйством, составляет сейчас всего около 40 процентов, остальное — это промышленность, торговля, новые коммерческие структуры. Однако хочу еще раз подчеркнуть, что сельскохозяйственное производство для нас — предмет особого внимания.

— В чем проявляются эти заботы?

— Прежде всего в подходе к обслуживанию традиционных клиентов, которые перешли к нам, как наследство, от спецбанка. Дело в том, что многие наши давние клиенты, связанные с сельским хозяйством, оказываются невыгодными для новых коммерческих банков, так как эти предприятия не располагают достаточными финансовыми средствами, чтобы оплачивать кредиты по тем процентным ставкам, которые сложились в настоя-

щее время. Но мы не собираемся от них отказываться.

— Ваш выбор — это благородный порыв или тонкий расчет?

— Скорее — вынужденные обстоятельства. Так получилось, что среди наших клиентов оказались недостаточно сильные с финансовой точки зрения предприятия, работающие преимущественно в агропромышленном комплексе. Сельское хозяйство во всем мире зачастую не является прибыльным и нуждается в постоянной финансовой поддержке. Но если измерять работу на земле чистой выгодой, то люди бы давно прекратили сеять хлеб и растить скот. Бизнесом движет отнюдь не только стремление к прибыли. Скорее стремление к здравому смыслу. И мы, опираясь на здравый смысл, стараемся оказать финансовую поддержку своим малорентабельным, но нужным клиентам — агропромышленным предприятиям. Это не благотворительность. Вкладывая средства сейчас, банк рассчитывает получить отдачу в перспективе, после того, как хозяйства окрепнут.

Рост цен на сырье, промышленные товары бьет в первую очередь по агропромышленному комплексу. Положение усугубляется тем, что, несмотря на многословие, отсутствует реальный механизм государственной помощи селу. Я имею в виду в данном случае вопросы, относящиеся к банковской компетенции. Банк в принципе готов выдавать льготные кредиты агропромышленным предприятиям, но на сегодняшний день он не имеет стимулов для развития льготного кредитования.

Условия для появления стимулов очень просты. Банку должны возмещать разницу между средним размером процентной ставки и тем льготным кредитом, который он готов выдавать. В развитых странах подобная разница покрывается за счет государственного бюджета. В наших же условиях при дефиците госбюджета рассчитывать на него крайне проблематично.

— Где же берет средства

для льготного кредитования ваш банк?

— Не вдаваясь в детали, скажу лишь, что наша средняя доходная ставка по выдаваемым кредитам в два раза ниже, чем сложившаяся по Москве (если в среднем по Москве кредитная ставка составляет более 17 процентов, то в нашем банке она равно приблизительно 8 — 9 процентам). То есть, если сравнивать с другими коммерческими банками, мы активнее осуществляем систему льготного

кредитования, исходя из собственных возможностей. Наши общие объемы позволяют нам удержаться на плаву и получать значительную прибыль.

Мы бы могли увеличить объем льгот, но для этого нам необходима хотя бы минимальная помощь со стороны государственных органов. В частности, нужны целевые кредитные ресурсы центрального банка, которые он мог бы давать коммерческим банкам, кредитующим сельское хозяйство под льготный процент. Политика банка направлена здесь на то, чтобы размер платы за кредит был на последнем месте среди факторов, приводящих к росту цен на сельскохозяйственную продукцию.

— Какие формы работы на земле вы, как банкир, считаете для себя наиболее перспективными, а значит, и поддерживаете в первую очередь льготными кредитами?

— Как я уже говорил, льготы нельзя напрямую связывать с выгодой. Для финансиста перспектива порой бывает важнее насущной необходимости. Большие надежды мы связываем с фермерским хозяйством, но фермеры, к сожалению, на данный момент еще не способны накормить страну. Более того, пока отсутствуют банковские условия для финансовой поддержки фермерства. Финансовая база колхозов, совхозов на сегодняшний день тоже подорвана. Прежде всего реформами цен, разбродом и шатанием в руководстве этим сектором хозяйства относительно его преобразования. Так что и коллективные хозяйства уже не могут нас накормить.

Увы, мы не располагаем финансовыми средствами, которые сегодня можно безболезненно вкладывать в эксперименты. Наша поддержка должна быть как можно более эффективной. Поэтому основную часть кредитных ресурсов мы направляем преимущественно крепким крупным хозяйствам, которые реально кормят город, не забывая при этом о фермерах. Кроме того, наш банк участвует и своими средствами в реорганизации подобных хозяйств, в осуществлении с ними совместных проектов. В частности, речь идет о создании акционерных обществ с привлечением иностранного капитала на территорию Московской области. Например, в Истринском районе сейчас создается акционерное общество "Интекс" по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции. Наш банк выступил учредителем этого общества и вложил туда 650 тысяч рублей. Вместе с нами в проекте участвует и ряд

зарубежных фирм.

— Вы хотите сказать, что банки в состоянии накормить город, если сумеют правильно вложить деньги, поддержать важные проекты?

— Для решения продовольственной проблемы, по крайней мере в Москве, банки могли бы многое сделать. К примеру, взять на себя функцию финансирования ряда крупных проектов, которые выдвигались и выдвигаются, по созданию в Московской области современных центров по переработке сельхозпродукции с использованием под эти центры территорий целых районов. И естественно, с привлечением западных предпринимателей, ибо в условиях гиперинфляции наш рубль может оказаться недостаточным стимулом для запуска рыночного механизма.

— Как вы думаете, при правильном ведении хозяйства могли бы подмосковные земли прокормить Москву?

— А почему же нет?! Если добиться эффективности сельскохозяйственного производства, близкой к западноевропейскому стандарту, то есть наладить конвейер производства и переработки сельхозпродукции, Москва была бы обеспечена продуктами с подмосковных земель.

— Ну что же, деятельность на пользу общества не может быть невыгодной. Благородство, говорят, самая эффективная сфера вложения капитала. Но работой в агропромышленном комплексе, насколько я понимаю, не исчерпывается деятельность вашего банка. Расскажите о других клиентах... Какие предприятия и каким образом вы хотели бы привлечь на обслуживание в свой банк?

— Уже сегодня в нашем банке представлены почти все структурные подразделения народного хозяйства. Естественно, мы, как и другие банки, заинтересованы привлечь к сотрудничеству сильные коммерческие структуры.

Сейчас пополнение клиентуры у нас происходит в основном за счет новых коммерческих образований. Но все-таки опора банка — ряд крупнейших предприятий московского региона. Это Домодедовское производственное объединение гражданской авиации — аэропорт "Домодедово", Серпуховский завод пищевых концентратов, Можайский по-

лиграфкомбинат, Можайский медицинский инструментальный завод, бывшая Ступинская картонная фабрика, ныне акционерное объединение, совхозы "Московский", "Белая дача", ППО "Томилино". В общем, у нас обслуживаются немало мощных в финансовом отношении предприятий, способных брать кредиты по более высоким процентам, так как они равно эффективно окупаются.

Только акционеров в нашем банке насчитывается более шестисот, а число клиентов составляет более шести тысяч.

— Чем же все-таки вы привлекаете клиентов к сотрудничеству с банком?

— Наш банк считается в деловых кругах уважаемым. Во-первых, уровень обслуживания. По сравнению с банками, созданными, грубо говоря, на новом месте, мы по традиции располагаем высококвалифицированными специалистами банковского дела. Мы действительно можем представить универсальное банковское обслуживание, используя различные привлекательные для клиентуры возможности. В частности, расчетное и кассовое обслуживание, оформление документов мы осуществляем, не взимая с клиентов платы за эти услуги. Обслуживание в нашем банке бесплатное, что несвойственно коммерческим банкам. Мы исходим из того, что обслуживание клиентов является прямой обязанностью банка и он не должен зарабатывать на этом деньги.

Во-вторых, банк получил валютную лицензию и имеет все возможности для удовлетворения интересов своих клиентов в сфере внешнеэкономической деятельности. Банк выступил учредителем различных бирж, таких, как Московская центральная фондовая биржа, Межреспубликанская универсальная товарная биржа, готов оказать услуги своим клиентам в сфере биржевой деятельности.

Кроме того, возможности банка позволяют нам выдавать кредиты в любых размерах, не нарушая при этом различных показателей, установленных Центральным банком России. То есть для нашего банка выдача разового кредита в 100 — 200 миллионов рублей является по сути дела нормой. И, наконец, местоположение — Хрустальный переулок, рядом с Красной площадью.

— Удастся ли вам защититься от "утечки мозгов".

потери квалифицированных кадров?

— Переманивание сотрудников в банковских

сферах сегодня особенно развито. Но как ни странно, для нас это не очень актуально. В системе нашего банка работает 1700 человек. И мы стараемся создать каждому оптимальные условия для деятельности. В банке действует целая система льгот для всех сотрудников. Это и бесплатное питание, и бесплатный проезд на городском транспорте, и солидные прибавки к окладу в виде премий. Кроме того, банк взял на себя коммунальные платежи своих сотрудников, оплату дополнительных продовольственных заказов, подписку на средства массовой информации и другие важные льготы.

Мы считаем, что реализация социальных программ — это основа полноценного предпринимательства как в отдельно взятом коллективе, так и в целом по стране. Наши люди устали ждать лучшего. И если коммерческие структуры будут работать по принципу: сначала давайте заработаем побольше денег, а потом уже подумаем о льготах для тех, кто зарабатывает эти деньги, то такое предпринимательство, на мой взгляд, лишено будущего. Из него уйдут деятельные люди. Социальные программы должны развиваться параллельно с предпринимательством, ибо они служат для бизнеса мощнейшим стимулом.

Кстати, почти за год работы, после того, как наш банк стал коммерческим, его по собственному желанию не покинул ни один сотрудник!

Мы считаем этот показатель высокой оценкой своей работы. И будем продолжать заботиться о том, чтобы в условиях жесточайшей конкуренции за высококвалифицированные банковские кадры сохранять и дальше наш мощный кадровый потенциал и привлекать в банк на работу молодых перспективных специалистов.

Беседу вел
Юрий БЫЧКОВ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ

«БЕРИНГИЯ»

Это Ваш надежный партнер в любой коммерческой сделке

- * Товары народного потребления
- * Видео- и аудиотехника
- * Оргтехника и средства связи
- * Сырье и стройматериалы
- * Продовольственные товары и...
- * многое другое

для ВАС по согласованным с ВАМИ ценам!!!

Все виды посреднической деятельности!

Тесная связь с Российской товарно-сырьевой,
Московской центральной фондовой и другими биржами.

Телефоны в Москве: (095) 208-21-54 208-32-36. Факс: (095) 208-32-36

Адрес: г. Москва, Проспект Мира, д. 7, строение 3

Наш закон — максимальное выполнение пожеланий наших клиентов.

Компания «Берингия» ждет Вас!!!

БРОКЕР СТАНОВИТСЯ СУПЕРБРОКЕРОМ!

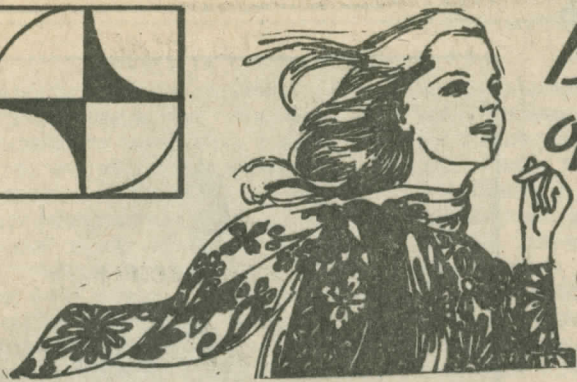
ПРЕДЛАГАЮТ ВАМ
ПРОГРАММНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЭЛЕКТРОННЫЕ
БИРЖИ.
ВЫ СМОЖЕТЕ
СОВЕРШАТЬ СДЕЛКИ,
НЕ ВЫХОДЯ
ИЗ СВОЕГО КАБИНЕТА!

*Новинка!
Дешево!
Максимальная
прибыль!*

227-84-50
227-97-27

ФАКС: 975-21-66

*Всем предприятиям,
организациям,
гражданам,
деловым людям!*

**Северо-Восточный акционерный
коммерческий банк (СВАКбанк)**

и его московский филиал
выполняют все виды
банковских операций,
ведут активную
банковскую
деятельность,
имея 8 филиалов
по всей стране.
Уставный капитал
банка определен
в 150 млн. рублей.
На 1 октября 1991 года
оплачено за акции и
подано заявок на их
приобретение на сумму
до 80 млн. рублей.

Акции выпускаются двух видов:

ПРОСТЫЕ (90% всех акций), дающие право
голоса и участия в делах банка,
но не определяющие минимальный уровень
гарантированного дохода (дивиденда) и...

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ (10% всех акций),
не дающие право голоса, но гарантирующие
дивиденд не ниже 13% годовых
по итогам 1991 года.

Банк гарантирует своим акционерам высокий уровень доходов,
о чем свидетельствует выплата его пайщикам за 1990 год дивидендов
в размере 17% годовых.

Акции банка могут приобрести юридические и физические лица.

Оплата в рублях по наличному или безналичному расчету или путем
предоставления любого имущества и материальных ценностей.

Номинальная стоимость акций — *не ниже 1000 рублей.*

**В
Н
И
М
А
Н
И
Е**

Банк проводит продажу акций второго выпуска.
Только до 1 ноября 1991 года акции банка будут
реализовываться по номинальной стоимости. **СПЕШИТЕ** стать
акционерами СВАКбанка уже **СЕГОДНЯ!!!**

Котировка акций по результатам торгов на МЦФБ составляет
1,3. Это значит, что завтра за акцию номиналом 1000 рублей
Вы заплатите 1300 рублей, а послезавтра... она будет стоить
еще дороже!

Подписка на акции и их продажа проводятся Московским
филиалом банка по адресу: 129090, г. Москва, проспект
Мира, 9 — 18.

Телефоны: 207-77-84, 207-09-17

Факс: 207-31-68

ФИЛИПП ГАДЖЕН, МОНАХ- ИЕЗУИТ

Меня давно занимал вопрос, есть ли в столице католический костел. В один из дней прошлой осени на стене здания, где помещается редакция «Московских новостей», я обнаружил крошечный листочек с адресом костела и расписанием богослужений. То, что я там увидел и услышал, меня поразило, ибо во многом было не похоже на богослужение в наших православных храмах. Вероятно, под наплывом впечатлений мне просто хотелось с кем-то пообщаться. Я увидел стоящего около меня высокого молодого человека лет двадцати семи, светловолосого и светлоглазого, с приветливым, располагающим к общению выражением лица.

— Извините, — обратился я к нему, — я тут впервые, и очень много новых необычных впечатлений. А вы здесь не в первый раз?

— Нет, — ответил с крошечной запинкой молодой человек. — Я приехал в Москву в сентябре и с тех пор хожу сюда довольно часто.

— А! Вы из Прибалтики? — спросил я, заметив у своего

собеседника небольшой акцент и гордясь своей проницательностью.

— Нет, — улыбнулся он, — я из Англии.

— Вот это да! — невольно воскликнул я. — Но вы, конечно, из русской семьи? Очень уж здорово вы говорите по-русски.

— Спасибо. Я очень рад это слышать, но я не из русской семьи...

— Вы англиканец? — не очень вежливо перебил его я, спеша продемонстрировать свою осведомленность в религиозных вопросах.

— Нет, — снова улыбнулся он, — я католик.

— Все ясно. Вы или ирландец, или, в крайнем случае, шотландец, — поставил точку я.

— Нет, я стопроцентный англичанин. И, знаете, я... монах-иезуит...

Так началось мое знакомство с ФИЛИППОМ ГАДЖЕНОМ или просто Филиппом, как он просил себя звать.

— Что это такое — орден иезуитов? Что он собою представляет?

— Официальное название нашего монашеского ордена — «Общество Иисуса». Так назвал его основатель ордена, причисленный католической церковью к лику святых, Игнатий Лойола, испанский дворянин, в молодости бывший офицером и во время военных действий получивший очень тяжелые ранения.

Орден возник в XVI веке, то есть в ту же самую историческую эпоху, что и реформация — религиозное движение, направленное против римско-католической церкви и приведшее к возникновению лютеранства и других протестантских конфессий. Из-за этого совпадения во времени принято считать, что орден был создан будто бы как главное орудие контрреформации для борьбы с распространением про-

тестантизма. Но это не так, хотя действительно эта задача вошла в число других задач ордена.

В отличие от других католических орденов и от православных монахов, которые живут в монастырях и характер существования которых отличается стабильностью, определяющая черта образа жизни монахов ордена иезуитов — мобильность. Конечно, при наличии соответствующих условий и обстоятельств желательно — и это не такая уж большая редкость, — чтобы и иезуиты жили вместе. Однако главное для каждого иезуита — это та миссия, которая возложена на него руководством ордена. Эти задачи могут быть самыми разнообразными: преподавание различных дисциплин (не только таких, как богословие или латинский язык, но также физики, математики, химии,

биологии), работа в больницах или в домах инвалидов, миссионерская деятельность в Африке и многое другое. При этом монах должен стремиться к тому, чтобы делать все на высоком профессиональном уровне. Чтобы все, что он делает, служило вящей славе Божьей.

Постригаясь в монахи, иезуит дает три обета: бедности, целомудрия и послушания. Обет бедности запрещает ему иметь частную собственность и получать зарплату. Орден же, как целое, обладает собственностью. И если у меня износились, извините, брюки, то я сообщаю об этом и мне дают деньги на приобретение новых. Принимая обет целомудрия, иезуиты обязуются не жениться и не иметь сексуальных отношений с женщинами. Обет послушания означает, что монах не может свободно выбирать себе вид дея-

тельности (хотя его склонности и пожелания стараются, конечно, по возможности учитывать), а выполняет то, что ему предписывает руководство ордена, который имеет иерархическую структуру. Каждый монах находится в непосредственном подчинении у настоятеля, а тот, в свою очередь, у провинциала, иначе говоря, наместника, в ведении которого находится целая провинция (например, Англия), и так далее вплоть до генерала ордена иезуитов, который, конечно, не имеет ничего общего с армейским генералом.

На лекциях меня часто спрашивают, действительно ли девиз ордена — «Цель оправдывает средства». Такого девиза у ордена нет и никогда не было. Ни у Игнатия Лойолы, ни в трудах других иезуитов вы, сколько бы ни искали, такого изречения не найдете. Члены ордена ни в коем случае не считают, что поставленной цели следует добиваться любыми средствами. Напротив, недостойными средствами нельзя добиваться даже самой высокой цели.

Следует отметить, что в отличие от других орденов иезуитов — клерикальный. Примерно 70—80 процентов монахов принимают сан священника, и после рукоположения они дают специальный четвертый обет — особое послушание папе. Глава римско-католической церкви может возложить на иезуита священника любую миссию, которую тот обязан выполнить.

В настоящее время в ордене насчитывается больше двадцати четырех тысяч членов. Иезуиты есть в Европе, Америке, Индии, Китае и в других частях земного шара. В Прибалтийских республиках их несколько десятков.

— Как относится орден к экуменическому движению, которое, как известно, стремится к преодолению разобщенности между христианами церквями?

— Экуменизм входит в число задач, которые стремится решать орден. На четырех сессиях II Ватиканского собора католической церкви, которые состоялись в период с 1962 по 1965 год, произошло обновление католических доктрин и по-новому осмыслен экуменизм. Признано, что само стремление католиков к христианскому единству должно принимать новые формы и осуществляться иначе, чем раньше. С одной стороны, надо закреплять уже имею-

щиеся элементы единения и с другой — стремиться к полному единству. Последних четыре папы: Иоанн XXIII, Павел VI, Иоанн Павел I и Иоанн Павел II рекомендовали иезуитам активно участвовать в экуменическом движении. Как это осуществляется практически? Путем диалога, собеседования на разных уровнях. На высшем уровне один раз в год не меньше чем на неделю собираются крупные церковные деятели разных конфессий и обсуждаются основные спорные богословские вопросы, в которых есть расхождения.

— А в вашу миссию, в связи с пребыванием в Советском Союзе, входят экуменические задачи?

— Да, конечно. Я приглашен в Москву католической благотворительной организацией, носящей название Дом Марии, в которую помимо католиков входят и представители православия и неверующие.

В предпринимаемых благотворительных акциях участвуют совместно с православными священниками представители католической общины.

Для того чтобы изжить предрассудки, накопившиеся не только десятилетиями, но даже веками, надо узнавать друг о друге как можно больше. Я регулярно, один раз в две недели, бываю на православных богослужениях, изучаю иконы, посещаю различные выставки, лекции и беседы. Ведь и для того, чтобы полюбить, — надо познакомиться, побольше узнать о православии. За одиннадцать месяцев пребывания в Москве у меня появились тут знакомые и даже друзья. И среди православных священников в том числе.

Со своей стороны, с позиции католика, иезуита я тоже стараюсь вести активную просветительскую деятельность. Я читал лекции в обычных средних школах, в воскресных школах, в высших учебных заведениях, в том числе в Московском государственном университете (где выступал на нескольких факультетах) и даже... в наркологическом диспансере. Темы самые разные: о религии вообще, о католицизме, о религии в Англии, но чаще всего я читаю лекции, конечно же, об ордено иезуитов.

— Давайте теперь вернемся к истории вашего ордена. Известно, что в XVIII веке иезуиты были изгнаны из многих стран, в том числе даже таких исконно католических, как Испания, Португалия, Франция.

Что явилось причиной этого?

— Ответить на ваш вопрос можно очень просто: иезуиты приобрели слишком большое влияние, а вместе с влиянием приобрели, как это часто бывает, и много врагов, причем врагов весьма могущественных. Большой остроты достигло, в частности, соперничество с доминиканцами в Европе и в других местах, особенно в Китае. Но главную роль сыграло то, что иезуиты мешали колониальной политике Испании, Португалии и других европейских держав. Последней каплей, переполнившей чашу, послужила острая зависть к иезуитам, создавшим целое государство в Парагвае. И в 1773 году папа Климент XIV был вынужден, по-видимому, против своей воли, под давлением врагов ордена запретить его деятельность. Он был восстановлен лишь в 1814 году.

— Расскажите немного о себе.

— Мне тридцать лет. Родился в английской семье. Отец — католик, мать — англиканка. То есть они принадлежат к одной из разновидностей протестантизма, больше всего распространенной в Англии.

До десяти лет я жил в Соединенных Штатах. Потом меня отправили в Англию в иезуитский колледж. После окончания я поступил на филологический факультет Кембриджского университета. Два года работал в лондонском банке.

Монахом-иезуитом я решил стать в возрасте двадцати пяти лет. Мои родители отнеслись к этому сочувственно и не отговаривали меня.

В период, так сказать, «стажировки» — на пути к пострижению в монахи, — будучи в течение двух лет послушником, я должен был выдерживать различные испытания, в том числе поход-паломничество по святым местам северной Испании, по которым в свое время прошел Игнатий Лойола. Другое испытание — работа в приюте для бездомных мужчин-алкоголиков... И, наконец, когда мне исполнилось двадцать семь лет, я дал те три обета, о которых говорил, и — стал монахом.

Скоро снова начну учиться в Риме, в Григорианском университете, в течение трех лет и по окончании этого срока, если даст Бог, буду рукоположен в сан священника.

Александр ГАЛИН

Морис СИМАШКО

ЭПИЛОГ

(Из повести «Путешествие в Кайруан»)

В храме пели. Здесь, сзади и в стороне, было потемнее. Нельзя показываться впереди и где снимают. Эти, с камерами и фотоаппаратами, часто тут бьют. Тоже и иностранцы. Надо тут ему быть, как все. Поэтому одевается в вовсе не видную куртку, какую не жалко. И туфли у бачка подобрал: кто-то еще годные бросил. На номер больше, так что к месту. Ищи потом, хоть и с собакой. Дух в них еще прежний...

— Кобылин!

Он вздрогнул, осторожно, не сразу вертанул головой налево, потом склонился на другую сторону, вроде бы это и не его назвали. Никого из знакомых тут не могло быть. А с ним это часто бывает: слышит голоса. Кто-то громко называет его фамилию, когда спит или в толпе. Так что нечего мандражить по-пустому...

Молилась, шептала чего-то рядом старушонка, а молодая, сука, глаза, как колеса, выкатила на этого самого попа. Небось, они у него на выбор: какую захочет, ту и волочит. Вон их сколько тут, баб зашторенных: крестьян, плачут. А тот и не смотрит, куда-то поверх уставился, и глаза, тоже как из бани, радостные. В тот раз, когда встретился с ним на тропе, даже вроде накатило что-то. Поп смотрел, будто все знал про него. И глаза были такие же радостные, лоб от солнца светился. А он прошел мимо, не дыша. Только потом сообразил, что вот это самое оно и есть, сионизм. По виду совсем русский человек: борода, нос, а вот глаза утомляют...

Поп теперь говорил что-то про пустыню. И все Израиль поминал, агрессоров. Это и есть дурман жидовский. Кем подменяют нашего русского бога? В божий храм уже со своей пропагандой залезли!...

Только он, слушая попа, почему-то вдруг успокоился и все смотрел на стену. Там висели на крестах прибитые гвоздями люди. Он знал, что посередине Христос. А другой, который висел слева, показался ему знакомым, и он все думал, где же мог его видеть. Что-то непонятное происходило тут с ним. Вспоминалась мать перед тем, как посадили ее, и хотелось плакать. Он стал пробираться к выходу.

От дверей еще раз оглянулся. Того, что висел на кресте слева, он точно знал. И видел где-то совсем недавно...

— Кобылин!

Опять этот голос. И всякий раз замирает он, холодеют руки. Хоть знает, что нет тут никого, кроме него самого. Все тихо в подвале, только вода шумит. Он сделал не так, как у других, где фанерная или прессованная дверь, а то вовсе с петель сорвана и насрано во тьме. У себя он навесил деревянную дверь и еще желе-

зом укрепил. Шкаф тоже настоящий, с зеркалом, от соседа взял, когда тот мебель менял, лежанку тоже поставил. Лампочка у него тут горит — бесплатно, от общей сети. И все, что надо, тут у него. Только запах от труб и шумит часто...

Сердце перестало стучать. Он выдвинул боковой ящик у шкафа, вынул топорик. Блеснул никель при свете, и ощутилось удобство обтянутой эбонитом ручки. Топорик он купил в хозмаге полгода назад, еще не зная зачем, просто так. Был тот для разделки мяса, и обушок намечен отбивать котлеты или что еще. Топорик сразу пришелся к руке, да и стоил недорого, вот и купил. Для защиты у него был фонарь с плексигласовой ручкой, как у всех.

Он посмотрел на свои военные часы-хронометр. Такие раздал им всем Петр Станиславович и сказал, что это подарок от сочувствующих патриотам инстанций. Шли они точка в точку. Было еще рано, последний год он просыпался в четыре утра и не мог дольше спать, так что уходил отсюда в подвал, чтобы Катя не физдела. Она, падла, и не говорит с ним. Ничего, заговорит, когда все узнает!...

Во как удобно сделано: топорик сам утягивает с собою руку. Легко и споро крутил он кистью руки во все стороны, рассекая что-то невидимое. Потом потрогал остроту топорика, вынул напильник, немного подточил. Времени было навалом. Он обтер шею, открыл шкаф. Форма висела на вешалке, которую сюда принес, а Катя искала потом. Надел рубашку, сапоги, затянул ремень с португеей. Выпрямил шею с подбородком, глянул в шкафное зеркало. Сразу совсем другой он становился, вроде из фильма про Штирлица. И знак белел на груди. Сапоги вот только у него кирзовые. У Чекулаева они хромовые, и неправильно это. Они все равные, и сапоги им выдали в одном складе. Вот и должен их носить, как все. Командовать нечего: «Гони, Потрох, за сигаретами!»

Он даже задрожал весь от злости. Откуда узнали? В школе: Потрох и Потрох. И в училище, на другом конце города, кто про это знал? Фамилией не звали, и кликуха с пятого класса за ним. С ребятами будки курочил и на химии сидел, там тоже. Катя, падла, соседке так и говорит: «Мой Потрох!» И вот сюда, в Движение, записался — так на третий уже день: «Потрох, беги за сигаретами!» А как собираются куда по серьезному делу, так, «Потрох, оторвись!» Только он им скоро покажет, кто такой Потрох. Сами только знаки у жидов на дверях малюют и на митингах орут. Настоящее что сделать — киска тонка. А Кобылины если что задумали, то молоток. Отец говорил: вся деревня была их — одни Кобылины, и называлась так же. Петр Станиславович, когда в Движение

Морис Давидович Симашко (Шамис) родился в Одессе в 1924 году. Его исторические романы и повести, среди которых «Искушение Фраги», «Маздак», «Искупление Дабира», «Семирамида» и другие, уже более сорока лет издаются в нашей стране и за рубежом.

принимал, сказал еще, что писатель был такой — Кобылин, в тюрьме сидел. Только вроде как не патриот он был...

А Чекулаев ничего и не знает. Тогда сидели они в Сокольниках и говорили про еврея, что попом служит, имеется или нет у того обрезание. Вот и разоблачить, мол, следует его перед советским народом, кто он есть такой. Все наперебой говорили, чтобы ярсу содрать, а еще церковь звездами размалевать. Туда половина Москвы едет этого пола слушать, все сионисты да академики. Когда-то пацанами в летнем клубе как они делали? Идет кино, а они накладывают в кулек потяжелее говна и бросят с маху через забор: «Ну, кому бог послал!»

Тогда он все молчал. Да его и не слушали. А потом тихо сказал: «Кончить следует попа!» Никто и не посмотрел на него. Только Чекулаев осклабился загадочно, как умеет. А через день Петр Станиславович заговорил с ним о том самом, но вроде бы и не о том. Он сказал все прямо, как думает поступить с попом, а тот лишь слушал и так поворачивал разговор, что вроде бы о другом они говорят. Два или три раза так было. А еще через неделю познакомили его с Владленом Евдокимовичем. Тот совсем ничего не говорил, лишь сидел в стороне и слушал их разговор. Лицо у него было безразличное. Раз в месяц появлялся у них этот Владлен Евдокимович, но все притихали, и даже Петр Станиславович становился равно и прижимал руки к бокам. Потом они запырились вдвоем и о чем-то говорили. Так был еще в райкоме партии, где у них была поначалу своя комната, и потом, когда уже пошили форму, в их штабе...

Следовало собираться на смену. Он еще раз посмотрел в зеркало — прямо и боком. Выражение лица было, как на картине, что висела в их клубе: «Ровесник эпохи». Соседи сразу замолкали, когда проходил он через двор, так одетый. Уважали. Только Катька, падла, выбросила сапоги вместе с формой из гардероба. Сказала еще, что

псиной пахнет. Пришлось сюда ее нести.

Прежде, чем переодеться, он поправил на столе стопу книг, по которым готовился к собеседованиям. Все тут было научное: про жидов и их зверства с арабами, а также как русских угнетают и всех людей хотят в рабов себе обратить. Доктора разных наук, профессора пишут, люди знающие. Тут же сложен был по номерам комсомольский журнал, где писатели земли русской зовут к борьбе. Стихи тоже там хорошие: про Родину, не то что какая-то мура непонятная. Им от редакции этот журнал присылали бесплатно. Глотнув холодного чаю и съев ливеру, который Катька вчера достала, он заспешил. Служебный автобус мог пройти и раньше...

Бечевка — раз, два, потом поперек, ножом чик, и в два узла. На, забирай! И краем глаза жестянку из виду не следует выпускать, правильно ли клиент рассчитался. Мужики — те, бывает, рупь кладут. А бабы до меди считают. Он на очередь посмотрит и сразу видит, сколько с клина будет. Как коробка наполняется, снимает бумажки и в сумку. В пиджак деньги ложить нельзя, так договорено...

Сюда, в аэропорт, его Петр Станиславович определил, чемоданы в бумагу обертывать. Для Движения материальная поддержка, и он не в накладе. А перед тем он подрался с Чекулаевым. Тот его в носильщики при «Пригороде» определил: там тоска одна и с корзинами да мешками только надорвешься. Когда он в смену намалялся и тройка еще не хватило, Чекулаев взял его за грудки: «Ты, сучий Потрох, вытряхивай карманы!» И мутузил его, так что ухо об мусорную тумбу ободрал. Тогда Петр Станиславович за него вступился, сюда направил. Движение свои точки кругом имеет...

А здесь ему хорошо. Бумагу — раз, оборвал по линейке, расстелил, чемодан сверху и опять с бечевкой. Смотреть лишь надо, чтобы бумаги лишней не тратить

E. H. R. 1912

и бечевку правильно отрезать, поскольку лимит. На душе тут легко и думать можно. Также и делом заняться. «Акцией» это называется. Жидам и прочим показать следует, что не место им в России. Как раз одна такая, с румпелем, в хвост к нему становится. Их четыре хвоста к стойке, где они работают, и хитрожопые пассажиры мечутся с чемоданами, рассчитывают, где раньше очередь подойдет. Эта старая жидовка, видать, с внучкой. Та все бабке чемодан помогает к стойке толкать. Из кожи чемодан, сразу видать. В Израиль, как пить дать, намыливаются, Родина им ничо чем. Ему вот приходится об ней думать. Ну, толкайте, толкайте свой чемодан!..

Он обычно ждет, когда отстоят час или полтора, а когда намеченный им объект приблизится, объявляет у себя перерыв. В другую очередь из этой ни за что не пускают. Начинается крик. А он что, он тоже человек, намерен отдохнуть. Те покричат пять минут и уходят, потушие. Тогда он опять становится к стойке. В прошлый раз один такой еврей с белыми патлами все за ордена взалтался, инвалидную книжку показывал. Потом — брык, и с копыт. Полчаса на скамейке лежал. А он свой перерыв как раз на эти полчаса и продлил.

Вот и эта с внучкой подошла. Он ждал, пока чемодан они вдвоем на стойку втащили. Потом этак спокойненько повернул табличку другой стороной на «Перерыв» и ушел за занавеску. Там он заварил чай, положил, как любил, в стакан четыре куска сахара, попил и выглянул. Старуха плакала молча, без звука, а маленькая тащила ее за пальто на рейс. Он налил в стакан из бачка еще кипятку в прежнюю заварку. Она была еще крепкая. Чай им доставляли свои ребята, грузчики с самолетной разгрузки. У этих все было...

Затем он опять вышел к стойке, и сразу к нему набегали из других очередей. Теперь он определил в хвосте очкастого, с бородкой и портфелем. Тот читал какую-то книгу, а саквояж двигал ногой. Он засомневался, может, это и не еврей. Но все равно масон, сразу видать. Так что пускай почитает, падла...

Вдруг он весь напрягся и бросил вязать чемодан. В зале появился человек, знакомый ему. Или показалось? Он оставил багаж, вышел из-за стойки, заспешил следом. Человек тот стоял у депутатской комнаты, проводил кого-то. Теперь он точно видел: это Владлен Евдокимович, только не в костюме со свитером, как у них бывает, а в погонах с двумя просветами. Про то все знали, что Движение не само по себе, а дело серьезное, с безопасностью Родины связанное. Теперь вот сам в том убедился. Он вернулся за стойку повеселевший и стал думать о завтрашнем...

К концу смены, как всегда, явился Чекулаев, выгреб у них две трети будто бы в кассу Движения, даже мелочью не побрезговал. Только он знает, у кого второй уже новый «Жигуль». Говорят, у родни держит. И долларами тоже промышляет. Все про то знают и уже стучали Петру Станиславовичу. Тот слушает и молчит...

Чекулаев пошел в платный туалет забирать процент, а он принялся собираться. Передал сменщику катушку с бечевкой по весу, бумагу. Выйдя из зала, достал из ботинка две зажатые из общего котла десятки, приложил к заработанному за день. Вышло ничего. Стал ждать служебный автобус...

Солнце еще не восходило. В предутренней тьме прошло обычных три-четыре человека к первой электричке, а потом от нее. Теперь часа два никто не будет тут проходить. Он все точно знал, поскольку не

один раз стоял тут в лесу и засекал по часам каждого идущего. А сам он приехал еще вечерней электричкой, когда валом валит народ и никто не смотрит по сторонам. Тут и переспал в куче хвороста...

В утреннем воздухе давно уже слышались знакомые шаги: спокойные, гулкие, будто первый человек идет по земле. Пели птицы. Ветерок пробежал по верхушкам деревьев. Когда шаги сделались ближе, он отступил за сосну. Навстречу он ни за что не мог бы выйти. Лишь топорику под курткой сжал запотелой рукой.

Через кусты были видны только ряса и крест, пропльвшие мимо. А когда вышел он на тропинку, то увидел еще в руке у пола старый, с жестяным замком портфель, который тот носил с собой на утреннюю службу. Такой портфель был у его учительницы в школе...

Он потоптался еще с минуту, потом неслышно побегал следом. Когда был уже близко, поп услышал его, остановился, хотел обернуться. Этого никак нельзя было допустить. В два шага добежал он, ударил по открытой голове топориком раз, потом другой и третий, дернул к себе портфель. А поп не падал и стал оборачиваться к нему. Он увидел все те же радостные глаза и тогда побегал, путаясь в кустах и слыша непонятный звон в ушах. Потом, перейдя на другую тропинку, понял он, что это звонят в церкви, к утренней службе...

Вышел он к другой платформе, когда уже много было народа и как раз подошла электричка. Топорик он обмыл в речке, а портфель завернул в бумагу и перетянул бечевкой, вроде какой картины. Домой доехал на троллейбусе и пошел прямо к себе в подвал. Вынес потом и выбросил в бачок через двор туфли и куртку. Когда Катя пошла на работу, поднялся наверх, поел и вернулся назад. Портфель он так и не открывал, даже не разворачивал.

Где-то через час пришел Чекулаев. Ничего не говорил, лишь забрал портфель и предупредил, чтобы вечером явился на загородную базу. Ехать следует не электричкой, а автобусом...

Все он точно так и сделал. Днем спал, да все как-то плохо: звон стоял в ушах. А вечером оделся обычно, на метро доехал до автобуса. Потом еще час ехал, пока не начались дачи. На конечной остановке сошел и пошел по темной дороге через овраг к известному ему месту. Идти тут было минут пятнадцать. На остановке ему показалось, что кто-то следит за ним. Но все было тихо, только какая-то грузовая машина с крытым верхом стояла в стороне и два мужика возились с мотором. Когда стал уже спускаться к оврагу, эта машина послышалась сзади. Он встал к обочине, чтобы пропустить ее. Яркий свет ударил в глаза, и машина, вдруг поведя в сторону, опрокинула его, давя ребра, разламывая кости...

Все он ясно слышал, лишь голова была будто пустая. Машина где-то остановилась. Послышались голоса. Он узнал ровный, деловой голос Владлена Евдокимовича. Потом его осветили фонариком.

— Дышишь еще, Потрох?

Это был голос Чекулаева. Железная, спящая тяжесть обрушилась на голову. Тогда вдруг в необыкновенной яркости увидел он висящего на кресте с уроненной головой. Двое висели по обе его стороны, и он узнал того, что слева. Это был он сам. Руки и ноги его были пробиты гвоздями, и ему совсем не было больно...

Между стёбом и декларациями

По утрам еще сонной рукой цепляюсь за ручку радиоприемника. Начинаю прокручивать метры музыкально-говорливых радиоволн. Ищу — чьим бы это лихим приветом взбодриться для трудовых подвигов. А утренний эфир прямо-таки бурлит молодыми бодрыми голосами. Маши, Светы, Лени, Сережи (из «Европы плюс», «Радио М», «Эс-Эн-Си», «Ностальжи»...) наперебой предлагают мне модный шлягерный компот, словно бы соревноваться в изощренных комментариях банальнейших песенных названий. Ребята-ведущие кайфуют от возможностей запросто болтать с миром обо всем. О том, как широка постель несравненной Мадонны, и о том, как можно «неслабо оттянуться» на нежном роке «Криденсов». А изредка как бы небрежно вставят пару прикольных фразочек про крутые дела «дядей» из Моссовета или «Белого дома»... Расслабуха полная! Дворовый слэнг, английские стихи и импортные позывные — все рядом. Сколько раз, слушая воркования радиодив, недоумевала спросонья: где же это я оказалась — Лондон, Париж, Брюссель? Европа, но, увы, плюс Москва — грязная, голодная, злая, которая суетится там, в реальной жизни за окном. Трудно даже представить, что эти беззаботно болтающие в эфире юнцы тоже смотрят в эти окна, ходят по этим замызганным улицам, мимо этих пугающе пустых магазинов...

Нет, я все прекрасно понимаю. Это стёб, особый стиль общения со своей тусовкой. И ребята в нем простокупаются. Играют в легкую жизнь, издеваясь и над нами, и отчасти над собой, — и от такой игры сами больше всех кайфуют.

Как-то один из модных радиоведущих полчаса пускал в эфир старые благостные песни Эмиля Горовца, вяло-элегантно издеваясь над наивно-официозным репертуаром и громкой популярностью бывлой нашей эстрадной звезды. Ни в детстве, ни тем более сейчас я не считала себя поклонницей этого советско-

кого «соловья», но, признаюсь, тут и у меня зашевелилась в душе жалость к простодушной лирике минувших десятилетий. А что же чувствовали, слушая эдакий стёб, наши бедные родители?! Ведь они в свои молодые годы не ведали такого куража и другой эстрады не знали. Да и почему, собственно, забытый ныне Горовец оказался столь притягательной мишенью для новомодной радиотусовки — есть куда более выразительные и несгибаемые фигуры в нашей официозной песенной эстраде, до сих пор концертирующие и к тому же преуспевающие на общественной ниве. А по ним, ребятки, не слабо пройти?

...И на телеэкране мой любимый коллега Сергей Шолохов опять дурит в том же стиле. Не так давно кайфовал минут пятнадцать, внимательно выслушивая беспомощные философические потуги своей коллежанки из команды Молчанова по поводу фильма «Палач». Видеозапись фиксировала все междометия и умственные паузы тележурналистки, которая на полном серьезе в доверительном тоне рассказывала обаятельному ведущему «Пятого колеса», что «от современного кино у нее такие мысли возникают, что... нельзя заснуть». Сережа наслаждался «содержательной беседой», всем своим ироничным видом призывая и зрителей разделить его удовольствие. А мне после нескольких минут этого уничтожающего ин-

тервью отчего-то стало жалко — и безнадежно наивную его собеседницу, и самого Сергея, растрчивающего дарование на дешевые приколы, а главное — телезрителей, к сожалению, в большинстве своем принимающих эти «мульки» за чистую монету.

Нет, я не призываю к возврату жесткой, тупой цензуры морализирующих редакторов. Боже упаси! Но что-то все же с нами произошло от всеобщей говорливости. Забыты элементарные формы общения, утрачен смысл слов. Эфир и печать захлебываются от пустоты словоблудия. Все вроде бы уже устали от груза нескончаемых политических деклараций, дебатов и официальных прогнозов. И тут как грибы после дождя выросли из-под земли на свет божий смущающие душу обывателей колдуны-хироманты-экстрасенсы и астрологи с примитивно-универсальными гороскопами... Теперь же пьяный воздух свободы узаконил в газетах, в эфире и стихии молодежной рок-тусовки со своими лидерами-болтунами, готовыми с легкостью превратить в игрушку абсолютно все: наши болячки и наши святыни, нашу глупость и нашу культуру. А жизнь наша, реальная, со всеми ее заботами и драмами, встрясками и озарениями, опять остается в стороне — между стёбом, гороскопами и декларациями...

Наталья ЛУКИНЫХ

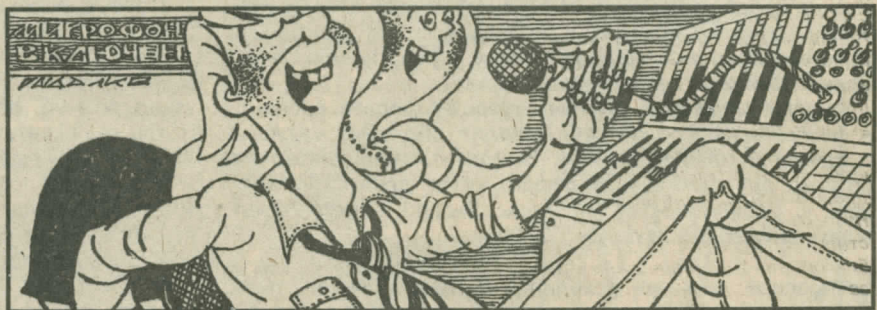

Рис. К. Рыбалко

Александр ГЛЕЗЕР:

«Я всегда был нарушителем законов»

Эмигрантский стаж Александра Глезера — почти семнадцать лет. Он был одним из организаторов знаменитой «бульдозерной» выставки 15 сентября 1974 года. Авторы сметенных железной машиной полотен собрались тогда на квартире Глезера, приехали иностранные корреспонденты, и «шурики», окружившие дом, уже не могли ничему помешать. Спустя две недели, 29 сентября, власти были вынуждены под давлением международной общественности разрешить провести в Измайлове еще одну акцию тех же художников-нонконформистов. А через некоторое время Глезер был арестован КГБ и вскоре покинул Родину.

Теперь один список должностей Глезера занимает почти полстраницы: президент Международной ассоциации интеллигенции в поддержку перестройки и гласности, президент Центров современной русской культуры Париж — Джерси-Сити, консультант по русскому и советскому искусству Культурного фонда Даниэль Миттеран, директор издательства «Третья волна» (Париж—Москва—Нью-Йорк), главный редактор альманаха «Стрелец» и еженедельника «Русский курьер». Ну а кроме того, он коллекционер, активно пишущий журналист и поэт.

Судьба не удержалась от веселой улыбки: выставка «Картины возвращаются в Россию, картины остаются в России», организованная Александром Глезером нынешней осенью в ЦДХ, закрывалась именно 29 сентября. На ней были работы тех же нонконформистов 70-х и 80-х. Теперь страна, жестоко и бездумно отталкивавшая их от себя долгие годы, с восторженной благодарностью принимала в дар от коллекционеров и самих авторов оказавшиеся бесценными (и, кстати, очень дорогими, если уж о деньгах) полотна.

— Александр Давидович, вы приехали в Россию, потому что поверили Горбачеву?

— Когда был объявлен новый курс — перестройка, гласность, большинство эмигрантов восприняло это с недоверием, я в том числе. В Москве уже был один раз *détente*, направленный на то, чтобы обмануть Запад, получить технологии, ничего не дав взамен и ни на йоту не изменившись. Поэтому и перестройку я воспринял как новый *détente*, как заигрывание с интеллигенцией. Но время шло, и становилось все заметнее, что в стране происходят серьезные изменения. Как раз тогда, в сентябре 1988 года, я брал в Нью-Йорке интервью у Татьяны Толстой, которая сказала мне, что

она очень боится, что левые и правые раскачивают корабль с обеих сторон и могут загубить начатый позитивный процесс. Я согласился с ней. К тому же я разделял точку зрения Солженицына о том, что все беды России оттого, что в ней всегда побеждали левые или правые экстремисты, но никогда — центристы. Так у меня родилась идея создать Ассоциацию интеллигенции в поддержку перестройки и гласности, которая будет занимать центристские позиции.

По западным понятиям, я всегда считался очень правым эмигрантом, то есть человеком, настроенным резко антикоммунистически. Многие мои акции — я сжигал чучело Брежневина и так далее — носили экстремистский характер. У меня взяла интервью газета «Новое русское слово», которая до сих пор держится правых позиций. Больше всего их занимал вопрос: как я могу верить коммунисту Горбачеву. На это я привел два резона. В свое время эмигранты возмущались тем, что Герцен направил Александру II — тирану, царю! — поздравление в связи с отменой им крепостного права. Герцен тогда выдал очень хорошую формулировку, которую я люблю, — я поддерживаю того, кто освобождает, до тех пор, пока он освобождает. Во-вторых, я вновь сослался на Солженицына, убежденного, что в России патриоты в положительном смысле этого слова, люди, думающие о Родине, а не о партии или собственной карьере, могут оказаться не только в гуще народа, но и в высших эшелонах власти. Конечно, вечные оппоненты подвергли Александра Исаевича резкой критике, говорили, что он поддерживает черных полковников, но дальнейшие события показали, что он опять был прав, — честные люди нашлись и наверху, и в армии, и даже в КГБ.

Через парижского корреспондента «Правды» Большакова я получил тогда приглашение приехать в Москву, чтобы увидеть все своими глазами.

— А как ваша поездка в Россию была воспринята в эмигрантской среде?

— Подавляющее большинство, я имею в виду, конечно, не Брайтон-Бич, а политическую эмиграцию, меня упрекало в том, что я не дождался извинений. Но ведь меня изгнали определенные структуры, определенные люди, многих из которых уже нет, а делал я все для России, для

русской культуры, они не должны передо мной извиняться, да и вообще — что важнее, наши личные обиды или возможность поработать на благо своей страны?!

К великому сожалению, большая часть наших эмигрантов вместо того, чтобы делать что-нибудь, подает оттуда советы, но оторванность на долгие годы от страны совсем не способствует тому, чтобы эти советы были правильными. И, по-моему, аморально, сидя на благополучном Западе, менторски рекомендовать что-нибудь, никак не помогая делом.

Я уже не говорю о правых кругах эмиграции. Каких только слухов обо мне не распространяли! Говорили, что я распродал коллекцию и призываю всех вернуться на Родину, что меня завербовало КГБ и т.д. и т.п. Причем это не только сплетни обывателей, нет, «Русская мысль» весьма прозрачно намекнула, что еженедельник «Русский курьер», который я выпускаю в России, финансирует Лубянка. Все это настолько противно, что не хочется говорить. В СССР когда-то писали, что я — агент ЦРУ, теперь объявили агентом КГБ. По-моему, между теми и этими обвинителями нет никакой разницы, по крайней мере с точки зрения морали и нравственности. Естественно, для меня и моих единомышленников немедленно зак-

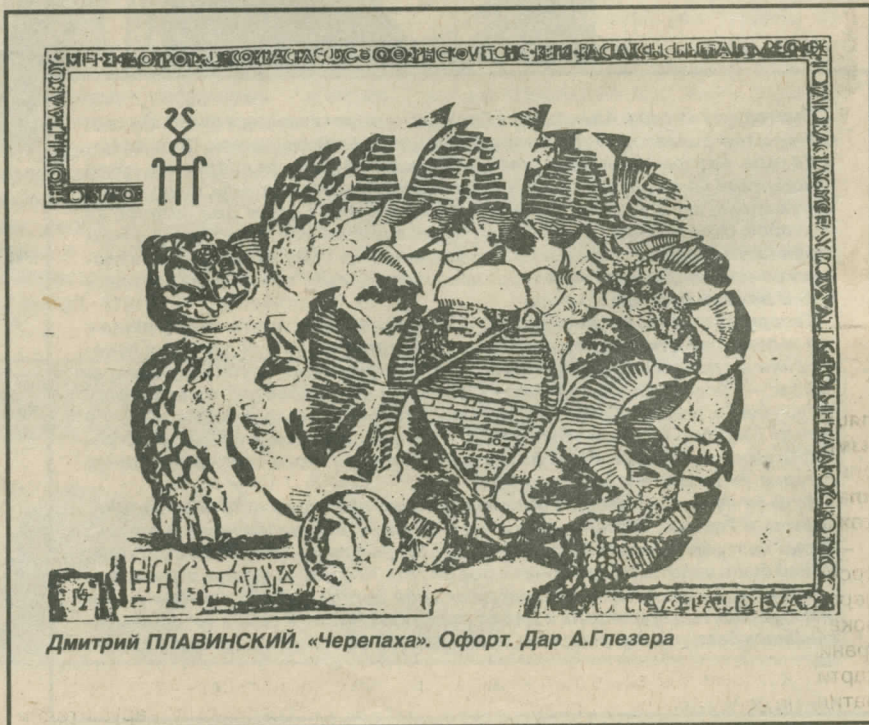
рыли страницы той же «Русской мысли», а «Новое русское слово» даже отказалось принимать у меня платные объявления, в которых сообщалось об открытии в Джерси-Сити Центра русской культуры и первой выставки в нем — выставки замечательного художника Бориса Свешникова.

В этой ситуации мне ничего не оставалось делать, как открыть свою газету, чтобы западная и эмигрантская общественность могла получить объективную информацию о России, а Россия — об эмиграции. Позиция — чем хуже в России, тем лучше — просто отвратительна, о чем я и сказал в лицо главному редактору «Русской мысли».

— Теперь вы часто приезжаете в Россию и перенесли сюда свою деловую активность. «Русский курьер», тираж «Стрельца» в несколько тысяч...

— Да, в Нью-Йорке он семь лет издавался в количестве пятисот экземпляров! Если мы думаем о России, а не превратили свое диссидентство в нечто удобное для западной карьеры, то наше место на Родине, где сейчас медленно и понемногу, но все-таки осуществляется то, за что мы боролись в незабываемые 60-е.

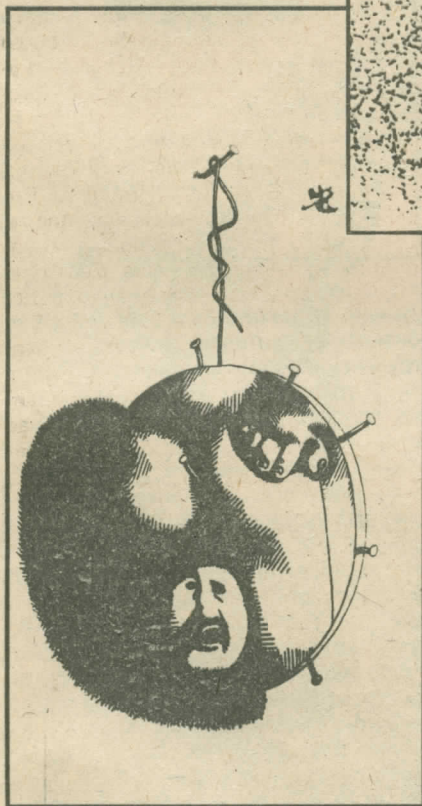
— Наверное, со стороны позитивные процессы заметнее, а у нас идиосинкразия к победным ре-

Дмитрий ПЛАВИНСКИЙ. «Черепашка». Офорт. Дар А.Глезера

Борис СВЕШНИКОВ. Из серии «Каприччио». Дар А.Глезера

Олег ЦЕЛКОВ. «Маска». Офорт. Дар парижского Музея современного русского искусства

ляциям, к тому же конструктивные изменения с таким трудом пробивают себе дорогу и новая власть так часто становится похожа на старую.

— Нет, вы не правы — изменения бросаются в глаза. Хотя в самый первый приезд я столкнулся с провокацией в духе старых времен. На границе у меня изъяли несколько картин, которые я здесь купил и заплатил пошлину в три с половиной

тысячи долларов. Это было сделано по указке КГБ, который давно имеет на меня зуб. До сих пор картины находятся у них, я подал в суд, адвокат работает, надеюсь, что открытие выставки ускорит процесс восстановления справедливости: ведь я подарил больше восьмидесяти картин, среди которых другие работы тех же пятерых художников, чьи полотна задержала таможня.

Но вообще-то бюрократические трудности меня мало волнуют. Бюрократия есть везде, и во Франции, и в сравнительно молодой Америке. Это трудности преодолимые, особенно теперь, когда отходят в прошлое партийные структуры. Нужно лишь терпение.

Поначалу ко мне отнеслись с недоверием и Министерство культуры, и Фонд культуры, они, наверное, думали, что я буду просить денег под свои проекты, но в день открытия выставки они сами пришли ко мне, и мы подписываем, наконец, соглашение о создании Центра современной русской культуры в Москве: Кстати, подобные ситуации не редкость в Америке. «Стрелец» я издавал несколько лет на свои деньги, занимал, перезанимал, зарабатывал, перевозя картины через границу...

— Это же незаконно?..

— А я всегда был нарушителем

законов любой страны, когда, по моему мнению, они противоречили здравому смыслу. У меня бывали столкновения и с французской полицией.

Так вот, обращаться за деньгами надо, только уже имея журнал или другое начатое дело, а не бумажки с фантастическими планами.

— Расскажите немного о том деле, которое вы начинаете в Москве.

— По подсчетам Владимира Немухина, с 60-го года из России было вывезено 300 тысяч картин. Даже если он ошибся на несколько тысяч, это не принципиально. Единственный выход — создание музея, только тогда остановится отток из России культурных и материальных ценностей. Кстати, на недавних американских аукционах работа Кабакова была продана за 170 тысяч долларов, а Слепышева, например, — за пятьдесят. Надо вернуть хотя бы часть того, что ушло из страны за эти годы. Художники-эмигранты, многие коллекционеры и галереи поддержали мой начин, и в январе, я надеюсь, состоится новая выставка, на которой будут уже другие работы, новые дары.

Музей современного русского искусства войдет частью в Центр русской культуры, который я начал создавать в Москве. Передали свои ра-

боты будущему музею и многие московские, ленинградские и уфимские художники.

Фонд Даниэль Миттеран поможет будущему московскому Центру оборудованием.

— А здание для Центра вы уже нашли?

— Мне предлагали несколько помещений, но по-настоящему мне хочется построить что-то современное, подобное Центру Помпиду в Париже. Пока остановились на территории сада «Эрмитаж». Буквально накануне отъезда у меня была встреча с А.Музыкантским, и мы подписали протокол о намерениях. Если в ближайшее время это окончательно решится, то к январю уже будет готов архитектурный проект. А там, года через два уже Центр мог бы быть и построен.

— Вы идеалист — два года в наших условиях!..

— В Америке строят за шесть месяцев, неужели наши рабочие хуже?! Конечно, если людям платят маленькие деньги или даже большие деньги, на которые они ничего не могут купить, то никто и не работает. Если же обеспечить строителям особые условия, то, уверен, дело сдвинется. А про идеализм мне говорили, еще когда я «Русский курьер» начал издавать, но газета-то су-

ществует. Если поставить перед собой цель, понемножку начать копить деньги и ждать, то процесс будет бесконечным. Надо сразу начинать дело.

— Я все-таки не поняла, на какие средства будет строиться и функционировать Центр — предприятие явно некоммерческое. На пожертвования западных фондов и советских спонсоров? Откуда возьмутся те 10—15% в рублях и в валюте, которые вы собираетесь отчислять на нужды города?

— В состав Центра войдут: музей, магазин красок и холстов, редакции «Русского курьера», «Стрельца» и задуманного мной журнала по искусству, архивы литературы и искусства, которые отчасти придется закупать за границей. На все это, конечно, денег спонсоров не хватит. Но я основываюсь на опыте западного бизнеса. В свое время у меня выходила в одном из самых крупных издательств Штатов — «Random House» — книга о неофициальном русском искусстве. Я был очень удивлен, когда увидел, что она издается в твердом переплете и стоит 17 долларов — ведь художники, о которых шла речь, еще не были известными. Тогда мне объяснили, что издательство в данном случае не заинтересовано в быстрой материальной выгоде. Оно выпускает примерно 60% макулатуры — детективов, фантастики, воспоминаний знаменитых проституток и актеров, а за счет этого прекрасно продающегося товара печатается 40% престижной литературы, которая может подолгу стоять в магазине и даже уцениваться, как было, кстати, и с моей книгой. Я тоже пошел по этому пути. «Третья волна» издает на русском языке французские детективы, которые дают мне средства на остальные мои начинания.

Я хочу осуществить свои идеи, не прося денег у официальных структур, обращаясь в крайнем случае к общественным организациям или корпорациям, которые могут стать спонсорами. Центр должен сам себя обеспечивать, что-то из всего концерна будет приносить прибыль, что-то планируется заранее убыточным.

— А что вы как бизнесмен...

— Я не бизнесмен, терпеть не могу это слово.

— Хорошо. Что вы — как деловой человек — будете иметь со всех российских проектов?

— Я не стремлюсь заработать

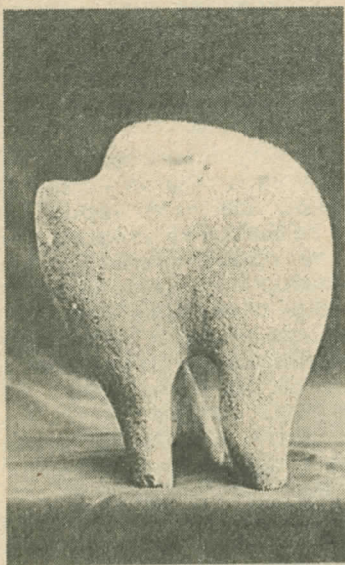
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ.
«Женский торс», бронза. Дар
скульптора и еженедельника
«Русский курьер»

деньги. Я деловой человек, но анти-бизнесмен, хотя бы потому, что я грузинский человек, вырос в Тбилиси. Я трачу много денег. Вот выставка прошла, а потом было такое застолье...

— Это реклама, между прочим.

— Не только, это и моя внутренняя потребность. Я отрицательно отношусь к эмигрантам, которые хотят не просто помочь России, но еще и заработать на ней. Конечно, нельзя осуждать западных бизнесменов, которые стремятся получить прибыль, но, увы, из российских эмигрантов многие приезжают сюда вешать лапшу на уши. Среди них полно дутых величин, за которыми не стоит ничего серьезного, я знаю их по Нью-Йорку и Парижу. Их интересуется только одно — сорвать здесь куш посOLIDнее. Поэтому у меня такое неприятие слова бизнес.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Александр ПОТЕШКИН.
«Композиция». Дар г-жи
Н.Стивенс

Адриатик

ЭТО НАДЕЖНАЯ СТРАХОВКА ПРИ ЛЮБОМ СРЫВЕ!

РИА «Парис»
тел. 371-58-50

Надежность — это кредо и стиль работы первой профсоюзной коммерческой страховой фирмы независимых профсоюзов Соц-проф СССР «Адриатик».

«Адриатик» предлагает Вам свое сотрудничество в различных видах страхования, в ряде случаев не имеющих аналогов на зарождающемся страховом рынке страны.

«Адриатик» оказывает услуги по страхованию перевозимых грузов с обеспечением автомобильного и авиационного транспорта, с помощью которых Ваш груз в кратчайшие сроки и в полной сохранности будет доставлен к месту назначения.

«Адриатик» также производит:

- подготовку документов и страхование коммерческого риска по Вашим сделкам;
- групповое страхование жизни и здоровья работающих из средств предприятия;
- страхование сельхоздеятельности;
- страхование средств вычислительной техники и носителей машинной информации;
- страхование жизни и здоровья граждан, выезжающих за рубеж;
- страхование лазерных установок и оборудования;
- страхование недвижимости;
- страхование от безработицы за счет средств первичных профсоюзных организаций из средств предприятий.

РИА «Парис»
тел. 371-58-50

ВНИМАНИЕ! 15 июля 1991 года в результате кражи со взломом одному из коммерческих магазинов — клиентов фирмы «Адриатик» был нанесен урон в размере 71000 рублей. «Адриатик» уплатил страховку в течение 24 часов.

Ваши предложения о совместной коммерческой деятельности направляйте по адресу: 103104, Москва, Смоленская пл., г-ца «Белград — 2», 12-й эт., оф. 1208 — 1209, тел.: 248-51-03, 248-51-14, 202-30-83, 433-60-22.

«САКСЕСС» — ЭТО ВАШ УСПЕХ В БИЗНЕСЕ, ТОРГОВЛЕ И ОТДЫХЕ!

А-3-198
Совместное советско-американское предприятие
«САКСЕСС»

ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ ЗА РУБЛИ И СКВ:

- **ЭЛЕКТРОНИКУ:** телевизоры, видеоплееры, аудио- и видеокассеты, калькуляторы, пишущие машинки, телефаксы, компьютеры;
- **БЫТОВУЮ ТЕХНИКУ:** стиральные машины, кухонные комбайны, миксеры, пылесосы, утюги, швейные машины;
- **ТЕКСТИЛЬ:** хлопчатобумажные и синтетические ткани, постельное белье;
- **ОДЕЖДУ:** кожаную, хлопчатобумажную;
- **АВТОМОБИЛИ (иномарки):** новые и подержанные;
- **ПРОДУКТЫ:** чай, кофе, консервированные соки, орехи, специи.

А ТАКЖЕ МНОГОЕ ДРУГОЕ!

**Розничная продажа товаров за СКВ —
в магазине «БОРОДИНО» по адресу:**

**Москва, Кутузовский проспект,
музей-панорама «Бородинская битва».**

Оптовая торговля:

Заказы по адресу: **Кутузовский проезд, 3**
Контактный телефон: **(095) 148-99-66**
Факс: **2926511 ANKRAS 002934**

**ПРЯМЫЕ ПОСТАВКИ
ОТ ЛУЧШИХ ФИРМ И
ТОРГОВЫХ ДОМОВ ЕВРОПЫ,
АЗИИ И АМЕРИКИ,
ШИРОКИЙ ВЫБОР
И САМЫЕ НИЗКИЕ
В РОССИИ ЦЕНЫ —
ВСЕ ДЛЯ ВАС!
«САКСЕСС» —
ЭТО ВАШ УСПЕХ!**

